

УЧЁНЫЕ ТРУДЫ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

№ 4 (71) 2023

№ 4 (71) 2023



УЧЁНЫЕ ТРУДЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

УЧЁНЫЕ ТРУДЫ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

Научно-правовой журнал
Издается 1 раз в 3 месяца

ISSN: 1997-0986

№ 4
(71)
2023



**Учредитель
и издатель:**
Российская академия
адвокатуры
и нотариата

Главный редактор
Г.Б. МИРЗОЕВ

**Заместитель главного
редактора**
Р.В. ШАГИЕВА

**Ответственный
секретарь**
Н.Н. КОСАРЕНКО

Решением Президиума
ВАК журнал включен
в Перечень рецензируемых
научных журналов
и изданий
для опубликования
основных результатов
диссертационных
исследований
на соискание
ученой степени доктора
и кандидата наук
(по праву).

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)
<http://www.info-pravo.com>
E-mail: info@info-pravo.com

Журнал основан
в 2000 г.

Зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору
за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного
наследия

Свидетельство
о регистрации
П/И № ФС77-35106.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель – Г. Г. ЧЕРЕМНЫХ, президент РААН, член Адвокатской палаты Московской области, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;

Сопредседатель – К. А. КОРСИК, вице-президент РААН, президент Федеральной нотариальной палаты РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин РААН;

Сопредседатель – Г.Б. МИРЗОЕВ, ректор РААН, президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, член Совета Федеральной палаты адвокатов РФ, заслуженный юрист РФ, Почетный работник в сфере образования РФ, Почетный работник юстиции РФ, доктор юридических наук, профессор;

Сопредседатель – Ю. С. ПИЛИПЕНКО, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры адвокатуры МГЮА им. О.Е. Кутафина.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А. П. АЛЬБОВ, кандидат философских наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования, член-корреспондент РАЕ, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА);

М. М. БАБАЕВ, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор;

С. В. БАРАБАНОВА, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента Казанского национального исследовательского технологического университета, доктор юридических наук, доцент, почетный работник ВПО РФ;

Л. А. БУКАЛЕРОВА, проректор РААН, доктор юридических наук, профессор;

А. А. ВЛАСОВ, проректор РААН, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, член Экспертно-консультативного совета Министерства юстиции РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

С. И. ВОЛОДИНА, президент Федеральной палаты адвокатов РФ, проректор РААН, кандидат юридических наук, профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин РААН;

А. П. ГАЛОГАНОВ, вице-президент РААН, президент Международного союза (содружества) адвокатов, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, президент Адвокатской палаты Московской области, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин РААН;

Г. Г. ГОЛЬДИН, заведующий сектора международного права кафедры фундаментальных дисциплин и международного права РААН, доктор политических наук, профессор;

В. И. ЕЛИНСКИЙ, заведующий кафедрой государственного и административного права Института экономики и права «МИРЭА – Российский технологический университет», доктор юридических наук, профессор;

В. А. ЖАБСКИЙ, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

С. В. ИВАНЦОВ, ученый секретарь Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

А.Е. КИРПИЧЁВ, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

В. В. КУЛАКОВ, ректор Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Ю. А. КРОХИНА, заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. Ломоносова; профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор;

О. С. КУЧИН, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского

Подписной индекс
в каталоге
«Газеты. Журналы»
Агентства
«Роспечать» – 36802

Адрес редакции:
105120, Москва,
Малый Полуярославский
пер., д.3/5, стр.1.
Тел./факс: 917-22-39.
E-mail:
наука-raa@mail.ru,
info@raa.ru;
http://www.raa.ru

Компьютерная верстка –
Е.В. Мусатова
Корректор –
О.Б. Дровосекова
Фото – В.Н. Еремченко

Перепечатка материалов
без согласования
с редакцией журнала
«Ученые труды Российской
академии адвокатуры
и нотариата» не
допускается.

За содержание публикаций
авторов редакция
ответственности не несет.

© Российский университет
адвокатуры и нотариата
имени Г.Б. Мирзоева, 2023

Подписано в печать
01.12.2023.
Формат 84x108/16
Печ. офсет.
Бумага офсетная.
Печ.л. 9,5.
Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии
ООО «Канцлер»
150008, г. Ярославль,
ул. Клубная, 4-49.

государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕ,
Почетный адвокат России;

А. Н. ЛЁВУШКИН, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского
государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук,
профессор;

А. В. МОРОЗОВ, профессор кафедры компьютерного права и информационной безопасности,
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук,
профессор;

Н. Г. МУРАТОВА, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского
(Приволжского) федерального университета, заслуженный юрист Республики Татарстан, доктор
юридических наук, профессор;

В. В. РАЛЬКО, заведующий кафедрой нотариата и гражданско-правовых дисциплин РААН, нотариус
города Москвы, член комиссии по нотариату Ассоциации юристов РФ, доктор юридических наук;

И. М. РАССОЛОВ, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского
государственного университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук;

Ю.А. СВИРИН, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса и организации
службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции, академик РАЕН,
Почетный адвокат России;

А. Д. СЕЛЮКОВ, главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор;

А. А. ФАТЬЯНОВ, заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
доктор юридических наук, профессор;

Р.В. ШАГИЕВА, первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата,
доктор юридических наук, профессор;

В. В. ЯРКОВ, нотариус Свердловской областной нотариальной палаты,
доктор юридических наук, профессор.

ИНОСТРАННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Ф. БЕЛО, член Парижской коллегии адвокатов, доктор юридических наук (Франция);

А. В. БЕЛОКОНОВ, представитель Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, Гильдии
российских адвокатов в Австрии, член Адвокатской палаты г. Вены, магистр юриспруденции
(Австрия);

В. Л. КВИНТ, заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им.
Ломоносова, иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор;

М. Ч. КОГАМОВ, директор Научно-исследовательского института уголовно-процессуальных
исследований и противодействия коррупции Университета КАЗГЮУ, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный работник МВД Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан);

Я. О. КУЧИНА, ассистент профессора, докторант Университета Макао, кандидат юридических наук,
доцент (САР, КНР);

И. МИЛИЧ, ассистент Юридического факультета Новосадского университета, доктор юридических наук
(г. Нови Сад, Республика Сербия);

М. И. ПАСТУХОВ, профессор, профессор кафедры теории и истории права учреждения образования
«БИП – Университет Права и социально-информационных технологий» г. Минск, Республика
Белорусь;

Н. РУЙЕ, профессор предпринимательского права Школы Бизнеса Лозанны (Швейцария), доктор
юридических наук, партнер адвокатской конторы СвиссЛигал – SwissLegal Rouiller & Associates Avocats
(г. Лозанна, Женева и Фрибург);

А. ЧИРИЧ, заведующий кафедрой торгового права, арбитража внешнеторговых арбитражей, член
Научного совета общественных наук Министерства образования и науки Сербии, доктор юридических
наук, профессор Международного торгового права на юридическом факультете Университета г. Ниш,
приглашенный профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(Сербия).

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Г.Б. МИРЗОЕВ. О некоторых проблемах обеспечения прав лиц, находящихся под стражей, и пути их решения 5

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

А.В. АХМАТОВ. Законность и верховенство права (Rule of Law): теоретико-правовой анализ 9
В.В. ВАРМУНД. Теоретические аспекты соотношения субъективного права и правосубъектности физических лиц 20
Ю.С. ЖАРИКОВ. Факторы, влияющие на распространение радикальной религиозной идеологии в молодежной среде современной России . . . 23
А.И. СИДОРКИН, Д.В. РЕМИЗОВ. От частной полиции к частным военным компаниям
(из опыта создания и правового регулирования частных военизированных формирований в России) 27

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

А.Ю. ИЛЬИН, Ю.М. САРАНЧУК, Н.Н. КОСАРЕНКО. Контроль налоговых органов за соблюдением законодательства о налогах и сборах . . . 32
Р.В. ШАГИЕВА, А.А. КАЙБИЯЙНЕН. Индивидуализация и персонализация как тренды развития высшего и дополнительного
профессионального образования 39

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

М.В. АСТАФЬЕВ. Реестр воздушных судов и Реестр прав на воздушные суда в Российской Федерации:
причины возникновения данной юридической коллизии и пути ее устранения 49
Е.В. БОБРОВ. Некоторые аспекты компенсации вреда, причиненного источником повышенной опасности 57
О.В. ЕФИМОВА, Е.А. РЯЗАНЦЕВА. Статус объекта культурного наследия как обременение/ограничение прав
его владельца в гражданском обороте 62
А.Е. КИРПИЧЕВ. Находка как основание возникновения права собственности и обязательств: обзор основных проблем. 67
Ю.А. СВИРИН. Некоторые проблемы оспаривания сделок должника при банкротстве 73

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Л.А. БУКАЛЕРОВА, Н.В. КУЗНЕЦОВА. О месте конфискации имущества в системе мер уголовно-правового воздействия
за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности 78
В.Ф. ДЖАФАРЛИ. Типология лиц, совершающих преступные посягательства с использованием
инновационных технологий (часть 2). 83
И.С. КАМИНСКИЙ, Т.С. КАНДАБАРОВА. Необходимость изменения наднационального права Евразийского экономического
союза в части установления общих подходов к уголовной ответственности за внешнеэкономические преступления 88
И.О. КОПЕНКИН. Защита персональных данных несовершеннолетних в Европейском Союзе 93
Д.В. МИРОШНИЧЕНКО. Общественная опасность как онтологическая категория уголовного права 97

Трибуна молодых ученых

М.В. ЗАВИДОВА. Взаимосвязь составов преступлений с административной преюдицией с составами преступлений
с признаком лица, имеющего судимость 101
Б.С. ИВАНОВ. Основные изменения организации и деятельности нотариата России в период реформы 1993 год 106
С.Е. КАСЬЯНОВ. Принцип справедливости как основа уголовного права 113
Л.С. КРИМЕР. Косвенные доказательства по уголовным делам: особенности применения 116
С.А. ОРУДЖОВА. Актуальные проблемы противодействия киберпреступности на примере незаконного оборота наркотических средств:
международно-правовые аспекты 121
А.Н. РАБОТА. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия организованной преступности: российский и зарубежный опыт . . . 126
М.Я. САЖИН. Криминалистическая характеристика квартирных краж в современном мегаполисе (на примере г. Москвы) 133
А.Ю. ЮЛДАШЕВ. Пределы действия исключительного права на товарный знак 140
М.Ю. ЮЛДАШЕВ. Опцион на заключение договора и опционный договор. Проблемы практического применения
оферно-акцептной конструкции сделок 146

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

А.А. РОЖНОВ. Как Президент России снова стал Государем, или о Конституции юридической и фактической.
Размышления историка права в связи с 30-летием Конституции Российской Федерации 153
М.И. ПАСТУХОВ. Общее и особенное в Конституциях России и Беларуси 157

КОРОТКО О КНИГАХ. КРИТИКА И ОБСУЖДЕНИЕ

РЕЦЕНЗИЯ Ю.Е. Пудовочкина на монографию Мирошниченко Д.В. «Критика уголовно-правовой онтологии» 164
РЕЦЕНЗИЯ В.В. Хилюты на монографию Мирошниченко Д.В. «Критика уголовно-правовой онтологии» 168
РЕЦЕНЗИЯ Ю. Саранчука на учебник Косаренко Н.Н. «Основы социального государства» 174

ИНФОРМАЦИЯ

В свете событий... 176
Аннотация журнала 182

CONTENT

ACTUAL TOPIC

G.B. MIRZOEV. On some problems of ensuring the rights of persons in custody and ways to solve them.	5
--	---

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

A.V. AKHMATOV. Legality and the rule of Law (Rule of Law): theoretical and legal analysis.	9
V.V. WARMUND. Theoretical aspects of the correlation of subjective law and legal personality of individuals.	20
Yu.S. ZHARIKOV. Factors influencing the spread of radical religious ideology among the youth of modern Russia.	23
A.I. SIDORKIN, D.V. REMIZOV. From private police to private military companies (from the experience of creation and legal regulation of private paramilitary formations in Russia)	27

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

A.Y. ILYIN, Y.M. SARANCHUK, N.N. KOSARENKO. Control of tax authorities over compliance with the legislation on taxes and fees.	32
R.V. SHAGIEVA, A.A. KAIBIYAINEN. Individualization and personalization as trends in the development of higher and additional professional education.	39

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

M.V. ASTAFYEV. The Register of Aircraft and the Register of Aircraft Rights in the Russian Federation: the causes of this legal conflict and ways to eliminate.	49
E.V. BOBROV. Some aspects of compensation for damage caused by a source of increased danger.	57
O.V. EFIMOVA, E.A. RYAZANTSEVA. The status of an object of cultural heritage as an encumbrance / restriction of the rights of its owner in civil circulation.	62
A.E. KIRPICHEV. Nakhodka as the basis for the emergence of property rights and obligations: an overview of the main problems.	67
Yu.A. SVIRIN. Some problems of challenging debtor's transactions in bankruptcy.	73

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

L.A. BUKALEROVA, N.V. KUZNETSOVA. On the place of confiscation of property in the system of measures of criminal legal impact for crimes in the field of foreign economic activity.	78
V.F. JAFARLI. Typology of persons committing criminal offenses using innovative technologies (part 2).	83
I.S. KAMINSKY, T.S. KANDABAROVA. The need to change the supranational law of the Eurasian Economic Union, as well as the establishment of common approaches to criminal liability for foreign economic crimes.	88
I.O. KOPENKIN. Protection of personal data of minors in the European Union.	93
D.V. MIROSHNICHENKO. Public danger as an ontological category of criminal law.	97

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

M.V. ZAVIDOV. The relationship of the elements of crimes with administrative prejudice with the elements of crimes with the sign of a person with a criminal record.	101
B.S. IVANOV. The main changes in the organization and activities of the notary of Russia during the reform period 1993.	106
S.E. KASYANOV. The principle of justice as the basis of criminal law.	113
L.S. KREMER. Indirect evidence in criminal cases: application features.	116
S.A. ORUJOVA. Actual problems of countering cybercrime on the example of illicit drug trafficking: international legal aspects.	121
A.N. RABOTA. Criminal law policy in the field of combating organized crime: Russian and foreign experience.	126
M.Ya. SAZHIN. Criminalistic characteristics of apartment thefts in a modern megalopolis (on the example of Moscow).	133
A.Y. YULDASHEV. The limits of the exclusive right to the trademark.	140
M.Y. YULDASHEV. An option to conclude an agreement and an option agreement. Problems of practical application of the offer-acceptance structure of transactions.	146

INVITATION TO THE DISCUSSION

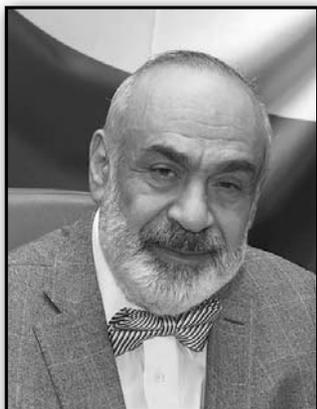
A.A. ROZHNOV. How the President of Russia became a Sovereign again, or about the legal and factual Constitution. Reflections of a legal historian in connection with the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation.	153
M.I. PASTUKHOV. Common and special features in the Constitutions of Russia and Belarus.	157

BRIEFLY ABOUT BOOKS. CRITICISM AND BIBLIOGRAFIJA

Y.E. Pudovochkin's REVIEW of the monograph by D.V. Miroshnichenko "Criticism of criminal law ontology".	164
V.V. Hilyuta's REVIEW of the monograph by D.V. Miroshnichenko "Criticism of criminal law ontology".	168
REVIEW of the textbook Kosarenko N.N. "Fundamentals of the welfare state".	174

INFORMATION

In light of events... ..	176
Abstract of the journal.	182



Г.Б. МИРЗОЕВ

О некоторых проблемах обеспечения прав лиц, находящихся под стражей, и пути их решения

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются отдельные проблемы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в условиях применения процессуальной меры принуждения в виде заключения под стражу. В частности, анализируется проблема необоснованного ограничения на свидания с родственниками или иными лицами, а также проблема обеспечения и сохранения здоровья и жизни лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления, в отношении которых избрана мера пресечения в виде содержания под стражей и страдающих тяжелыми формами заболеваний. На основании анализа данных проблем предложены законодательные пути по их решению.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лица, содержащиеся под стражей, права человека, УИС, тяжелое заболевание, свидание с родственниками, злоупотребление.

МИРЗОЕВ ГАСАН БОРИСОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник юстиции России, Почетный адвокат России, Почетный работник в сфере образования РФ, президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, член Совета Федеральной палаты адвокатов РФ (e-mail: advocat@gra.ru).

Статья 18 Федерального закона № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – ФЗ № 103) содержит правило, согласно которому лицам, содержащимся под стражей, предоставляются свидания с родственниками и иными лицами с письменного разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело. На сотрудников учреждений мест СИЗО возлагается обязанность осуществлять контроль за попытками передачи запрещенных предметов или сведений, которые могут препятствовать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления¹.

Представляется, что законодатель, положи-

тельно решив вопрос о беспрепятственном доступе защитника по предъявлению удостоверения и ордера к свиданию с подзащитным, оставил без внимания вопрос о беспрепятственной реализации права обвиняемого, содержащегося под стражей, на свидание с его родственниками. Смягчить положение заключенных в этом отношении уже пытались путем законодательных инициатив. Так, в 2018 г. в Государственную Думу РФ вносился законопроект № 1042392-7², который предусматривал возможность обвиняемым проводить любые телефонные разговоры с родственниками, которые не являются свидетелями по делу, в том числе с использованием средств ВКС. В остальных случаях следует получить разреше-

1. См.: Рогаткин С.М. Привлечение к ответственности граждан за попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник УИС. 2019. №1 (200). С. 67-70.

2. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1042392-7?ysclid=lnx6g2yv5s525956644> (дата обращения: 18.10.2023).

ние должностного лица, ведущего расследование. Однако указанный законопроект так и не был принят.

Вместе с тем, решение проблемы беспрепятственного свидания с родственниками необходимо, но с учетом соблюдения баланса между интересами предварительного расследования и интересами обвиняемого, выраженных в принципе недопустимости произвольного нарушения конституционных прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. С одной стороны, должностные лица, осуществляющие производство по уголовным делам, наделены дискреционным полномочием на разрешение свиданий с родственниками, с другой стороны, ничем не ограниченная дискреция может нарушать право обвиняемого на частную жизнь. В связи с этим, думается, необходимо ввести законодательные ограничения для должностных лиц в использовании права на предоставление свиданий с родственниками, прежде всего внести ясность и прозрачность в формулирование причин для отказов в свидании.

Известно, что законодательство предусматривает разрешительный характер получения права на свидания, что связано с защитой следователем данных предварительного расследования и недопущением фактов их разглашения, а также воспрепятствованием обвиняемому продолжать преступную деятельность, сокрыть сведения, имеющие значение по делу, уничтожить доказательства.

Вместе с тем, право следователя на предоставление свиданий родственникам на практике порождает злоупотребления и становится одним из рычагов давления на фигурантов уголовных дел. Нередко бывают случаи, когда следователь немотивированно отказывает в предоставлении свиданий под формальным предлогом соблюдения интересов и тайны расследования.

В связи с этим интересным представляется недавнее решение Конституционного Суда РФ от 20 июля 2023 г. № 1826-О/2023³, в соответствии с которым не найдены оснований для принятия жалобы гражданина Шухова о правовой неопределенности законодательных норм, регламентирующих право следователя предоставлять свидания с родственниками как порождающих с их стороны злоупотребления. Как было отвечено Конституционным Судом РФ в решении, разрешительный порядок предоставления свиданий не может быть истолкован как дающий правоприменителю возможность отказать в предоставлении телефонных разговоров и свиданий без достаточно веских оснований, связанных с необходимостью обеспечения интересов правосудия. Всякий такой отказ должен быть мотивированным с учетом фактических обстоятельств дела, что позволяет в каждом конкретном случае оценить обоснованность и законность отказа. Таким образом, сами нормы, определяющие разрешительный характер свиданий, не могут оцениваться как нарушающие права и законные интересы граждан, содержащихся по стражей; нарушение состоит в том, что не соблюдаются правила обязательного мотивирования решений об отказе в предоставлении свиданий, что является предметом ведомственного, прокурорского и судебного контроля и основанием для признания этих решений не законными и необоснованными, и подлежащими отмене.

Вместе с тем это безусловно справедливое решение Конституционного Суда РФ не снимает проблему должностных злоупотреблений. В связи с этим считаем необходимым и возможным внести изменения в действующее законодательство в целях противодействия принятию немотивированных решений и злоупотреблений со стороны следователя, ведущего расследование, в виде регламентации обстоя-

3. Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 1826-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шухова Николая Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 17, 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и статьей 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=778962&ysclid=inx6k4woan107601880#SBRV8tTKxPjKlaqt> (дата обращения: 18.10.2023).

тельств и оснований для отказа в предоставлении свиданий лицам, содержащимся под стражей. Предлагаем дополнить соответствующую норму статьи 18 ФЗ № 103-ФЗ следующим положением: «Формальный отказ в свидании с родственниками или иными лицами без приведения конкретных доводов и обстоятельств, обосновывающих этот отказ, не допускается». В остальном следует руководствоваться положением ст. 18 ФЗ № 103, которая обязывает должностных лиц уголовно-исполнительной системы контролировать и пресекать возможные попытки передать сведения, которые могли бы помешать ходу расследования. Это непосредственно практическая задача, которая должна реализовываться в соответствии с фактическими попытками помешать расследованию. Должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, не могут иметь настолько надежные сведения, чтобы утверждать, что подобные попытки будут иметь место. А если такие сведения все же есть, то отказ, как было отмечено, должен быть мотивирован в решении об отказе в свидании с родственниками или иными лицами.

Конституцией РФ гарантировано право на жизнь и на охрану здоровья. В целях реализации данных положений в уголовно-процессуальном законе содержатся соответствующие нормы, направленные на защиту чести, достоинства и неприкосновенности личности. Применение мер уголовно-процессуального принуждения должно исключать такие условия, при которых создается угроза жизни и здоровью человека (ст. 10 УПК РФ). При этом уголовное законодательство основывается на принципе гуманизма, важным аспектом которого является обеспечение безопасности человека. Данные законодательные положения сложно реализовать в отношении лиц, страдающих тяжелыми формами заболеваний, в отношении которых

избрана мера пресечения в виде содержания под стражей⁴. Эти заболевания сопряжены с опасностью для жизни и требуют постоянного наблюдения за больным, ухода и лечения. В уголовно-процессуальном законодательстве существует норма, согласно которой тяжелое заболевание учитывается как основание для изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую (ч. 1.1. ст. 110 УПК РФ). Несмотря на данное положение закона, на сегодняшний день отсутствует механизм, исключающий заключение под стражу лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями, включенными в перечень, установленный Правительством РФ. Следует учитывать тот факт, что заключению под стражу предшествует такая мера процессуального принуждения, как задержание в порядке ст. 91 УПК РФ, которая применяется на срок 48 часов с правом суда на продление до 72 часов. Однако этого времени явно недостаточно, чтобы инициировать и провести экспертизу на предмет состояния здоровья обвиняемого. В связи с этим в местах предварительного заключения оказываются лица с тяжелыми формами расстройств без надлежащей процедуры лечения и доступа к медикаментам, что может привести к ухудшению их состояния здоровья и к смерти⁵.

В связи с этим правильным было бы расширить перечень оснований для проведения медицинского освидетельствования подозреваемого или обвиняемого на предмет наличия у него тяжелого заболевания, дополнив их постановлением суда, вынесенного по результатам рассмотрения ходатайства следователя (дознателя) о заключении под стражу.

В связи с этим в Правилах медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений (утв. Правительством РФ от 14 января 2011 г. № 3) следует расширить перечень оснований для

4. Саркисов В. Тяжелая болезнь и нахождение под стражей // Адвокатская газета / URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/tyazhelaya-bolezn-i-nakhozhdenie-pod-strazhey/?ysclid=lnx7rwa6d203414641> (дата обращения: 18.10.2023).

5. См.: Шигуров А.В. Проблемы защиты прав подозреваемых (обвиняемых), имеющих тяжелые заболевания, препятствующие содержанию под стражей // Наука и современность. 2014. № 32-2. С. 175.

проведения медицинского освидетельствования подозреваемого (обвиняемого) на предмет наличия у него тяжелого заболевания за счет добавления постановления суда, вынесенного по результатам рассмотрения ходатайства следователя (дознавателя) о заключении под стражу.

Также в части 7 ст. 108 УПК РФ необходимо предусмотреть обязанность суда при наличии

медицинских документов, подтверждающих наличие у лица, в отношении которого следователь ходатайствует об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей, вынести решение о производстве медицинского освидетельствования одновременно с помещением подозреваемого (обвиняемого) под домашний арест в медицинском учреждении, в котором будет проходить освидетельствование.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Рогаткин С.М. Привлечение к ответственности граждан за попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Ведомости УИС. 2019. №1 (200). С. 67-70.
2. Саркисов В. Тяжелая болезнь и нахождение под стражей // Адвокатская газета/ URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/tyazhelaya-bolezn-i-nakhozhdenie-pod-strazhey/?ysclid=lnx7rwa6d203414641> (дата обращения: 18.10.2023).
3. Шигуров А.В. Проблемы защиты прав подозреваемых (обвиняемых), имеющих тяжелые заболевания, препятствующие содержанию под стражей // Наука и современность. 2014. № 32-2. С. 174-178.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Rogatkin S.M. Privlechenie k otvetstvennosti grazhdan za popytku peredachi zapreshchennyh predmetov licam, soderzhashchimsya v uchrezhdeniyah ugovovno-ispolnitel'noj sistemy // Vedomosti UIS. 2019. №1 (200). S. 67-70.
2. Sarkisov V. Tyazhelaya bolezn' i nahozhdenie pod strazhej // Advokatskaya gazeta / URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/tyazhelaya-bolezn-i-nakhozhdenie-pod-strazhey/?ysclid=lnx7rwa6d203414641> (data obrashcheniya: 18.10.2023).
3. SHigurov A.V. Problemy zashchity prav podozrevaemyh (obvinyaemyh), imeyushchih tyazhelye zabolevaniya, prepyatstvuyushchie sodержaniyu pod strazhej // Nauka i sovremennost'. 2014. № 32-2. – S. 174-178.

А.В. АХМАТОВ

Законность и верховенство права (Rule of Law): теоретико-правовой анализ

АННОТАЦИЯ. Автором рассматриваются различные точки зрения на теоретические аспекты принципа законности в отечественной правовой науке, а также принципа верховенства права (Rule of Law) (англ.) в западной правовой мысли.

В статье сделан вывод, что законность как правовая категория не является самостоятельным и самодостаточным предметом исследования в западной науке вообще и в западноевропейской правовой мысли в частности, и диалектически может рассматриваться только в контексте эволюции и синкретического существования концепций верховенства (господства) права, правового государства, института прав и свобод личности на Западе, составной частью которых она является. Сложившиеся исторически в западной правовой науке концепции, связанные в содержательном плане с идеей законности в контексте тезиса о верховенства (господства) права: Rule of Law (англ.), le Principe de Legalite et la Suprematie de la Regie de Droit» (франц.), «der Rechtsstaat» (нем.) семантически и эпистемологически являются неоднозначными. Такие концепции концептуально основаны на естественно-правовом принципе несовпадения права и закона, необходимости самоограничения государственной власти посредством права в интересах и потребностях атомарной (индивидуальной) личности.

В статье обосновывается вывод, что принцип верховенства права в западной традиции права в силу ряда исторических событий конца XX – нач. XXI в. приобрел инволюционный характер по причине невозможности его фактической полноценной верификации.

В работе предлагается тезис о том, что векторы развития принципа законности в России и принципа верховенства права на Западе имеют самостоятельную динамику. Однако, имеющиеся попытки дифференциации понимания принципа верховенства права на Западе дают основания рассуждать о том, что в современных условиях он носит de facto неопределенный характер в западной правовой науке и в юридической практике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, законность, государство, верховенство права.

АХМАТОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: Ahmatov@bk.ru).

Законность является одной из центральных правовых категорий всей юридической науки и во многом характеризует право как реальное, а не метафизическое явление. До настоящего времени, еще с эпохи античности, не достигнуто в научной среде единого подхода к определению законности и окончательного раскрытия ее свойств и качеств. Однако тезис о социально-политической, научной и прикладной значимости законности вряд ли вызовет большое количество существенных и обоснованных замечаний с учетом того, что при господствующем в настоящее время капитализме как системы производства и распределения товаров и услуг право является базовым регулятором общественных отношений.

Недостатком современных историко-теоретических исследований в сфере права является, на

наш взгляд, отсутствие должного внимания к процессу формирования законности как принципа в отечественной и западной правовой науке, что существенно снижает содержание правовых исследований в этой области. В этой связи представляется обоснованным попытаться выделить основные качественные черты принципа законности, сложившиеся в отечественной и западной науке.

Первые полноценные размышления о теоретической составляющей законности, которые получили широкую известность, а не были достоянием узкого круга академических работников (Г.Ф. Шершеневич, Б.А. Кистяковский и пр.), относятся к советскому периоду развития отечественной теории права.

Одним из первых в советской правовой науке к теоретическим проблемам законности обратил-

ся В.И. Ленин (часто незаслуженно «игнорируемый» современными исследователями), который утверждал принцип единства и всеобщности законности для всей территории государства. В своем широко известном письме от 22 мая 1922 г. «О двойном подчинении и законности» Ленин подчеркивал, что: «законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности являются попустительство исконно-русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской»¹. При этом В.И. Ленин и его сторонники рассматривали законность в содержательном плане только в революционном ключе (в связи с чем они и рассуждали о «революционной законности» и пытались ее отделить от «буржуазной законности»), чтобы только что созданное советское государство и диктатура пролетариата не были уничтожены в результате контрреволюционной борьбы врагами советской власти.

В рассматриваемый период времени в плане развития принципа законности важно отметить постановление IV Всероссийского чрезвычайного съезда Советов от 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов»,² которое после года революционной борьбы призывало к строжайшему соблюдению законов РСФСР, постановлений, положений и распоряжений советской власти. За волокиту или чинимые гражданину в его законных притязаниях затруднения должностным лицом должен был быть составлен протокол, который направлялся соответствующему высшему учреждению. В.И. Ленин был инициатором данного документа и лично разработал базовые его положения одновременно исходя из общей концептуальной идеи, ставящей под сомнение ценность законности: «Экстренные меры войны с контрреволюцией не должны ограничиваться законами»³.

Уместно отметить на страницах газеты «Известия ВЦИК» в 1921 г. о широкой дискуссии «о революционной законности в условиях «новой экономической политики», о которой было объявлено по результатам доклада В.И. Ленина на Десятой Всероссийской конференции РКП(б) (май 1921 г.), на которой с докладом о революционной законности и ее значении выступил Л.Б. Каменев и др.

Как представляется, вышеуказанная дискуссия была направлена на увеличение значимости закона в формируемом новом правосознании уже советских граждан под руководящей ролью РКП(б). Кроме того, о революционной законности рассуждали различные авторы также в Ежедневнике Советской Юстиции, впервые опубликованного 1 января 1922 года и получившего широкую известность. Там отмечалось следующее: «В переходный весьма сложный период социальной революции вопросы права и революционной законности, приобретая глубокое значение, требуют неостывающего внимания и умения решать их так, чтобы решение их соответствовало общему направлению политики РКП и Советской власти».⁴

Размышления о революционной законности в то время находились в рамках марксистской парадигмы и были связаны с видением эволюции права на дороге к бесклассовому коммунистическому будущему в результате мировой революции пролетариата, в котором (в идеале) только самосознание граждан будет гарантировать и обеспечивать законность, а не карательная государственная система, которая с течением времени перестанет существовать при «отмирании государства и права» (П.И. Стучка, Я.Н. Бранденбургский, М.А. Рейснер и др.).

Как представляется, идеи, высказанные В.И. Лениным о социалистической законности после Октябрьской революции 1917 г., постоянные

1. Ленин В.И. О двойном подчинении и законности // Ежедневник Советской Юстиции. 3 мая 1925 г. № 17. С. 449.

2. СУ РСФСР. 1918. № 90. Ст. 908.

3. Ленин В.И. набросок тезисов постановления о точном соблюдении законов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 37. С. 129-130.

4. От редакции // Ежедневник Советской Юстиции. 1922. № 1. С. 2.

ссылки на его мысли в отсутствие их критической оценки⁵ на долгие годы стали аксиомой научно-теоретической отечественной науки и просто пере-сказывались в содержательном ключе различными отечественными исследователями в духе господствовавшей марксистско-ленинской идеологии при острой нехватке новаторства в этой сфере. Кроме того, о законности часто рассуждали специалисты в области в рамках прокурорского надзора и уголовного права.

С точки зрения общей теории права, большой и уникальный вклад в развитие теоретических представлений законности внесли профессор МГУ имени М.В. Ломоносова Н.Г. Александров и его научная школа. Расцвет деятельности Н.Г. Александрова пришелся на период развенчивания культа личности И.В. Сталина, время «оттепели» во многих сферах деятельности советского государства, а также на период интенсивного развития отечественной правовой научной мысли⁶. Именно Н.Г. Александров в начале 1960-х годов одним из первых в советской правовой науке занялся фундаментальной теоретической разработкой проблем законности и концепции механизма правового воздействия.

Н.Г. Александров начал раскрывать имею-щие первостепенное значение дефинитивность и системность законности через установление его содержания как принципа. Он выделил два фундаментальных аспекта законности. **Широкий аспект** — законность как принцип требуемого государством поведения от всех граждан, должностных лиц, учреждений и организаций. Этот принцип заключается в том, что требование соблю-дать правовые акты разного уровня предъявляется в равной степени ко всем без исключения гражда-

нам, должностным лицам, учреждениям и органи-зациям. **Узкий аспект** — законность как принцип деятельности всего государственного аппарата, т.е. осуществление всех властных действий долж-но происходить исключительно на основании и в рамках закона, на основе точного и неуклонно-го исполнения законов при строгом соблюдении всеми должностными лицами прав и законных интересов граждан⁷. Принципами, на которых строится режим законности по Н.Г. Александрову, являются: а) принцип верховенства закона по отношению ко всем иным актам осуществления государственных функций; б) принцип всеобщности предписания исполнять закон; в) принцип охраны прав граждан, а также прав общественных организаций; г) принцип обеспечения неослаб-ного государственного надзора и общественного контроля, за точным и неуклонным соблюдением законов; д) принцип современного и правильного рассмотрения жалоб граждан; е) своевременное пресечение нарушений законности, неотврати-мость ответственности за нарушения⁸. По мнению некоторых исследователей, предложенный Н.Г. Александровым и его научной школой подход к законности получил свое дальнейшее воплощение в статье 4 Конституции СССР 1977 года⁹.

В советской правовой литературе законность в большинстве своем исследователи рассматривали с позиции только обязательного исполнения и соблюдения правовых актов. Так, такое общее понятие законности, характерное для всего совет-ского периода развития теории права, в развитие идей Н.Г. Александрова¹⁰ дал М.С. Строгович, который понимал законность как «строгое и неуклонное соблюдение и исполнение законов все-ми органами государства, всеми учреждениями

5. См.: Чхиквадзе В.М. Вопросы социалистического права и законности в трудах В.И. Ленина. М., 1960; Степанов В. М. О соци-алистической законности // Правоведение. 1977. № 3. С. 7-14 и др.

6. См.: Сорокин Б.В. Теоретико-правовые концепции Н.Г. Александрова: автореф. дис. канд. ... юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 3.

7. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительство коммунизма. М., 1961. С. 105.

8. Александров Н.Г. Указ. соч. С. 110-118.

9. См.: Сорокин Б.В. Теоретико-правовые концепции Н.Г. Александрова: автореф. дис. канд. ... юрид. наук. Волгоград, 2010. С.10-11.

10. Александров Н.Г. Законность и правопорядок в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 5.

и общественными организациями, должностными лицами и гражданами»¹¹. Такую точку зрения разделяли и развивали многие их современники-исследователи. Например, известный советский исследователь теории законности советского периода П.М. Рабинович повторял определение законности М.С. Строговича.¹²

В советский период развития теории государства и права законность как явление, раскрываемое через идею о неукоснительном соблюдении законов в государстве, рассматривали такие исследователи, как С.Л. Зивс¹³, И.С. Самощенко¹⁴, В.М. Горшенев¹⁵, Н.Л. Гранат¹⁶, С.Э. Жилинский¹⁷, В.М. Курицын¹⁸, В.М. Чхиквадзе¹⁹ и многие другие.

Другая группа советских исследователей рассматривала законность также как взаимосвязанные и взаимозависимые требования общества к личности и к государству, а также ко всем участникам социальных отношений, что, по мнению таких исследователей, находило воплощение этих требований в общественном сознании и в действующем законодательстве, а также в социальной практике. К числу представителей данного направления можно отнести В.Н. Витрука²⁰, Н.Н. Вопленко²¹, А.Б. Лисюткина²², А.С. Шабурова²³ и др.

С развитием правовой науки законность стала

рассматриваться исследователями уже не только как правовое понятие, но и как политическое, в этой связи законность начинает рассматривать как политико-правовой режим. Н.Г. Александров, развивая свои взгляды на законность, со временем рассматривал ее не только как принцип, но уже как «особенный общественный режим», в котором правонарушения своевременно раскрываются и пресекаются как «устойчивый образ правоотношений»²⁴. Законность как «общественный режим, характеризующийся господством закона в системе общественных отношений» видел И.С. Самощенко²⁵. В свою очередь, А.Ф. Гранин, придерживаясь понимания законности как особого правового режима, связывал законность не только с неуклонным осуществлением требований нормативных правовых актов государства как в сфере правотворчества, но и в сфере реализации правовых норм²⁶. Правовой режим и режим законности отождествляла Е.А. Лукашева, которая считала, что законность выступает в качестве объективированного результата действия всех элементов системы правового регулирования, включающей систему правовых норм, различных способов их реализации²⁷. Законность через категорию «режим» раскрывал также А.С. Пиголкин²⁸. Законность как

11. Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 11.

12. См.: Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность социализма. Львов, 1975. С. 31.

13. См.: Зивс С. Л. Кризис законности в современных империалистических государствах. М., 1958.

14. См.: Самощенко И.С. Охрана режима законности Советским государством. М., 1960.

15. См.: Горшенев В.М. Теория законности в свете Конституции СССР 1977 г. // Советское государство и право. 1979. № 11.

16. См.: Гранат Н.Л. Социалистическая законность в деятельности органов внутренних дел. М., 1985.

17. См.: Жилинский С.Э. Деятельность КПСС и Советского государства по укреплению социалистической законности. М., 1983.

18. См.: Курицын В.М. Становление социалистической законности. М., 1983.

19. См.: Чхиквадзе В.М. Личность и государство: взаимная ответственность // Советское государство и право. 1971. № 1. С. 19-26.

20. Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1985.

21. Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов. 1983.

22. Лисюткин А.Б. К понятию законности // Правоведение. 1993. № 5.

23. Шабуров А.С. Социальная ответственность личности в условиях перестройки. Свердловск, 1990.

24. Александров Н.Г. Теория государства и права. М.: Юрид. лит., 1968. С.548.

25. См.: Самощенко И.С. Социалистическая законность в условиях развитого социализма. М., 1979. С. 29.

26. См.: Гранин А.Ф. Социалистическая законность и правопорядок. Киев, 1970. С. 17.

27. См.: Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 19.

28. См.: Пиголкин А.С. Право, законность, гражданин. М.: Юрид. лит., 1976. С. 58.

метод поведения и деятельности субъектов, который позволяет установить основные требования через законы и обеспечить их выполнение в поведении людей и формирование соответствующего режима социальной жизни позднее раскрывал В.С. Афанасьев²⁹. Своеобразным итогом «советского» рассмотрения законности является позиция академика В.Н. Кудрявцева, который под законностью понимал «определенный режим общественной жизни, метод государственного руководства, состоящий в организации общественных отношений посредством издания и неуклонного осуществления законов и других правовых актов»³⁰.

Можно сделать промежуточный вывод о том, что доминирующее в отечественной теории права в советский период ее развития понимание законности в содержательной своей части находилось в русле нормативизма, несмотря на пропаганду классового учения сущности государства и права в рамках марксистско-ленинской догматики, являвшегося абсолютным способом объяснения государственно-правовой материи в то время. Основанием для такого вывода может послужить концентрация внимания вышеуказанных исследователей законности на выражении и содержании «писанного» или положительного права, т.е. рассмотрение законности всегда как явления производного, вторичного от действующего законодательства, а не от явлений совсем иного порядка.

После развала СССР в России произошли фундаментальные изменения государственного, политического, социокультурного и экономического строя, что неизбежно повлекло за собой мировоззренческие сдвиги и в понимании законности. Как следствие, с одной стороны, интерес к тематике теории законности упал на общем фоне проводимых исследований (Ю.А. Тихомиров тогда писал, что если в советское время: «... защищались сотни диссертаций, посвященных проблеме законности, издавалось много монографий по этой теме, то в последние годы таких работ почти нет, а сам термин «законность» практически вышел из употребления»³¹), а с другой стороны отечественные правоведы обратились к развитию идеи уже относительно новой тематики *правозаконности* (В.С. Нерсисянц, Д.Н. Бахрах, Ю.И. Стецовский, В.Н. Витрук, В.К. Самигуллин, В.А. Четвернин и другие).

Другим направлением, связанным с интерпретацией законности в постсоветское время, стала тенденция к разработке идей *конституционной законности* (хотя отдельные ее составляющие разрабатывали еще советские ученые³², в т.ч. в контексте Конституции СССР 1977 г.³³, а потом конституционная законность попала в предметной поле исследователей после принятия Конституции России 1993 г.³⁴). Идеи конституционной законности развивают Т.Я. Хабриева³⁵, Н.М. Колосова³⁶, А.В. Безруков³⁷ и др.³⁸

²⁹ См.: Афанасьев В.С. Современные проблемы теории законности. М., 1993. С. 6.

³⁰ См.: Социалистическая законность и государственная дисциплина / отв. ред.: Кудрявцев В.Н. М.: Наука, 1975; Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 3-8; Он же Законность: содержание и современное состояние. Законность в Российской Федерации. М., 1998. С. 4.

³¹ Тихомиров Ю.А. Конфликт закона и правовая реформа // Государство и право. 1997. № 12. С. 7.

³² См.: Кобликов А.С. Законность – конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. М., 1979; Еременко Ю.П. Советская конституция и законность. Саратов, 1982 и др.

³³ См.: Горшенев В.М. Теория социалистической законности в свете Конституции 1977 г. // Советское государство и право. 1979. № 11. С. 14-21.

³⁴ См.: Проблемы укрепления конституционной законности в республиках Российской Федерации // Государство и право. 1998. № 12. С.95-97.

³⁵ Хабриева Т.Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 3. С.5; Хабриева Т.Я. Конституция и законность // Законность в Российской Федерации. М., 2008. 59– 73; Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. М., 2016 и др.

³⁶ Колосова Н.М. Обеспечение конституционности законности // Законность в Российской Федерации. М., 1998. С. 29.

³⁷ Безруков А.В. Конституционализация правопорядка: сущность, реализация, условия // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 12-14.

³⁸ Нечипас Ю.В., Побережная И.А. Принцип конституционной законности и его реализация // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 3 (39). С. 10, 12 и др.

В западной правовой науке понятие законности в буквальном смысле отсутствует как таковое. Например, во Франции его черты можно найти под названием «принцип законности и верховенство нормы права» («Le Principe de Legalite et la Suprematie de la Regie de Droit» (франц.) а в Германии «правовое государство» («der Rechtsstaat» (нем.)³⁹ и др. Однако большую известность на Западе получил прежде всего принцип «верховенства права» или «Rule of Law» (англ.), в связи с чем он нуждается в подробном анализе.

Одним из родоначальников самостоятельной теоретической разработки концепции верховенства (господства) права Rule of Law (англ.) (необходимо отделять от понятия «норма закона» (a Rule of Law) (англ.), применяемое для обозначения конкретных норм права) в западной правовой науке в XX в. является профессор Оксфордского университета, иностранный член-корреспондент отделения историко-политических наук Российской Академии наук Альберт Венн Дайси, сформулировавший свои взгляды в книгах «Введение к изучению права конституции» (1885 г.)⁴⁰ и «Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции» (1905 г.).

В концептуальном плане концепция верховенства (господства) права Rule of Law (англ.) Дайси состоит из трех базовых составляющих, а именно:⁴¹ 1) наказание возможно только при непременном условии нарушения права, установленного судом в соответствующем процессуальном порядке; 2) юридическое равенство всех перед законом; 3) одновременное провозглаше-

ние господства права и прав человека, указанных в конституции, а также системы их гарантий через систему судов⁴².

Таким образом, Дайси в своей концепции верховенства (господства) права Rule of Law (англ.) абсолютизирует значение закона: «Англичане управляются законом и только законом».⁴³ Очевидно, что идеи Дайси базируются на методологии классического юридического позитивизма, которая создает теоретическую основу концепции «господства права» Rule of Law (англ.) и, соответственно, реализации принципа законности. Как представляется, важнейшее значение в указанной триаде Дайси является система защиты прав и свобод человека и их гарантий в суде, что в английском правосознании ассоциировалось с силой принципа законности и эффективной системы его защиты (например, законодательный акт Великобритании «Habeas Corpus Act» (англ.), фигурирующий в рассуждениях Дайси, и на который ссылались в Англии задержанные по подозрению в совершении правонарушений). Скорее всего, это было обусловлено господством в правосознании английского общества главенствующей роли королевских судов, создававших уникальную систему прецедентного права, откуда и возникла значимость суда в Великобритании (а позднее и в странах всей англо-саксонской правовой системы) как гаранта господства права и законности в государстве. Дайси, обосновывая свою концепцию верховенства (господства) права, одновременно дал в таком ключе характеристику правового государства, ставшей со временем классическим

³⁹ Каламкарян Р.А. Всеобщая Декларация прав человека. Место, роль и значение в миропорядке на основе верховенства права – Rule of law // Государство и право. 2010. № 6. С. 42.

⁴⁰ Каламкарян Р.А. Всеобщая Декларация прав человека. Место, роль и значение в миропорядке на основе верховенства права – Rule of law // Государство и право. 2010. № 6. С. 42.

⁴¹ См.: Основы государственного права Англии: Перевод, дополненный по 6-му английскому изданию. Введение в изучение английской конституции / Дайси А.В., проф. Оксфорд. ун-та; под ред.: П.Г. Виноградов, проф.; пер.: О.В. Полторацкая. 2-е изд. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1907. С. 204-229.

⁴² См.: Каламкарян Р.А. Всеобщая Декларация прав человека. Место, роль и значение в миропорядке на основе верховенства права – Rule of law // Государство и право. 2010. № 6. С. 42; Умнова-Конюхова И.А., Николаев В.А. Принцип верховенства права: эволюция доктрин правопонимания в национальном праве и международном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 4. С. 92-93.

⁴³ Основы государственного права Англии: Перевод, дополненный по 6-му английскому изданию. Введение в изучение английской конституции / Дайси А.В., проф. Оксфорд. ун-та; под ред.: П.Г. Виноградов, проф.; пер.: О.В. Полторацкая. 2-е изд. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1907. С. 230.

в английской правовой теории⁴⁴: «Абсолютный авторитет и главенство действующего законодательства, противопоставленные произвольным распоряжениям властей и исключают не только произвол со стороны правительства, но и саму возможность действовать в каких-то ситуациях по своему усмотрению».⁴⁵

Идеи верховенства (господства) права после Дайси в западной науке получили очень широкую популярность в США, где наряду с приоритетом Конституции США 1787 г. и всех поправок к ней, принципом «господства права» стал широко известен принцип «правительство под законом» («Government under Law» (англ.)⁴⁶, что не помешало американским правоведом и юристам предпринимать многочисленные попытки по определению верховенства права и его признаков.

Вслед за Дайси выдающийся профессор права Гарвардского университета Лон Льюис Фуллер (оппонент профессора Оксфорда Г.Л.А. Харта в их известном споре на страницах *Harvard Law Review* (англ.) по вопросу развития аналитической философии права)⁴⁷ анализируя принцип верховенства права, отмечал, что законность и справедливость (взаимосвязь которых он исследовал) является нечеткой. Он подчеркивал, что игнорирование соблюдения формальных критериев законности может лишить систему государственной власти ее статуса как правового государства.⁴⁸

Фуллер в своем фундаментальном труде «Мораль права» выделил восемь принципов верховенства

права: 1) всеобщность; 2) общеизвестность; 3) перспективность; 4) ясность; 5) непротиворечивость; 6) соответствие; 7) постоянство; 8) сравнимость.⁴⁹ Одновременно вышеобозначенные принципы неотделимы от процедуры правотворчества.

Такая широкая трактовка верховенства права нашла своих критиков в американской юридической среде на фоне господства философии прагматизма и стремления приспособить юридическую науку к практике⁵⁰. Так, профессор Брайан Таманаха выделил только три базовых принципа верховенства права: формальная законность, ограниченность государства правом, а также верховенство только права, а не человека. Им было подчеркнуто в традициях либерализма, что верховенство права представляется как безусловное всеобщее благо.⁵¹

В свою очередь известный австро-британский экономист и политический философ Фридрих Август фон Хайек пытался провести различие между верховенством права и законодательной силой, определяя первое как нечто большее, чем просто эволюционное развитие общего права⁵².

В 1970-х годах Хайек начал по-другому излагать свои мысли в обозначенной области. Основное внимание он по-прежнему уделял в традициях либеральной теории значению верховенства права для развития прежде всего свободы. Сформулированные нормы, по его мнению, «зачастую представляют собой лишь крайне несовершенную формулировку принципов, которые

⁴⁴ Антонов М.В. Об определении понятия «правовое государство» // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2010. № 3. С.131.

⁴⁵ Dicey A.V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. Oxford, 1885. P. 120 // Цит. по: Хайек Ф.А. *Дорога к рабству*. М., 1992. С. 31.

⁴⁶ Умнова-Конюхова И.А., Николаев В.А. Принцип верховенства права: эволюция доктрин правопонимания в национальном праве и международном праве // *Пробелы в российском законодательстве*. 2019. № 4. С. 93.

⁴⁷ См.: Оглезнев В.В. Переосмысление и новая интерпретация дискуссий между г. Л. А. Хартом и Л. Л. Фуллером и их значение для аналитической философии права // *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № С. 55-58.

⁴⁸ Фуллер Л.Л. Позитивизм и верность праву: ответ профессору Харту // *Харт Г.Л.А. Философия и язык права*. Москва: Канон-Плюс, 2017. С. 317-318.

⁴⁹ См. подробнее: Фуллер Л.Л. *Мораль права*. Пер. с англ. Т.Даниловой. Москва; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. С. 61-112.

⁵⁰ Умнова-Конюхова И.А., Николаев В.А. Принцип верховенства права: эволюция доктрин правопонимания в национальном праве и международном праве // *Пробелы в российском законодательстве*. 2019. № 4. С. 93.

⁵¹ Brian Z. Tamanaha, *On the Rule of Law – History, Politics, Theory*. 2004. Chapter 9. P. 114-127.

⁵² Хайек Ф.А. *Дорога к рабству*. М.: Новое издательство, 2005.

людям проще соблюдать на практике, чем выразить в словах»⁵³.

При этом некоторые американские юристы в лучших традициях либеральной идеологии считают, что между принципом верховенства права и защитой частной собственности существует прямая связь. Например, Рональд Касс писал, что: «ключевым признаком приверженности идее верховенства права является определение и защита прав собственности»⁵⁴.

На основании вышеизложенного и для постановки авторского видения изучаемой проблемы в аспекте восприятия и понимания законности в западной правовой науке представляется возможным отметить следующее.

Во-первых, законность как правовая категория не является самостоятельным и самодостаточным предметом исследования в западной науке вообще и в западноевропейской правовой мысли в частности. Законность диалектически может рассматриваться только в контексте эволюции и синкретического существования концепций верховенства (господства) права, правового государства, института прав и свобод личности на Западе, составной частью которых она является.

Еще со времени Сократа и Аристотеля и до конца XX в. принцип законности в содержательном плане рассматривался на Западе исключительно с точки зрения идеи верховенства права как одного из базовых признаков правового государства, которое, несмотря на изменение социально-политической обстановки в западных странах и развития методологической базы изучения права (натурфилософия, схоластика, христианская догматика, рационализм, позитивизм, нормативизм, прагматизм и пр.), по сути является одним

из «фундаментов» западной либеральной мысли, имеющей в настоящее время статус официальной государственной западной идеологии.

Такие понятия, как «Rule of Law» («верховенство права» (англ.), l'Etat de droit («верховенство закона» (франц.) и «Rechtsstaat» (нем.) («правовое государство»), являются индивидуальным результатом длительного исторического развития только западной либеральной политико-правовой мысли⁵⁵. Очевидно, что историческое формирование вышеуказанных понятий отразило разные пути правового развития всего Запада, особенности сложившихся систем права, правового и политического сознания, школ теоретической и практической юриспруденции, в которых нашли свое итоговое выражение концептуальные основы, в т.ч. обоснования защиты прав и свобод человека, ограничения произвола государства и его органов в разных ситуациях правовыми средствами⁵⁶, т.е. основ либеральной идеологии.

Относительно понятий «Rule of Law» (англ.) и «Rechtsstaat» (нем.) нет единства среди исследователей. Одни авторы полностью или в основном отождествляют понятие «Rule of Law» (англ.) и «Rechtsstaat» (нем.), причем склонны к этому как представители как западных систем права, так и ученые из стран Восточной, Центральной Европы и России⁵⁷. Другие исследователи обращают внимание на определенные различия концепций «Rule of Law» (англ.) и «Rechtsstaat» (нем.), несмотря на близость ряда основных идей. Отмечается, в частности, что концепции делают акценты на разные аспекты проблемы, подчеркивая независимость права от государства («Rule of Law» (англ.) и максимально возможную правовую упорядоченность общественной жизни («Rechtsstaat» (нем.)⁵⁸.

⁵³. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН. 2006. С. 136.

⁵⁴. Cass R. Property Rights Systems and the Rule of Law // The Elgar Companion to the Economics of Property Right, E. Colombatto, (ed.), Oxford: Edward Elgar Publications. 2004. Pp. 131-63. // цит по: Джереми Уолдрон. Верховенство права // URL: <https://brickofknowledge.com/articles/rule-of-law> (дата обращения: 03.07.2023).

⁵⁵. См.: Марочкин С.Ю. Верховенство права на внутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия // Государство и право. 2013. № 10. С. 86 и др.

⁵⁶. Ударцев С.Ф., Темирбеков Ж.Р. Концепции «Rule of Law» («верховенство права») и «Rechtsstaat» («правовое государство»): сравнительный анализ // Государство и право. 2015. № 5. С. 5.

⁵⁷. Ударцев С.Ф., Темирбеков Ж.Р. Указ. соч. С. 8.

⁵⁸. См.: Козлихин И.Ю. Идея правового государства: история и современность. СПб., 1993.

Однако оба понятия представляют собой отличные друг от друга «технологии» достижения одной и той же цели, а именно: подчинение политической власти требованию соблюдать нормы права, особенно направленные на обеспечение прав и свобод человека⁵⁹.

Таким образом, «Rule of Law» (англ.), «l'Etat de droit» (франц.) и «Rechtsstaat» (нем.) как общетеоретические модели обоснования принципа верховенства (господства) права по сути являются в западной традиции права имманентной характеристикой законности как принципа правового государства и, соответственно, гражданского общества.

Во-вторых, сложившиеся исторически в западной правовой науке концепции, связанные в содержательном плане с идеей законности в контексте тезиса о верховенства (господства) права: Rule of Law (англ.), «der Rechtsstaat» (нем.), le Principe de Legalite et la Suprematie de la Regie de Droit» (франц.), семантически и эпистемологически являются неоднозначными. Такие концепции концептуально основаны на естественно-правовом принципе несовпадения права и закона, необходимости самоограничения государственной власти посредством права в интересах и потребностях атомарной личности. Кроме того, на основании имеющихся результатов сравнительно-лингвистического и контент-анализа можно говорить о том, что в основных законах (конституциях) большинства государств мира (в т.ч. на Западе), отсутствует термин, полностью отражающий содержание формулировки «верховенство (господство) права», используемой в русском языке⁶⁰.

В.Е. Чиркин отмечал, что в конституциях многих государств современного мира обычно прямо не используются формулировки, означающие верховенство права, а указываются только близ-

кие к этому тезисы. Однозначную формулировку «верховенство права» можно найти в некоторых балканских государствах, образованных на пост-социалистическом пространстве (Македония – «владенье то на право то», Хорватия – «vladavina prava», Белоруссия – «прынцып вяршэнства права» и др.). В отдельных зарубежных конституциях можно найти идеи верховенства закона (Армения, Босния и Герцеговина, Венесуэла), мысли о том, что конституция является верховным правом государства (Гаяна, Польша), принцип демократической законности (Португалия), обязательности конституции и законов для всех (Венгрия) и т.п.⁶¹ Во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. прямо не упоминается о верховенстве закона, а в Уставе Совета Европы 1949 г., Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. названо верховенство права («rule of law» (англ.))⁶². Буквальный перевод, по мнению В.Е. Чиркина, верховенства в английском языке – это «supremacy» (англ.), а не «rule» (англ.). В большинстве стран, в том числе в конституциях Франции, Испании, Швейцарии, Российской Федерации, для обозначения принципа верховенства права используется уже перевод немецкого слова «der Rechtsstaat» (нем.) – «правовое государство», «государство права»,⁶³ что является очередным доказательством идейной связи концепций законности и правового государства.

В-третьих, принцип верховенства права, характерный для западной правовой науки, отождествляемый, по сути, в теоретическо-методологическом ракурсе с принципом законности, не объясняет сам предмет и суть верховенства права и его механизм, то есть не отвечает на вопрос, в отношении каких явлений это верховенство права как самодостаточный институт реализуется или

⁵⁹ Ударцев С.Ф., Темирбеков Ж.Р. Концепции «Rule of Law» («верховенство права») и «Rechtsstaat»: сравнительный анализ // Государство и право. 2015. № 5. С. 12.

⁶⁰ См.: Чиркин В.Е. Верховенство права: современные варианты терминологии // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 5.

⁶¹ Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 6.

⁶² Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 6.

⁶³ Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 8.

должен применяться. На удовлетворение чьих интересов направлено действие принципа верховенства права: отдельно взятой личности либерального толка? Конкретной транснациональной корпорации или их группы? Известного политического клана буржуазии? Всего общества в целом на базе универсальных ценностей института прав человека? Четких ответов на эти вопросы автору настоящей работы в западной правовой литературе найти не удалось.

В-четвертых, большим научным пробелом, на взгляд автора настоящей работы, является то, что изучение принципа верховенства права западными исследователями в подавляющем большинстве случаев рассматривается в отрыве от вопросов тематики правопонимания (например, проблематика многовекового антагонизма представителей школы естественного права и юридического позитивизма в контексте верховенства права не является предметом полноценного анализа западных ученых). Представляется очевидным, что с методологической точки зрения часть может быть понятна только в ее соотношении и взаимосвязи с целым, в связи с чем без раскрытия вопросов правопонимания раскрытие проблем общей теории права и философии права во многом теряет научную ценность. Это, как следствие, вносит беспорядок в анализ развития основных ценностей правового государства и принципа верховенства права, а также не позволяет раскрыть их философско-правовую сущность.

В-пятых, это декларативность в содержательном плане принципа верховенства права в западной традиции права, который в силу ряда исторических событий конца XX – нач. XXI в. (бомбардировки Югославии, война в Ираке, Сирии, Афганистане и пр.) приобрел инволюционный характер по причи-

не невозможности его фактической полноценной верификации.

С одной стороны, принцип верховенства права является предметом деятельности ряда международных организаций. Например, известная многопрофильная международная организация, работающая над накоплением знаний, повышением осведомленности и стимулированием действий по продвижению верховенства закона во всем мире – World of Justice Project (англ.) (Всемирный проект правосудия (WJP), – придумала критерии и индексы верховенства права (эффективность оценивается с использованием 44 показателей по 8 категориям, каждая из которых оценивается в глобальном масштабе и сопоставляется с аналогичными показателями по регионам и доходам: ограничения полномочий правительства, отсутствие коррупции, открытое правительство, основные права, порядок и безопасность, правоприменение, гражданское правосудие и уголовное правосудие), создав по этому признаку определенный рейтинг стран мира, что также влияет на решения вопросов финансового характера (например, о размещении или отказе в размещении иностранных инвестиций и т.п.).

Векторы развития принципа законности в России и принципа верховенства права на Западе имеют самостоятельную динамику. Однако попытки дифференциации понимания принципа верховенства права на Западе позволяют говорить о том, что в настоящее время он носит *de facto* неопределенный характер в западной правовой науке и в юридической практике, несмотря на работу механизма государства на национальном уровне и в сфере международных отношений, а также функционирования международных организаций в сфере верховенства (господства) права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961. 271 с.
2. Александров Н.Г. Законность и правопорядок в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1955. № 5. С.10-12.
3. Волпенко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 184 с.
4. Дэйси А. Основы государственного права Англии: Перевод, дополненный по 6-му английскому изданию. Введение в изучение английской конституции /Дэйси А.В., проф. Оксфорд. ун-та; под ред.: П.Г. Виноградов, проф.; пер.: О.В. Полторацкая. 2-е изд. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1907. 707 с.

5. Каламкарян Р.А. Всеобщая Декларация прав человека. Место, роль и значение в миропорядке на основе верховенства права – Rule of law // Государство и право. 2010. № 6. С. 41-46.
6. Ударцев С.Ф., Темирбеков Ж.Р. Концепции «Rule of Law» («верховенство права») и «Rechtsstaat» («правовое государство»): сравнительный анализ // Государство и право. 2015. № 5. С. 5-16.
7. Фуллер Л.Л. Мораль права / Пер. с англ. Т.Даниловой. Москва; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. 309 с.
8. Чиркин В.Е. Верховенство права: современные варианты терминологии // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 5-11.
9. Хабриева Т.Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 3-12.
10. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
11. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода. Москва: ИРИСЭН. 2006. 644 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Aleksandrov N.G. Pravo i zakonnost' v period razvernutoho stroitel'stvo kommunizma. M.: Gosyurizdat, 1961. 271 s.
2. Aleksandrov N.G. Zakonnost' i pravoporyadok v socialisticheskom obshchestve // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1955. № 5. S.10-12.
3. Voplenko H.H. Socialisticheskaya zakonnost' i primeneniye prava. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1983. 184 s.
4. Dajsi A. Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii: Perevod, dopolnennyj po 6-mu anglijskomu izdaniyu. Vvedeniye v izucheniye anglijskoj konstitucii /Dajsi A.V., prof. Oksford. un-ta; pod red.: P.G. Vinogradov, prof.; per.: O.V. Poltorackaya. – 2-e izd. M.: Tip. t-va I. D. Sytina, 1907. 707 s.
5. Kalamkaryan R.A. Vseobshchaya Deklaraciya prav cheloveka. Mesto, rol' i znachenie v miroporyadke na osnove verhovenstva prava – Rule of law // Gosudarstvo i pravo. 2010. № 6. S. 41-46.
6. Udarcev S.F., Temirbekov ZH.R. Konceptii «Rule of Law» («verhovenstvo prava») i «Rechtsstaat» («pravovoe gosudarstvo»): sravnitel'nyj analiz // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 5. S. 5-16.
7. Fuller L.L. Moral' prava / Per. s angl. T.Danilovoj. Moskva; Chelyabinsk: IRISEN, Socium, 2016. 309 s.
8. Chirkin V.E. Verhovenstvo prava: sovremennyye varianty terminologii // Zhurnal rossijskogo prava. 2015. № 12. S. 5-11.
9. Habrieva T.YA. Konstituciya kak osnova zakonnosti v Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2009. № 3. S. 3-12.
10. Hajek F.A. Doroga k rabstvu. M.: Novoe izdatel'stvo, 2005. 264 s.
11. Hajek F. A. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda. Moskva: IRISEN. 2006. 644 s.

В.В. ВАРМУНД

Теоретические аспекты соотношения субъективного права и правосубъектности физических лиц

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены теоретические подходы к пониманию субъективного права и его соотношения с правосубъектностью. Отражены доктринальные основы правосубъектности в контексте взаимообусловленности правоспособности и дееспособности.

Исследованы научные подходы к пониманию субъективного права. Определены юридически значимые границы дееспособности физического лица с учетом возрастного и психологического критериев. Раскрыты научные подходы к определению субъективного права. Проведен сравнительно-правовой анализ субъективного права и правосубъектности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правосубъектность, правоспособность, дееспособность, субъективное право, физическое лицо, правоотношение.

ВАРМУНД ВИКТОРИЯ ВСЕВОЛОДОВНА – старший преподаватель кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: vik_v@bk.ru).

Наука права рассматривает людей как участников общественных отношений, а именно участников правоотношений. Лицо в юридическом смысле означает любую человеческую личность или субъект, способный обладать правами и обязанностями, или, в более широком смысле, выполнять юридические функции¹.

Правосубъектность понимается как возможность лица участвовать в правоотношениях.

В принципе, граждане могут участвовать во всех правоотношениях, обладая, в этом смысле, общей правосубъектностью. Лица могут вступать в правоотношения как между собой, так и с государством, с государственными органами, хозяйственными организациями или негосударственными объединениями. Участие лица в правоотношениях несет отпечаток как правовой системы в целом, так и конкретной отрасли права.

С другой точки зрения, содержание правосубъектности человека, связь между человеческой личностью, субъектом права, правами и обязанностями

осуществляются понятием правоспособности и дееспособности².

В действительности индивид и субъект права находятся на разных уровнях: в то время как человек – это естественная реальность; субъект права – выражение юридических абстракций; индивид приобретает статус физического лица, когда он имеет права и обязанности путем наделения правоспособностью, определяемой, как «способность человека иметь юридические права и юридические обязанности». Этого единственного элемента недостаточно, чтобы выразить индивидуальное качество обладателя прав и обязанностей. Эти права и обязанности составляют юридическую «собственность» физического лица, как субъекта права.

Юридические способности обладать правом равны и неограниченны, а обязанности дифференцированы и ограничены в их осуществлении. Дееспособность является константой человеческой личности, а права и обязанности субъекта права изменчивы³.

1. Вармунд В.В. Правосубъектность как теоретико-правовая категория // Закон и право. 2023. № 5. С. 27.

2. Вармунд В.В. Указ. соч. С. 27.

3. Вармунд В.В. Теоретические аспекты правовых отношений сквозь призму правосубъектности физических лиц // Право. Адвокатура. Нотариат. Материалы Международных чтений. 19 апреля 2023 года / под ред. Р.В. Шагиевой и Н.Н. Косаренко. М.: Русайнс, 2023. С. 36.

Таким образом, правосубъектность выражается через понятия правоспособности и дееспособности⁴.

Чтобы быть субъектом права, физическое лицо должно обладать правосубъектностью. Это означает общую и абстрактную способность лица иметь права и обязанности. Правосубъектность регулируется правовыми нормами в рамках каждой отрасли права. Поэтому мы различаем гражданскую правосубъектность, трудовую, уголовную, административную и т.д.⁵

Чтобы осуществлять свои права, лицо должно помимо правоспособности, еще и обладать дееспособностью, то есть быть способным в соответствии с требованиями применимого права отстаивать посредством поведения социальные ценности. Индивид выступает в качестве отдельного субъекта в правоотношениях, где правосубъектность делится на способность обладать правом (правоспособность) и на дееспособность осуществлять права и нести обязанности.

Правоспособность, состоящая в способности лица быть обладателем прав и гражданских обязанностей, способность к использованию выражает сущность качества лица быть индивидуальным субъектом права.

Способность лица к использованию прав основывается на следующих принципах: законность, общность, бессрочность, неотчуждаемость, равенство.

Законность правоспособности лица представляет собой тот характер, который заключается в том факте, что позитивная норма регулирует все аспекты (начало, содержание, прекращение) правоспособности. Общность правоспособности лица представляет собой тот характер, который заключается в том факте, что правоспособность лица выражает общую и абстрактную способность обладать всеми правами и обязанностями. Бессрочность заключается в том, что правоспособность присутствует на протяжении всей жизни с момента рождения до момента смерти. Под неотчуждаемостью правоспособности мы понимаем, что отказ от правоспособности

невозможен («никто не может отказаться, ни полностью, ни частично, от правоспособности...»). Будут абсолютно недействительными те правовые акты, посредством которых субъект права частично или полностью, временно или навсегда отказывается от возможности пользоваться правоспособностью. Мы не должны путать отказ от такого конкретного субъективного права или отчуждение такого права, что вполне возможно в юридической практике, с отказом от общей правоспособности, как возможности приобретать это право или брать на себя обязательство.

Юридическая бессрочность правоспособности и, по-видимому, вступает в противоречие с субъективным правом человека распоряжаться своей личностью в обстоятельствах, когда индивид хотел бы отказаться от своей способности приобретать права и брать на себя обязательства. Неосязаемость правоспособности физического лица относится к той особенности, которая гласит, что никакие ограничения не могут быть установлены иначе, как нормой позитивного права. Равенство возможностей использования правоспособности является материализацией принципа равенства перед законом.

Определение дееспособности физического лица является обязательным сочетанием двух существенных элементов: 1) является частью правосубъектности; 2) это способность лица осуществлять права и обязанности.

В отличие от правоспособности на основе закона может быть ограничена дееспособность, но только с целью защиты самого лица. Причины, по которым право устанавливает такие ограничения, разнообразны и не всегда оправданны. Они представляют собой реальное ограничение на приобретение и осуществление прав, и исполнение обязательств.

Таким образом, мы сталкиваемся со следующими типами ограничений:

1) Ограничения, основанные на возрасте. В целом, возраст не влияет на способность использовать, а влияет только на способность осуществ-

4. Вармунд В. В. Теоретические вопросы правосубъектности, как одного из оснований возникновения правоотношения // Образование и право. 2023. № 2. С. 90.

5. Правосубъектность как юридическое свойство лица: соотношение общего и отраслевого статико-динамических признаков / О. А. Авдеева, Е. В. Авдеева, В. В. Вармунд, В. Ф. Гольчевский // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4(51). С. 58.

влять. Однако, хотя это утверждение справедливо в частном праве, но оно неверно в публичном праве. Например, если способность ребенка пользоваться публичным правом существенно ограничена из-за того, что он не может занимать государственные должности или политические права (голосовать, быть избранным или занимать общественные, или политические должности, то в частном праве он может совершать мелкие бытовые сделки).

2) Ограничения, основанные на психическом состоянии. Иногда психическое состояние человека может составлять основу ограничений на использование дееспособности. Однако следует понимать, что психическое состояние является лишь основанием для этих ограничений, простое психическое состояние автоматически не приводит к ограничениям дееспособности, на этот счет должно быть вынесено судебное решение после специальной и очень трудоемкой процедуры.

Определение дееспособности физического лица не должно упускать из виду такие существенные аспекты, как соотношение дееспособности с понятием возраста, психического состояния.

Исходя из этих предположений, дееспособность

физического лица определяется, как та часть правосубъектности лица в юридическом смысле, которая заключается в его способности приобретать и осуществлять права, а также принимать на себя и исполнять обязанности.

Законность осуществления дееспособности физического лица заключается в том, что закон регулирует все аспекты установления содержания и прекращения осуществления дееспособности таким образом, что дееспособность является исключительно областью права. Общность означает, что дееспособность физического лица выражает способность приобретать и осуществлять субъективные права и выполнять обязанности.

Человеческая личность становится личностью в юридическом смысле благодаря признанию способности лица обладать правосубъектностью. В техническом смысле правосубъектность выражается через понятия правоспособности и дееспособности⁶.

Правосубъектность понимается как возможность лица участвовать в правоотношениях, а субъективное право — это индивидуальное право субъекта права, которое реализуется посредством правосубъектности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вармунд В.В. Правосубъектность как теоретико-правовая категория // Закон и право. 2023. № 5. С. 27-30.
2. Вармунд В.В. Теоретические вопросы правосубъектности, как одного из оснований возникновения правоотношения // Образование и право. 2023. № 2. С. 89-92.
3. Вармунд В.В. Теоретические аспекты правовых отношений сквозь призму правосубъектности физических лиц // Право. Адвокатура. Нотариат. Материалы Международных чтений. 19 апреля 2023 года / под ред. Р.В. Шагиевой и Н.Н. Косаренко. М.: Русайнс, 2023. С. 35-37.
4. Правосубъектность как юридическое свойство лица: соотношение общего и отраслевого статико-динамических признаков / О.А. Авдеева, Е.В. Авдеева, В.В. Вармунд, В.Ф. Гольчевский // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4(51). С. 57-60.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Varmund V.V. Pravosub#ektnost' kak teoretiko-pravovaja kategorija // Zakon i pravo. 2023. № 5. S. 27-30.
2. Varmund V.V. Teoreticheskie voprosy pravosub#ektnosti, kak odnogo iz osnovanij vzniknovenija pravootnoshenija // Obrazovanie i pravo. 2023. № 2. S. 89-92.
3. Varmund V.V. Teoreticheskie aspekty pravovyh otnoshenij skvoz' prizmu pravosub#ektnosti fizicheskikh lic // Pravo. Advokatura. Notariat. Materialy Mezhdunarodnyh chtenij. 19 aprelja 2023 goda / pod red. R.V. Shagievoj i N.N. Kosarenko. M.: Rusajns, 2023. S. 35-37.
4. Pravosub#ektnost' kak juridicheskoe svojstvo lica: sootnoshenie obshhego i otraslevogo statiko-dinamicheskikh priznakov / O.A. Avdeeva, E.V. Avdeeva, V.V. Varmund, V.F. Gol'chevskij // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2018. № 4(51). S. 57-60.

⁶ Вармунд В. В. Правосубъектность как теоретико-правовая категория / В. В. Вармунд // Закон и право. 2023. № 5. С. 30.

Ю.С. ЖАРИКОВ

Факторы, влияющие на распространение радикальной религиозной идеологии в молодежной среде современной России

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье рассматриваются причины и условия распространения религиозно-экстремистской идеологии в молодежной среде современной России. По мнению автора, она представляет собой идеологию насилия, используемую религиозными деятелями для достижения политических целей, а именно – захвата власти в светском государстве и насаждения примата духовной власти над секулярной властью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религия, экстремизм, молодежь, радикализм, насилие.

ЖАРИКОВ ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова (e-mail: sga120a@yandex.ru).

Разобраться в вопросах причин и условий распространения радикальных религиозных верований в нашей стране и в той угрозе, которые они представляют, невозможно без определения понятия «религиозный экстремизм». По нашему мнению, он представляет собой идеологию насилия, используемую религиозными деятелями для достижения политических целей, а именно захвата власти в светском государстве и насаждения примата духовной власти над секулярной властью.

Философская основа такой идеологии наиболее детально разработана в исламе и отражена в законах шариата, которые определяют как форму правления в исламских государствах, так и основу поведения мусульман.

Наше эмпирическое исследование, а именно ответы респондентов на вопрос о том, каковы факторы, влияющие на распространение экстремистской деятельности по разным основаниям, в том числе и на почве радикальной религиозной идеологии, не было получено однозначного ответа. Так, среди причин и условий распространения экстремизма в современной России интервьюенты назвали:

1) изменения этнодемографической структуры российского общества, спровоцированное в том числе и миграцией молодежи из стран Средней Азии, в которой заметную роль играют последователи радикальных религиозных учений (24%);

2) развивающееся материальное расслоение населения на богатых и бедных, ограничивающее доступ к социальным ресурсам молодежи из малообеспеченной среды (19%);

3) утеря культурно-ценностных ориентаций молодежи как фактора, обеспечивающего национальную идентичность (18%);

4) слабая адаптируемость молодежи к условиям санкционного давления на российскую экономику (12%);

5) эскалация насилия как средства решения социальных конфликтов (10%);

6) распространение в обществе синдрома «осажденной крепости», основанного на утверждении – кругом враги и все наши внутренние и внешние беды именно от них (9%);

7) отрицание возможности демократических преобразований российского государства и общества, наделение демократии чертами хаоса и разрушения, не способной обеспечить безопасность и благополучие (8%).

Аналогичные причины называются и в научной литературе специалистами различных научных направлений. Так, криминологи традиционно среди причин распространения экстремизма в молодежной среде называют: отсутствие адекватной молодежной политики государства, слабое воздействие государственной идеологии, низкий материальный уровень жизни населения, пробле-

мы занятости и образования, негативное влияние средств массовой информации¹.

Н.И. Свечников и Е.С. Кандрина (юристы) среди основных причин религиозного экстремизма называют: низкий уровень основополагающих знаний у людей о своей религии и отсутствие информированности о других конфессиях; рост миграционных потоков, с которыми происходит перемещение центров концентрации представителей иных религий с присущим стремлением навязать другим людям свои религиозные идеалы любыми способами; увядание традиционных духовных ценностей².

Психологи и педагоги среди причин увлечения молодежи радикальными религиозными идеями называют: конфликтные отношения в семье; состояние фрустрации (блокировка актуальных потребностей: нехватка денег на самое насущное, долги, потеря интереса к старым друзьям и невозможность появления новых, отсутствие впечатлений); острое чувство непонятости; одиночество; диффузную идентичность; информационный и коммуникативный голод; общую эмоциональную неудовлетворенность³.

Политологи относят к причинам религиозного экстремизма: проблемы обеспечения права личности на свободу вероисповедания; недостаточную поддержку деятельности молодежных религиозных организаций, направленную на духовное, нравственное и патриотическое воспитание молодежи; недостаточное внимание со стороны государства вопросам воспитания у подрастающего поколения уважительного отношения к чувствам верующих и

неверующих; проблемы сохранения духовно-нравственного и национально-культурного наследия, традиций и религий народов России⁴.

Социологи полагают, что факторами, детерминирующими экстремизм в молодежной среде, являются: зарождение противоречий; ограниченность личности; психологические барьеры; ксенофобия; нацизм и расизм⁵.

Есть и иные мнения, но в целом их суть следует свести к двум аспектам. Первый – зарождение и развитие межконфессиональных противоречий внутри государства. Второй аспект связан с распространением религиозного экстремизма как в результате миграции молодежи в Россию, исповедующей радикальные религиозные взгляды (непосредственный экспорт экстремизма), так и пропагандой радикальных экстремистских взглядов религиозного толка средствами массовой информации внутри страны (опосредованный экспорт экстремизма). Понятно, что жертвами такой пропаганды в первую очередь становится молодежь.

В качестве подтверждения последнего тезиса приведем пример нашумевшей истории Варвары Карауловой, студентки философского факультета МГУ, которая по интернету познакомилась с боевиком ИГИЛ (запрещенной в РФ) и предприняла несколько попыток примкнуть к боевикам в Сирии, за что была осуждена на 4,5 года лишения свободы по ст. 205.5 УК РФ⁶. Причем такие истории были не единичны – обрабатываемые профессиональными психологами молодые люди принимали ислам и пытались примкнуть к экс-

1. Хомяченкова О.В. О причинах возникновения современного молодежного экстремизма / Актуальные вопросы юриспруденции // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2015. № 2. С. 33-34.

2. Свечников Н.И., Кандрина Е.С. Противодействие распространению религиозного экстремизма в молодежной среде // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 3. С. 97-110.

3. Зализняк Н.Л., Лундовских И.В., Синеглазова А.Г. Профилактика экстремизма и формирование толерантности в молодежной среде: методическое руководство. Казань: ИД «МеДДок», 2020. С. 13-14.

4. Олифиренко Е.П. Молодежный религиозный экстремизм в современной России и пути его преодоления: на материалах Северо-Кавказского федерального округа: дис... канд. полит. наук. Краснодар, 2012. С. 13-14.

5. Молодежный экстремизм – причины появления, виды и характеристика // Интернет-сайт «Nauka.Club». 10.04.2020 / URL: <https://nauka.club/sotsiologiya/molodezhnyy-ekstremizm.html> (дата обращения: 17.11.2023).

6. Как сложилась жизнь студентки МГУ Варвары Карауловой, осужденной за попытку примкнуть к ИГИЛ // URL: <https://dzen.ru/a/Y21z1CPTtkLj8vn> (дата обращения: 17.11.2023).

тренистским организациям, чтобы с оружием в руках отстаивать чуждые им интересы. В данном контексте нас интересует не сам факт квалификации содеянного, а возможность воздействия на лиц, страдающих легкими формами психических расстройств, совершать требуемые психологами-кураторами действия в пользу третьих лиц.

В данном контексте следует отметить, что в настоящее время доминирующими радикальными течениями в России являются исламские радикальные учения, поскольку аналогичные религиозные доктрины в рамках иных конфессий были ранее разгромлены властью в силу их малочисленности и отсутствия жесткой связи с определенными группами коренного населения России.

Также фактически загнаны в подполье ваххабиты, поддерживавшие военную агрессию боевиков Ичкерии против Дагестана в 1999 году, не нашедшую поддержки народов Республики и оказавших агрессорам вооруженное сопротивление. Однако впоследствии радикальный ислам в России получил распространение в форме салафизма – неоваххабизма, затронув и другие регионы России⁷.

Впоследствии радикальный ислам с Северного Кавказа, используя финансовую и духовную поддержку Саудовской Аравии, распространился первоначально на республики России с компактным проживанием мусульман, и прежде всего на территорию Татарстана, а затем и многие субъекты Сибирского региона. Данная тенденция характерна для внутренней миграции.

Но аналогичная опасность исходит и от внешней миграции. Авторитарные режимы Средней Азии, боясь конкуренции за власть, выдавлива-

ют со своей территории исламских радикалов в Россию, которые, используя широкие возможности для незаконной миграции, уже на нашей территории создают свои тайные экстремистские ячейки. Используя тактику «осажденной крепости», отгораживаются от коренного населения и воспринимают враждебно любые социальные контакты с «неверными». При этом происходит активное сращивание внешних мигрантов-радикалов с «местными» радикалами-исламистами, имеющими тесные контакты с органами власти, в том числе и с правоохранительными структурами, вольно или невольно покрывающими их враждебную деятельность⁸.

Таким образом, следует подтвердить обоснованные точки зрения о том, что основными причинами, детерминирующими экстремистское поведение лиц, исповедующих те или иные радикальные религиозные учения, в настоящее время являются:

- 1) наличие большой доли молодежи в общей массе населения мусульманских регионов Северного Кавказа (40% моложе 30 лет) и прибывающих мигрантов из республик Средней Азии (от 20 до 70% моложе 30 лет⁹);
- 2) стремление ислама регламентировать жизнь общества;
- 3) высокая мобильность населения, исповедующего ислам;
- 4) сращивание внешней и внутренней миграции исламистов радикалов и их вклинение во властные структуры;
- 5) стремление к массовой исламизации территории и создание в перспективе исламского государства¹⁰.

7. Семедов С.А. Причины радикализации российского ислама // Власть. 2009. № 9. С. 99.

8. Сулейманов Р.Р. Мигранты и их роль в распространении радикальных течений ислама в России: причины, проявления и последствия // Мусульманский мир. 2014. № 2 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migranty-i-ih-rol-v-rasprostranении-radikalnyh-techeniy-islama-v-rossii-prichiny-proyavleniya-i-posledstviya/viewer> (дата обращения: 11.12.2023).

9. Толеуов Ж.С. Регулирование внешних миграционных процессов молодежи в странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. № 5. С. 33-43.

10. Бабаин А.В. Проблема радикального ислама в Центральной Азии // Научная сеть «Современное право» / URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/> (дата обращения: 11.12.2023).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Свечников Н.И., Кандрина Е.С. Противодействие распространению религиозного экстремизма в молодежной среде // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 3. С. 97-110.
2. Зализняк Н.Л., Лундовских И.В., Синеглазова А.Г. Профилактика экстремизма и формирование толерантности в молодежной среде: методическое руководство. Казань: ИД «МеДДок», 2020. 80 с.
3. Толеуов Ж.С. Регулирование внешних миграционных процессов молодежи в странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. № 5. С. 33-43.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Svechnikov N.I., Kandrina E.S. Protivodejstvie rasprostraneniu religioznogo jekstremizma v molodezhnoj srede // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki. 2019. № 3. S. 97-110.
2. Zaliznjak N.L., Lundovskih I.V., Sineglazova A.G. Profilaktika jekstremizma i formirovanie tolerantnosti v molodezhnoj srede: metodicheskoe rukovodstvo. Kazan': ID «MeDDok», 2020. 80 s.
3. Toleuov Zh.S. Regulirovanie vneshnih migracionnyh processov molodezhi v stranah Central'noj Azii (Kazahstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tadjhikistan) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politicheskie, sociologicheskie i jekonomicheskie nauki. 2020. № 5. S. 33-43.

А.И. СИДОРКИН, Д.В. РЕМИЗОВ

**От частной полиции
к частным военным компаниям
(из опыта создания
и правового регулирования частных
военизированных формирований в России)**

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется проблематика организации и правового регулирования частных военизированных формирований в Российской Империи. В качестве основного был использован историко-правовой метод научного исследования, позволяющий раскрыть предмет исследования в процессе его возникновения и развития. Использование исторического метода и метода анализа позволило выявить положительные и отрицательные стороны деятельности подобных формирований. На примере функционирования частной полиции показано, что практика деятельности частных военизированных формирований, выходящая далеко за рамки закона, разрушила в глазах общества один из важнейших устоев государственной власти – государственную монополию на насилие. В правосознании населения начинаются стихийные изменения оценок основного комплекса государственных категорий – особенно категории государственного насилия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: полиция, частная полиция, конно-полицейская стража, комплектование кадров, правовое регулирование службы.

СИДОРКИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного гуманитарно-экономического университета; профессор кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: hamid.katibun@gmail.com);

РЕМИЗОВ ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы (e-mail: dremizov1989@gmail.com).

ЧВК «Вагнер», получившая широкую известность в последние пять лет, и робкие попытки законодателя очертить некие правовые границы ее деятельности, окончившиеся так, собственно говоря, и не начавшись, заставили обратить внимание на проблему делегирования государственной властью полномочий на насилие. В этой связи представляется актуальным обратиться к имеющемуся в России опыту создания и правового регулирования деятельности частной полиции, существовавшей в первое десятилетие XX в.

В период первой русской революции нагрузка на полицию возросла многократно. Однако низкая зарплата и крайне негативное отношение общества к полиции вызвали недовольство в рядах самих полицейских. Это недовольство вылилось

в забастовки полицейских, прошедших в ряде городов Российской Империи. Только за 1906 г. такие забастовки охватили 17 губернских городов. Составлялись петиции об улучшении условий службы. Наблюдалась негативная тенденция массового увольнения полицейских, недовольных условиями службы. Среди оставшихся при исполнении обязанностей полицейских заметно было явное снижение служебной активности, апатия и безразличие к исполнению службы. Нередкими становятся случаи предательства полицейскими интересов службы¹. В условиях существенного снижения качества полицейской службы, правительство вновь вынуждено было, как и в петровские времена, призывать к несению полицейской службы армию. В середине февраля 1906 г. император

1. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. Д. 1974. Л. 69-98.

Николай II изменил Правила о призыве войск для содействия гражданским властям². Согласно внесенным изменениям, войска могли призываться вместо полиции, в том числе, и «для предупреждения беспорядков, массовых сопротивлений гражданским властям». Войска вызывались и в случае, если местная полиция вызвала сомнения в способности пресечения противоправных действий³.

Наметившаяся в 1905-1907 гг. негативная тенденция нежелания служить в органах полиции и жандармерии особенно заметна была в среде старшего офицерского состава. Уже в 1906 г. Министр внутренних дел П.Н. Дурново вынужден был отменить для обер-офицеров, поступающих на службу в полицию и жандармерию, обязательный срок выслуги в армии и отказаться от образовательного ценза. Однако переломить эту негативную тенденцию не удалось, и уже в годы Первой мировой войны для того, чтобы перекрыть некомплект действующего состава столичной полиции, из армии было направлено 600 солдат⁴, хотя отчасти, некомплект нижних чинов полиции объяснялся уходом примерно 25% столичных городских, околоточных и надзирателей добровольцами на фронт, несмотря на официальное освобождение нижних чинов от призыва в действующую армию⁵.

В условиях кадрового дефицита служащих полиции и роста крестьянских выступлений правительство пытается решить вопросы увеличения численности полиции за счет негосударственных ресурсов. Речь идет об опыте создания подразделений так называемой «частной полиции», чины которой содержались за счет частных средств, имея основной задачей охрану имущества своих учредителей⁶. Необходимо отметить, что первые подразделения «частной полиции» появились

почти на 30 лет ранее революции 1905-1907 гг. По данным А.Б. Храмцова, «впервые в России негосударственная (частная) полицейская команда была разрешена Кабинетом министров 2 июня 1872 г. по Высочайше утвержденному Положению на заводе «Новороссийского общества каменноугольного, рельсового и железнодорожного производства» в составе надзирателя и 15 полицейских. Однако законодательное обеспечение развития данного института в общероссийском масштабе появилось только в начале XX в. В соответствии с Высочайше утвержденным Положением Кабинета министров от 12 мая 1900 г. «О предоставлении министру внутренних дел права разрешать ходатайства общественных учреждений и частных обществ и лиц об учреждении должностей пеших и конных полицейских стражников во всех губерниях Европейской и Азиатской России», а также «Правилами об образовании обществами и частными лицами должностей полицейских чиновников и команд полицейской стражи» от 22 июня 1900 г. были сняты все территориальные ограничения и министру внутренних дел разрешено учреждать, по частным прошениям, должности полицейских чинов»⁷.

Распоряжением Министра внутренних дел создаваемые подразделения «частной полиции» содержались за счет средств их учредителей⁸.

Обострение ситуации в деревне, вызванное событиями первой русской революции, и неспособность государственной полиции держать под контролем общественные процессы на местах, заставили правительство активизировать деятельность по созданию частной полиции. Причиной тому стало и недовольство армейского командования бесконечными вызовами армейских «летучих

2. Фомичев А.Ю. Проекты реформы российской полиции в конце XIX – начале XX века: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 1999. С. 43.

3. СУ. 1906. № 34. Ст. 188.

4. Вестник полиции. 1916. № 50. С. 42.

5. Вестник полиции. 1915. № 2. С. 56.

6. Собрание узаконений за 1-ое полугодие 1914. Пг., 1914. № 1351.

7. Храмцов А.Б. Учреждение полицейских должностей на общественные и частные средства в органах полиции Западной Сибири в 1905-1917 годах // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17. С. 75-76.

8. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XX. Отд. 1. № 18599.

отрядов», созданных в апреле 1905 г., на подавление крестьянских бунтов, что существенно затрудняло ведение боевой подготовки военнослужащих. Дошло до того, что военное командование открыто игнорировало просьбы помещиков о присылке «летучих отрядов» при угрозе нападения крестьян. Ситуацию могли исправить казаки как наиболее мобильные части русской армии. Но именно в тех губерниях, где крестьянские выступления в самый разгар волнений (осень-начало зимы 1905 г.) приобрели угрожающий размах, казаков было ничтожно мало, и губернаторы на местах вынуждены были распределять их буквально по десяткам⁹.

В сложившихся условиях «согласно опубликованному 29 декабря 1905 г. указу, частным землевладельцам разрешили учреждать на свои средства команды конно-полицейской стражи для охраны имений от «бунтовщиков». Помимо «частных задач», перед командами ставилась и задача тесного взаимодействия с государственной полицией по охране общественного порядка, безопасности и подавления беспорядков силой оружия». Последнее обстоятельство предопределило характер создаваемых команд как военизированных формирований. Поэтому их расквартирование производилось казарменным способом, преимущественно в имениях помещиков. В исключительных случаях допускалось размещение по частным квартирам, но такой способ вскоре был признан негодным по причинам «быстрой деморализации расквартированных стражников» и проблем с хранением оружия¹⁰.

Несмотря на «фактическое формирование подразделений команд-конно-полицейской стражи в 1905 г., правовой статус ее служащих был установлен только в 1906 г.»¹¹ «Правилами об образовании обществами и частными лицами должностей

полицейских чиновников и команд полицейской стражи» (далее по тексту – Правила о частной полиции), созданными на основании закона от 12 мая 1900 г., Права и обязанности частных полицейских существенно не отличались от таковых чинов общей государственной полиции, за единственным исключением. Частный полицейский обладал всей полнотой законной власти только на территории того имения, или предприятия, где было создано его подразделение. Государство достаточно жестко контролировало в этом отношении частную полицию. Губернатор мог в любой момент расформировать органы частной полиции, если они нарушали свой территориальный принцип действия. Для отличия частной полиции от государственной, чинам первой выдавали специальные нагрудные знаки («бляхи») с названием того имения или предприятия, где они состояли на службе¹². В остальном, в том числе и в снабжении оружием и обмундированием, частная полиция ничем не отличалась от государственной¹³.

При формировании подразделений частной полиции, возникли серьезные трудности с их комплектованием. Несмотря на упрощенную, по сравнению с государственной полицией, процедуру приема на службу в частную полицию, численность последней никогда не достигала заявленных штатов. Требования к кандидатам в частную полицейскую стражу были следующие: наличие русского подданства; возраст не менее 25 лет; «здоровое телосложение»; умение читать и писать; «общее достаточное развитие». Преимущество при приеме отдавалось отставным или уволенным в запас нижним чинам армии¹⁴.

Стремясь как можно быстрее укомплектовать подразделения частной полиции для борьбы с восстаниями крестьян, местные власти пошли по

⁹ См.: Гарбуз Г.В. Полицейская стража в России в начале XX в. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 368-369.

¹⁰ См.: Снегирев И. Безопасность и полиция. Витебск, 1912. С. 38.

¹¹ См.: Фомичев А.Ю. Проекты реформы российской полиции. С. 46.

¹² Там же. С. 47.

¹³ См.: Кольцова М.В. Профессиональная подготовка полицейских кадров Российской империи в период с 1907 г. до февраля 1917 г. (историко-правовое исследование): дис... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 31.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 106. Оп. 1. Д. 391. Л. 51 об.

пути привлечения в ее ряды уроженцев данной местности, где эти подразделения формировались. Нужно отметить, что достаточно большое количество потенциальных кандидатов, местных уроженцев, изъявили желание определиться на службу в частную полицию. Их привлекали перспективы государственной службы, гарантированное высокое денежное содержание и другие льготы, полагаемые чинам полиции. Однако на деле эта служба оказалась не столь привлекательной. Главное обстоятельство, оказавшееся весьма неприятным, было то, что необходимо было применять вооруженную силу против своих же односельчан. Это, по справедливому мнению Г.В. Гарбуза, «сделало службу в частной полиции малопривлекательной для местного населения. Сложилась печальная практика, когда после первого же выезда для подавления беспорядков, частные полицейские просто в массовом порядке разбежались. В результате в некоторых губерниях из положенных по штату 200 частных полицейских в реальности на службе состояло по 30 человек. Для решения этой проблемы власти попытались перенаправлять полицейские команды из одного уезда в другой. Однако эти меры не принесли должного эффекта.

Получив весьма безрадостный опыт формирования частной полиции местными уроженцами, Департамент полиции в итоге принял решение комплектовать подразделения частной полиции уроженцами данной губернии, но обязательно из других уездов. В последующем, комплектование частной конно-полицейской стражи осуществлялось уроженцами других губерний»¹⁵. Для решения проблемы комплектования этих структур предлагалось, на первый взгляд, достаточно эффективное решение – рекрутировать на службу в частную полицию казаков. Но казаки не соглашались служить в негосударственных полицейских формированиях, тем более что служба там предполагалась вдали от дома. Выход был найден в привлечении на службу в частную полицию горцев Кавказа. Однако этот вариант, как оказалось, таил

в себе много негативных моментов. В период наиболее активного противостояния власти и восставших, местная администрация могла положиться на надежность горцев, несмотря на трудности в общении с местным населением и их жестокий нрав. Эти особенности личного состава конно-полицейской стражи приводили к совершенно бессмысленным ожесточенным столкновениям частной полиции, состоящей из горцев, с населением уездов Центральной России и Поволжья. Нуждаясь в скорейшем усмирении подведомственного населения, местная администрация вынуждена была закрывать глаза на подобные эксцессы. Но в период после подавления революции подобная бессмысленная жестокость частной полиции была неприемлема и формировала крайне негативный образ полицейского. В этих условиях «вице-директор Департамента полиции С.П. Белецкий вынужден был в августе 1910 г. издать специальный циркуляр, запрещающий принимать на службу в формирования конно-полицейской стражи горцев Кавказа»¹⁶.

Не увенчались успехом и попытки решения кадрового некомплекта в полиции путем привлечения к сотрудничеству консервативных организаций (таких как «Союз русского народа», «Общество активной борьбы с революцией» и т.п.) после издания Манифеста от 17 октября 1905 г.

Подобные «эксперименты» с созданием негосударственных силовых структур породили обратный эффект и привели к еще большему отторжению обществом самой полиции. Финансирование этих организаций министерством внутренних дел, снабжение их оружием, информацией закрытого характера, предоставление помещений (полицейских участков), привлечение к несению патрульной службы на улицах боевых дружин этих организаций и, наконец, прямое попустительство полиции участию их в погромах и преследованиях «сочувствующих революционерам», выходящих далеко за рамки закона, разрушили в глазах общества один из важнейших устоев государственной

¹⁵ Гарбуз Г.В. Полицейская стража в России в начале XX в. С. 370.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 216. Оп. 8. Д. 332. Л. 115 об.

власти — государственную монополию на насилие. В правосознании населения начинаются стихийные изменения оценок основного комплекса государственных категорий — особенно категории государственного насилия.

Чем больше власть «делилась правом на насилие», тем больше падало значение закона. Подобная практика оказалась чреватой и для самой полиции, чины которой утратили право на

неприкосновенность с позиции обывателя. Только с ноября 1905 г. по апрель 1906 г. было убито 288 и ранено 383 полицейских¹⁷. Полиция оказалась причастной фактически к государственному бандитизму, покровительствуя черносотенцам в их погромах. Так, например, в Екатеринославле околоточные надзиратели совместно с черносотенцами участвовали в разгроме магазинов и сами грабили имущество¹⁸.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вестник полиции. 1915. № 2. С. 50-59.
2. Вестник полиции. 1916. № 50. С. 36-48.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Особый отдел. Д. 1974.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 106. Оп. 1. Д. 391.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 216. Оп. 8. Д. 332.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 468. Оп. 1. Д. 868.
7. Гарбуз, Г.В. Полицейская стража в России в начале XX в. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 368-369.
8. Кольцова, М.В. Профессиональная подготовка полицейских кадров Российской империи в период с 1907 г. до февраля 1917 г.: Историко-правовое исследование: дис... канд. юрид. наук. М., 2005. 176 с.
9. Кулешов, С.В. Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 1-2 / С.В. Кулешов, О.В. Волобуев, Е.И. Пивовар. М.: ТЕРРА, 1991. 1004 с.
10. Снегирев, И. Безопасность и полиция. Витебск, 1912. 577 с.
11. Фомичев А.Ю. Проекты реформы российской полиции в конце XIX — начале XX века: дис... канд. юрид. наук. М., 1999. 190 с.
12. Храмов А.В. Учреждение полицейских должностей на общественные и частные средства в органах полиции Западной Сибири в 1905-1917 годах // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17. С. 75-79.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Vestnik policii. 1915. № 2. S. 50-59.
2. Vestnik policii. 1916. № 50. S. 36-48.
3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. 102. Osobyj otdel. D. 1974.
4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. 106. Op. 1. D. 391.
5. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. 216. Op. 8. D. 332.
6. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. 468. Op. 1. D. 868.
7. Garbuz, G.V. Policejskaja strazha v Rossii v nachale XX v. // Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. Serija: Gumanitarnye nauki. 2011. № 23. S. 368-369.
8. Kol'cova, M.V. Professional'naja podgotovka policejskih kadrov Rossijskoj imperii v period s 1907 g. do fevralja 1917 g.: Istoriiko-pravovoe issledovanie: dis... kand. jurid. nauk. M., 2005. 176 s.
9. Kuleshov, S.V. Nashe Otechestvo. Opyt političeskoj istorii. T. 1-2 / S.V. Kuleshov, O.V. Volobuev, E.I. Pivovar. M.: TERRA, 1991. 1004 s.
10. Snegirev, I. Bezopasnost' i policija. Vitebsk, 1912. 577 s.
11. Fomichev A.YU. Proekty reformy rossijskoj policii v konce XIX — nachale HKH veka: dis... kand. jurid. Nauk. M., 1999. 190 s.
12. Hramcov A.B. Uchrezhdenie policejskih dolzhnostej na obshchestvennye i chastnye sredstva v organah policii Zapadnoj Sibiri v 1905-1917 godah // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. 2014. № 17. S. 75-79.

¹⁷ См.: Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И. Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1991. С. 238.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. Д. 1974. Л. 13.

А.Ю. ИЛЬИН, Ю.М. САРАНЧУК, Н.Н. КОСАРЕНКО

Контроль налоговых органов за соблюдением законодательства о налогах и сборах

АННОТАЦИЯ. В статье раскрываются отдельные правовые аспекты контроля налоговых органов за соблюдением законодательства о налогах и сборах, выражающиеся в процедурно-процессуальной деятельности проведения камерального налогового контроля при сдаче налоговой декларации (отчетности) и при ее отсутствии, а также основания и процедура проведения углубленной налоговой проверки, дополнительных мероприятий налогового контроля, а также критерии отбора налогоплательщиков для проведения выездного контроля.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: налоги, налоговые органы, налогоплательщики, налоговый контроль, камеральная налоговая проверка, выездная налоговая проверка, дополнительные мероприятия налогового контроля, декларация.

ИЛЬИН АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российского технологического университета РТУ– МИРЭА (e-mail: nauka-raa@mail.ru);

САРАНЧУК ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова; доцент кафедры информационного, энергетического права и уголовно-правовых дисциплин РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (e-mail: nauka-raa@mail.ru);

КОСАРЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (e-mail: nkosarenko@yandex.ru).

Финансовая деятельность государства и муниципальных образований имеет несколько направлений, одно из которых – формирование бюджетов разного уровня. На сегодняшний день одним из источников формирования бюджетов являются налоги. Ст. 57 Конституции Российской Федерации обязывает платить законно установленные налоги и сборы¹. Но не все налогоплательщики добросовестно выполняют свои налоговые обязанности, а также нарушают правила при ведении налогового и бухгалтерского учета. Именно процедурно-процессуальная деятельность налоговых органов направлена на выявление, предупреждение и пресечение нарушений законодательства о

налогах и сборах, на обеспечение поступления в бюджет налогов и сборов.

Процедурно-процессуальная деятельность налоговых органов реализуется путем проведения налоговых проверок и дополнительных мероприятий налогового контроля.

Камеральная проверка проводится в виде автоматизированной сверки при подаче налогоплательщиком декларации (расчета).

Если декларация (расчет) не представлена, нет права проведения камерального контроля, но есть право проводить иные мероприятия налогового контроля, на что указывает п. 1 ст. 82, ст. 88 НК РФ². С этим согласны Минфин России и арбитражные суды³.

1. Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

2. РФ. 1998. 06 августа.

3. Письмо Минфина России от 05.05.2010 № 03-02-08/28, Постановления Президиума ВАС РФ от 26.06.2007 № 2662/07, от 26.06.2007 № 1580/07, ФАС Поволжского округа от 11.09.2009 № А65-1368/2009.

Но в некоторых случаях камеральную проверку могут провести и без декларации. На такую возможность указывает п. 1.2 ст. 88 НК РФ, если в срок не представлена декларация по доходам от продажи (дарения) недвижимости. В этой ситуации инспекция проводит проверку на основании имеющихся у нее документов (информации) о налогоплательщике и таких доходах.

Если декларация (расчет) не представлена в срок иностранной организацией, подлежащей постановке на учет в соответствии с п. 4.6 ст. 83 НК РФ, налоговый орган вправе провести камеральную проверку на основе имеющихся у него документов (информации) о налогоплательщике, а также данных об иных аналогичных налогоплательщиках.

Под камеральный контроль подпадают:

- декларации налоговых агентов по НДС;
- декларации и налоговые расчеты по налогу на прибыль организаций;
- расчеты по форме 6-НДФЛ.

Уже проверенная налоговая декларация (отчетность) не может подвергаться повторно камеральному контролю, в том числе повторная проверка, даже по просьбе самого налогоплательщика.

Кроме того, с учетом п. 1.1 ст. 88 НК РФ не проводятся камеральные проверки по декларациям (расчетам) за налоговые (отчетные) периоды, осуществления налогового мониторинга.

Не может подвергаться повторной камеральной проверке уже проверенная отчетность, даже если об этом просит сам налогоплательщик.

Органы налогового контроля вправе проводить углубленные камеральные проверки. При этом извещать налогоплательщика об этом налоговый орган не обязан. Налогоплательщик узнает об этом в том случае, когда начинаются активные действия должностных лиц в отношении налогоплательщика.

Углубленный камеральный контроль проводится в следующих случаях:

- если выявлены противоречия, несоответствия между представленной налоговой отчетностью и иными сведениями в документах;
- представлена отчетность по НДС, в которой сумма налога заявлена к возмещению;
- организация, индивидуальный предприниматель анонсировали налоговые льготы;
- если подана декларация по налогу, связанному с использованием природных ресурсов.

При углубленной камеральной проверке налогоплательщик вправе дополнительно представить в налоговый орган выписки из регистров налогового и (или) бухгалтерского учета и (или) иные документы, подтверждающие достоверность данных, внесенных в налоговую декларацию (расчет). Налоговая инспекция может ограничиться истребованием дополнительных документов, запросив счета фактуры по операциям, договора с контрагентами или пояснений налогоплательщика. Например, это возможно при подтверждении применения налоговой льготы, НДС к возмещению, при выявлении технических ошибок.

Налоговый орган в обязательном порядке должен сообщить налогоплательщику⁴, обнаружив признаки, указывающие на возможное нарушение законодательства о налогах и сборах, а именно:

- обнаружены ошибки в проверяемой отчетности;
- представлены противоречивые сведения в отчетных документах;
- представленные документы не отражают сведения о переплате налогов.

Следует обратить внимание что, кроме истребования документов, в ходе углубленной налоговой проверки, практикуются и другие мероприятия налогового контроля. К мероприятиям налогового контроля при прове-

⁴ П. 3 ст. 88 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // РГ. 1998. 06 августа; п.п. 2.2, 2.5 Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 12.07.2006 № 267-О // СЗ РФ. 2006, № 43. Ст. 4529.

дении углубленного камерального контроля, относятся:

- допрос свидетелей;
- назначение экспертизы;
- привлечение специалиста, переводчика;
- выемка документов;
- осмотр помещений, территорий, документов и предметов.

Проведение допроса регламентировано ст. 90 НК РФ и ведомственными актами Минфина России⁵ и ФНС России⁶, решениями судов⁷.

По смыслу положений п. 1 ст. 95 НК РФ эксперт может быть привлечен для участия в любых действиях по осуществлению налогового контроля. Хотя п. 3 ст. 95 НК РФ допускает назначение экспертизы только в рамках выездной проверки, правоприменительная практика идет по пути правомерности назначения экспертизы, при камеральной проверке. Одной из форм налогового контроля,⁸ с учетом содержания п. 1 ст. 82, пп. 1 п. 1 ст. 87 НК РФ.

Так, например, ФАС Центрального округа отмечает, что законодательством прямо предусматривается возможность привлечения экспертов при осуществлении налогового контроля в любой форме⁹.

Ст. 96 НК РФ дает право привлекать специалистов, а ст. 97 НК РФ переводчиков. С

условием, что есть в этом необходимость, если без переводчика и специалиста не может быть достигнута истина. Например, переводчик должен быть привлечен по ходатайству налогоплательщика или его представителя, для перевода документов, представленных налогоплательщиком. Специалист может быть привлечен, если есть разногласия в применении законодательства, исчислении налога¹⁰.

И еще одно мероприятие налогового контроля, к которому прибегают налоговые органы, – выемка. Из п. 1 ст. 94 НК РФ следует, что провести выемку можно только на основании мотивированного постановления должностного лица. В то же время из пп. 3 п. 1 ст. 31 НК РФ следует, что производить выемку возможно в ходе любой налоговой проверки, если есть основания полагать, что документы будут уничтожены, сокрыты, изменены или заменены. У контролирующих органов неоднозначные разъяснения. Например, в Письме от 07.06.2006 № 03-02-07/1-141 Минфин России указывает на возможность проведения выемки при камеральной проверке. А Письмо от 24.11.2008 № 03-02-07/1-471 говорит об обратном.

В судебной практике тоже неоднозначные решения, с одной стороны, признается допустимость выемки¹¹ при камеральном контроле

5. Письмо Минфина России от 30.11.2011 № 03-02-07/1-411 // Документ опубликован не был // URL: www.consultant.ru.

6. Письмо ФНС России от 09.08.2019 № ЕД-4-15/15859@ // Официальные документы (приложение к «Учет. Налог. Право»), 2019, № 36.

7. Постановления ФАС Московского округа от 03.08.2009 N КА-А40/7052-09, от 23.07.2009 № КА-А40/5922-09 // Документ опубликован не был // Информационно-правовой портал ГАРАНТ / URL: garant.ru.

8. П.5 Письма ФНС России от 29.12.2012 № АС-4-2/22690 <О налоговых проверках> // Документы и комментарии, № 4, февраль, 2013.

9. Постановление ФАС Центрального округа от 18.04.2013 № А36-3466/2012 // Документ опубликован не был // Информационно-правовой портал ГАРАНТ / URL: www.garant.ru.

10. Постановления от 12.03.2007 № А35-1683/06-С8, от 12.03.2007 № А35-1680/06-С8 // Документ опубликован не был // Информационно-правовой портал ГАРАНТ / URL: www.garant.ru; Постановления ФАС Московского округа от 01.04.2009 № КА-А40/1328-09 // Постановления ФАС Московского округа от 01.04.2009 № КА-А40/1328-09.

11. Постановление ФАС Уральского округа от 01.11.2005 № Ф09-4928/05-С2 // Документ опубликован не был // Информационно-правовой портал ГАРАНТ; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 16.12.2008 № А69-1860/08-8-Ф02-6399/08 // Документ опубликован не был // Информационно-правовой портал ГАРАНТ / URL: www.garant.ru; Постановление ФАС Московского округа от 26.10.2006, 30.10.2006 № КА-А40/10483-06 // Документ опубликован не был // Информационно-правовой портал ГАРАНТ / URL: www.garant.ru.

с другой, недопущение выемки документов в ходе камеральной проверки¹².

Мы стоим на позиции невозможности проведения выемки при проведении камерального контроля, в том числе углубленного, и признания таких действий неправомерными.

Дело в том, что проведению выемки должно предшествовать противодействие налогоплательщика, выражаемое в отказе представления документов или в сокрытии документов в рамках выездного контроля, проводимого с разрешения руководителя или его заместителя, выносившего, согласно п. 1 ст. 94 НК РФ, в рамках проведения именно выездного контроля.

Кроме того, налогоплательщик вправе не допустить сотрудника налоговой инспекции на территорию (в помещение), где осуществляется предпринимательская деятельность, без разрешения на проведение выездной налоговой проверки. И это не должно расцениваться как воспрепятствование законной деятельности налоговых органов.

Органы налогового контроля правомочны, опираясь на ст. 92 НК РФ, осматривать любые объекты, используемые налогоплательщиком, для извлечения дохода либо связанные с содержанием объектов налогообложения, независимо от места их нахождения: производственные, складские, торговые и иные помещения и территории. С 1 января 2015 года, должностным лицам органов налогового контроля даны правомочия проводить осмотр помещений и территорий при проведении камерального контроля. Однако при камеральной проверке осмотр помещений и территорий возможен только если:

- в налоговой декларации заявлено право на возмещение НДС;
- в налоговой декларации обнаружены противоречия между сведениями об операциях, содержащимися в налоговой декларации по НДС, либо при выявлении несоответствия

сведений об операциях, содержащихся в налоговой декларации по НДС, представленной налогоплательщиком, сведениям об указанных операциях, содержащимся в налоговой декларации по НДС, представленной в налоговый орган другим налогоплательщиком;

- в налоговой декларации обнаружено, что сведения в единой (упрощенной) декларации, декларации по УСН, ЕСХН не соответствуют данным, приведенным в отчете об операциях с товарами, подлежащими прослеживаемости, или в поданных документах, содержащих реквизиты прослеживаемости;

- сведения об операциях в отчете налогоплательщика и отчете, поданным другой организацией (индивидуальным предпринимателем), не совпадают.

К мероприятиям налогового контроля кроме камеральной проверки относится так же выездная налоговая проверка. В рамках выездного контроля проверяющие могут использовать весь спектр мероприятий налогового контроля, предусмотренный Налоговым кодексом. Основной задачей выездной проверки является мониторинг обеспечения своевременности налоговых поступлений, правильности расчета и исчислений, выявление фактов несоблюдения законодательства о налогах и сборах.

Говоря о выездной проверке, следует заметить, что в отличие от камеральной проверки, которая строится на автоматизированной системе, она носит плановый, обоснованный характер, основанный на прогнозировании хозяйственной деятельности налогоплательщиков. Охватить выездным контролем всех налогоплательщиков у налоговых органов нет возможности, поэтому действует концепция отбора налогоплательщиков для выездных проверок.

Концепция предусматривает анализ:

- сумм исчисленных и уплаченных налогов;
- показателей налоговой и бухгалтерской отчетности налогоплательщиков;

¹² Постановления ФАС Северо-Западного округа от 24.07.2001 № А42-2648/01-27, ФАС Московского округа от 27.03.2006, 22.03.2006 № КА-А40/2256-06) // Документ опубликован не был // Информационно-правовой портал ГАРАНТ / URL: www.garant.ru.

- факторов и причин, воздействующие на налоговую базу;
- критерий получения налоговой выгоды;
- оценки налоговых рисков.

Если налогоплательщик соответствует вышеуказанным параметрам, его включают в план выездных проверок¹³.

Условия оценивания рисков:

- налоговая нагрузка у налогоплательщика ниже ее среднего уровня по хозяйствующим субъектам в конкретной отрасли (по виду экономической деятельности);
- отражение в бухгалтерской или налоговой отчетности убытков на протяжении нескольких налоговых периодов;
- отражение в налоговой отчетности значительных сумм налоговых вычетов за определенный период;
- опережающий темп роста расходов над темпом роста доходов от реализации товаров (работ, услуг);
- выплата среднемесячной заработной платы на одного работника ниже среднего уровня по виду экономической деятельности в субъекте РФ;
- неоднократное приближение к предельному значению установленных НК РФ величин показателей, предоставляющих право применять налогоплательщикам специальные налоговые режимы;
- отражение индивидуальным предпринимателем суммы расхода, максимально приближенной к сумме его дохода, полученного за календарный год;
- построение финансово-хозяйственной деятельности на основе заключения договоров с контрагентами-перекупщиками или посредниками («цепочки контрагентов») без наличия

разумных экономических или иных причин (деловой цели);

- непредставление налогоплательщиком пояснений на уведомление налогового органа о выявлении несоответствия показателей деятельности;
- несохранность, непредставление налоговому органу запрашиваемых документов;
- неоднократное снятие с учета и постановка на учет в налоговых органах налогоплательщика в связи с изменением места нахождения («миграция» между налоговыми органами);
- значительное отклонение уровня рентабельности по данным бухгалтерского учета от уровня рентабельности для данной сферы деятельности по данным статистики;
- ведение финансово-хозяйственной деятельности с высоким налоговым риском.

Следует отметить, что заявление третьего лица о возможных нарушениях законодательства о налогах и сборах, а также наличие неурегулированного спора в рамках дела о банкротстве не относятся к налоговым рискам и не являются безусловными основаниями для проведения выездной проверки.

Целесообразность проведения в отношении налогоплательщика конкретных мероприятий налогового контроля рассматривается без участия третьих лиц¹⁴.

Реализуя процедурно-процессуальную деятельность, налоговые органы правомочны проводить дополнительные мероприятия налогового контроля, например, если не удастся определить, нарушил ли налогоплательщик законодательство о налогах и сборах, возникает полномочность провести дополнительные мероприятия налогового контроля¹⁵.

¹³. Письмо ФНС России от 26.12.2019 № ЕД-4-15/26827 // Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс, Письмо ФНС России от 31.07.2007 № 06-1-04/505 // Документ опубликован не был // URL: www.consultant.ru.

¹⁴. Письмо ФНС России от 10.09.2021 № СД-4-2/12900@ // Официальные документы (приложение к «Учет. Налоги. Право»), 2021, № 36.

¹⁵. П. 4.1 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2005 № 9-П // СЗ РФ, 25.07.2005, № 30 (ч. II), ст. 3200; п. 2-3 Письма ФНС России от 19.10.2018 № ЕД-4-2/20515@ // Официальные документы (приложение к «Учет. Налоги. Право»), 2018, № 43; п. 16 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) // ►

П. 6 ст. 101 НК РФ оговаривает возможность следующих дополнительных мероприятий:

- истребование документов у налогоплательщика и у третьих лиц;
- допрос свидетелей;
- назначение экспертизы.

При проведении дополнительных мероприятий в рамках камерального контроля действия ограничены истребованием дополнительных документов.

В рамках проведения выездного контроля налоговый орган вправе выйти за пределы трех основных дополнительных мероприятий, и провести выемку документов, осмотреть территорию и помещения налогоплательщика, привлечь специалистов, хотя в перечень дополнительных мероприятий эти действия не входят. Как правило, суды поддерживают эту практику и принимают к рассмотрению полученные таким образом доказательства¹⁶.

Выявлять новые нарушения в ходе дополнительных мероприятий инспекция не вправе, однако, возможно скорректировать (в том числе увеличить) суммы начислений по выявленным ранее нарушениям¹⁷.

По общему правилу, срок один месяц, со дня вынесения решения о проведении дополнительных мероприятий. Проверка иностранных организаций длится не больше двух месяцев с даты вынесения решения. Устанавливать срок правомочен руководитель инспекции (его заместитель) в решении о проведении дополнительных мероприятий.

Когда дополнительные мероприятия будут длиться больше отведенного срока, отменить итоговое решение по проверке только по этой причине невозможно¹⁸, но если из-за этой просрочки инспекция пропустит срок направления требования об уплате налога либо сроки взыскания, налогоплательщик вправе оспорить в суде такое требование либо решение о взыскании¹⁹. При этом, если требование о предоставлении документов инспекция направила после окончания срока, указанного в решении о дополнительных мероприятиях, эти документы к рассмотрению приниматься не должны²⁰.

По итогам дополнительных мероприятий проверяющие составляют дополнение к акту проверки. Акт вместе с полученными материалами налоговый орган передает налогоплательщику для ознакомления. Налогоплательщик вправе подготовить и представить возражения.

В дополнительном акте проверки отражают:

- время начала и окончания дополнительных мероприятий;
- перечень мероприятий;
- полученные дополнительные доказательства;
- выводы со ссылками на нормы законодательства о налогах и сборах;
- предложения по устранению нарушений.

Срок составления дополнения к акту проверки – 15 рабочих дней с даты окончания дополнительных мероприятий, в соответствии с п. 6 ст. 6.1, п. 6.1 ст. 101 НК РФ.

Акт дополнительной проверки вручается

◀ БВС. 2017. № 10, БВС. 2017. № 11; п. 39 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 // Документ опубликован не был // URL: www.consultant.ru.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.02.2017 № Ф06-17683/2017 // Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.03.2018 № Ф01-351/2018, Ф01-773/2018 // Документ опубликован не был // URL: www.consultant.ru.

¹⁷ Письмо ФНС России от 19.10.2018 № ЕД-4-2/20515@ // Официальные документы (приложение к «Учет. Налоги. Право»), 2018, № 43.

¹⁸ П. 3 Письма Минфина России от 23.03.2018 № 03-02-07/1/18400 // Строительство: акты и комментарии для бухгалтера, 2018, № 5.

¹⁹ П. 31 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 // Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс; п. 3 Письма Минфина России от 23.03.2018 № 03-02-07/1/18400 // Строительство: акты и комментарии для бухгалтера, 2018, № 5.

²⁰ П. 27 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 // Документ опубликован не был // URL: www.consultant.ru.

налогоплательщику любыми доступными способами. Срок на это – пять рабочих дней с даты составления дополнения к акту проверки. Иностранной организации, у которой в РФ нет обособленных подразделений, дополнение к акту с приложениями направят заказным письмом. С учетом требований п. 6 ст. 6.1, п. 6.1 ст. 101 НК РФ, датой вручения в этом случае будет 20-й рабочий день с даты его отправки. Срок знакомства с материалами дополнительной проверки, подготовка и представление возражения, – 15 рабочих дней с даты их получения.

По завершении дополнительных мероприятий руководитель инспекции (его заместитель), с учетом п. 6 ст. 6.1, п. 1 ст. 101 НК РФ, рассматривает материалы проверки в течение 10 рабочих дней с даты, истечения срока подачи возражений на дополнения к акту проверки.

Исходя из п. 7 ст. 101 НК РФ, по результатам рассмотрения выносится решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения или об отказе в привлечении к ответственности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ильин А.Ю. Юридическое содержание видов, форм и методов налогового контроля // Финансовое право. 2014. № 1. С. 28-34.
2. Ильин А.Ю. Предупреждение налоговых правонарушений – основа обеспечения эффективного налогообложения // Налоги. 2018. № 24. С. 15-17.
3. Косаренко Н.Н., Назаров В.Н. Публичный и частный интерес в сфере налогов: критерии на основе анализа судебной практики // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата, 2016. № 1. С. 17-24.
4. Финансовое право: Учебник / под общей ред. Э.Д. Соколовой, отв. редактор А.Ю. Ильин. М.: изд. «Проспект», 2019. 499 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Il'in A.Ju. Juridicheskoe sodержanie vidov, form i metodov nalogovogo kontrolja // Finansovoe pravo. 2014. № 1. S. 28-34.
2. Il'in A.Ju. Preduprezhdenie nalogovyh pravonarushenij – osnova obespechenija jeffektivnogo nalogooblozhenija // Nalogi. 2018. № 24. S. 15-17.
3. Kosarenko N.N., Nazarov V.N. Publichnyj i chastnyj interes v sfere nalogov: kriterii na osnove analiza sudebnoj praktiki // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata, 2016. № 1. S. 17-24.
4. Finansovoe pravo: Uchebnik / pod obshhej red. Je.D. Sokolovoj, otv. redaktor A.Ju. Il'in. M.: izd. «Prospekt», 2019. 499 s.

Р.В. ШАГИЕВА, А.А. КАЙБИЯЙНЕН

Индивидуализация и персонализация как тренды развития высшего и дополнительного профессионального образования

АННОТАЦИЯ. В статье раскрываются понятия индивидуализации и персонализации как ведущих направлений развития отечественного высшего и послевузовского (дополнительного профессионального) образования последних десятилетий. Авторами рассмотрены модели реализации принципов индивидуализации обучения и построения индивидуальных образовательных траекторий в практике российских вузов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: индивидуализация, персонализация, персонификация, смешанное образование, дополнительное профессиональное образование, индивидуальные образовательные маршруты (траектории), индивидуальные учебные планы, индивидуальные образовательные программы.

ШАГИЕВА РОЗАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры частного права Государственного университета управления, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии, первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: shagsas@mail.ru);

КАЙБИЯЙНЕН АЛЛА АДОЛЬФОВНА – кандидат филологических наук, доцент, доцент Казанского национального исследовательского технологического университета и Казанского (Приволжского) федерального университета, начальник пресс-центра (e-mail: alhen2@yandex.ru).

Образование играет важнейшую роль в жизни каждого человека и общества в целом, являясь двигателем прогресса, позитивных изменений во всех сферах, основой развития науки, культуры, государства, которые в свою очередь влияют на направления развития образования. Мир стремительно меняется, и система образования стремится соответствовать этим изменениям, что ярко продемонстрировали события последних лет, усилившие процессы цифровизации обучения, применения удаленного, дистанционного обучения, а также смешанных его форматов.

С другой стороны, во всем мире сегодня возрастает роль индивида, который несет ответственность за выбор своего жизненного пути, профессиональной траектории, в целом за свои поступки, действия и решения, и здесь также важнейшую роль играет образование, которое формирует человека как личность и помогает ему найти свое место в социальной среде.

Указанные процессы определяют необходимость

изменений в образовании, касающихся и содержательной его стороны, и внедрения новых технологий. Динамичные перемены происходят сегодня на всех уровнях системы образования и касаются таких актуальных направлений, как развитие компетентностного подхода к обучению, активное внедрение цифровых технологий, электронного обучения, искусственного интеллекта, виртуального обучения (включая виртуальные лаборатории), перевернутое, смешанное обучение, включающее сегодня такие технологии, как гибридное (очное и дистанционное) обучение, платформы обучающего опыта (LXP – learning experience platforms), цифровое тьюторство, смешение синхронного и асинхронного обучения и др.

Исследователи процессов, происходящих в образовании во всем мире (и это отражается в материалах международных конференций по педагогике, в том числе по инженерному образованию), отмечают, что «по мере того как высшее образование все далее уходит в онлайн-режим, в Интернет, его

главной задачей становится предоставление технологий для совершенствования персонифицированного обучения для большого числа разнообразных онлайн-студентов»¹.

Среди ведущих направлений развития отечественного высшего и послевузовского образования последних десятилетий исследователи и практики называют индивидуализацию, персонализацию и персонификацию. Актуальность развития данных направлений отражается в государственных образовательных стандартах, образовательных программах и учебных планах образовательных организаций.

Соответственно, эти направления предполагают применение в образовательной деятельности университетов современных педагогических, организационных и управленческих практик.

Направление, связанное с индивидуализацией обучения в высшем и непрерывном образовании в целом, создает необходимость формирования индивидуальных образовательных траекторий с активным участием обучающегося высшей школы и слушателя системы дополнительного профессионального образования (ДПО).

Такой подход к обучению позволяет не только повысить свою основную квалификацию, но и получить актуальные компетенции в других областях – смежных, параллельных, а иногда и противоположных основному треку².

«В XXI веке мы входим в принципиально другую модель образования. Оно должно стать более индивидуальным не для того, чтобы найти таланты, а для того, чтобы в каждом раскрыть талант. Нам необходимо сделать высшее образо-

вание индивидуальным, то есть работать с каждым по-особому. Уже персонализирована медицина, мы требуем индивидуального подхода во всем. Почему же образование должно отличаться?» – подчеркивает в своих выступлениях министр науки и высшего образования Российской Федерации Валерий Фальков³.

Индивидуализация обучения, как одно из стратегических направлений развития отечественного образования, обозначена в нормативно-правовых документах Российской Федерации. В частности, Закон об образовании вводит такое понятие, как индивидуальный учебный план, который представляет собой «учебный план, обеспечивающий освоение образовательной программы на основе индивидуализации ее содержания с учетом особенностей и образовательных потребностей конкретного обучающегося»⁴.

Попробуем разобраться в сходстве и различии понятий «индивидуальность», «индивидуализация», «персонализация» и «персонификация».

Понятие индивидуальности разрабатывалось философами, психологами, педагогами и социологами с давних времен. Индивидуальность, как писал Л.Фейербах, это «неделимость, единство, целостность, бесконечность; с головы до ног, от первого до последнего атома, насквозь, повсюду я индивидуальное существо»⁵. Отечественный философ И.И. Резвицкий рассмотрел философские основы теории индивидуальности человека, ввел понятие индивидуальности как «самости» индивида, выводя понятие из рамок случайности и уникальности и включая его в систему общих связей и отношений мира в качестве автономного

1. Барабанова С.В., Кайбияйнен А.А., Крайсман Н.В. Цифровизация инженерного образования в глобальном контексте (обзор международных конференций) // Высшее образование в России. 2019. № 1 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-inzhenerного-obrazovaniya-v-globalnom-kontekste-obzor-mezhdunarodnyh-konferentsiy> (дата обращения: 22.12.2023).
2. Мониторинги информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России. Выпуск 2. Образовательные инновации в вузе: индивидуализация и смешанное обучение. М., РЭУ им. Г.В. Плеханова, апрель 2021. С. 4 / URL: https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchno-issledovatel'skij-institut-razvitiya-obrazovaniya/Pages/monitoringi_informacii_o_sostoyanii_vishego_obrazovaniya.aspx (дата обращения: 04.11.2023).
3. Индивидуальные образовательные траектории в российских вузах. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: [Электронный ресурс] // URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=21499. (Дата обращения: 28.11.2023).
4. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012. № 273-ФЗ // www.parvo.gov.ru.
5. Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2-х т. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т.1. 676 с.

субъекта деятельности, образующего индивидуальный уровень бытия со своими закономерностями, при этом индивидуализацию он трактовал как определенный философский принцип бытия и познания. Индивидуальность, писал он, это «взаимосвязь общего (черты, свойственные индивиду как представителю биологического вида и члену человеческого общества), особенного (признаки, характерные для людей, как представителей определенных социально-экономических формаций) и единичного (единичные особенности, обусловленные специфичной биологической организацией и социальной средой) в человеке»⁶.

Рассмотрим понятие *индивидуализации* в образовании (обучении), педагогической науке и практике. Исторический анализ наследия классиков педагогики показывает, что индивидуальный подход к организации процесса обучения на основе учета возрастных и иных особенностей учащихся нашел свое отражение уже в трудах Яна Амоса Коменского и Адольфа Дистервега. Затем он получил свое развитие в статьях Константина Ушинского, в концепции воздействия обучения на развитие личности Льва Выготского, в работах Володара Краевского, Исаака Лернера, Эдуарда Костяшкина, Анатолия Кирсанова. Петр Щедровицкий ввел понятие индивидуальной образовательной программы⁷.

Современная педагогическая теория индивидуализации формировалась в общей теории обучения, в трудах И.Я. Лернера, В.В. Давыдова, М.И. Исмагилова, Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина,

А.Н. Леонтьева, А.А. Кирсанова и многих других ученых. Педагогический энциклопедический словарь предлагает такую трактовку понятия индивидуализации в образовании, как «организация учебного процесса с учетом особенностей учащихся. Осуществляется в условиях коллективной работы и позволяет создать оптимальные условия для реализации возможностей каждого»⁸.

Внутренний обзор научных исследований рассматриваемых нами понятий был проведен в работе З.А. Каргиной «Индивидуализация, персонализация, персонификация – ведущие тренды развития образования в XXI веке: обзор современных научных исследований»⁹. В отечественных педагогических исследованиях индивидуализация в образовании (обучении) рассматривается как система, педагогическая категория, ряд дидактических принципов, «воспитательных и дидактических средств, соответствующих целям деятельности и реальным познавательным возможностям... учащихся; позволяющих обеспечить учебную деятельность ученика на уровне его потенциальных возможностей» (А.А. Кирсанов¹⁰. Здесь и далее цит. по Каргиной З.А.).

С другой стороны, индивидуализация предполагает ряд дидактических принципов, например, «учета в процессе обучения индивидуальных особенностей учащихся (характер, темперамент, интересы, мотивация, и пр.)» (А.В. Кутузов, И.Э. Унт); «ориентации образовательного процесса на совершенствование личностных и профессиональных качеств воспитуемого»^{11,12}.

6. Сутеева И.В. Модель индивидуального образовательного маршрута в рамках исследовательской деятельности обучающегося // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-individualnogo-obrazovatel'nogo-marshruta-v-ramkah-issledovatel'skoj-deyatelnosti-obuchayuschegosya>. (Дата обращения: 28.11.2023).

7. Дашковская О. «Персонализация VS Индивидуализация»: найти 10 отличий // Вести образования. 2020. 21 мая.

8. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад; редкол.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. 528 с. С. 104.

9. Каргина З.А. Индивидуализация, персонализация, персонификация – ведущие тренды развития образования в XXI веке: обзор современных научных исследований. Часть II. Парадигмы современного образования (различные направления). С. 10 // URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/124/Action124-11032.pdf>. (Дата обращения: 28.11.2023).

10. Кирсанов А.А. Педагогические основы индивидуализации учебной деятельности учащихся: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Л., 1983. С. 23.

11. Кутузов А.В. Сущность индивидуализации образования в современной школе // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2012.

12. Unt I.Je. Individualizacija i diferencijacija obuchenija. M.: Pedagogika, 1990. 192 s.

Индивидуализация — это процесс «построения индивидуальной образовательной программы» (Т.М. Ковалева); «осмысления жизненной траектории и построение собственного образа через управление своей жизнью»¹³; «образовательного взаимодействия, ориентированного на интересы, активность, инициативность обучающегося и открыто-рефлексивную позицию педагога» (материалы семинара)¹⁴.

Индивидуализация — это и средство «развития самостоятельности учащихся» (А.А. Кирсанов), «построения учащимся индивидуального образовательного пути в процессе осуществления личностно-значимой деятельности с опорой на индивидуальный выбор учащегося и его интерес, который может быть обусловлен наличием определенных способностей у учащегося, либо способности начинают развиваться после его определенного выбора» (Л.В. Байбородова)¹⁵, «реализуемое через формирование образовательной среды, различные учебно-методические, психолого-педагогические и организационно-управленческие мероприятия, обеспечивающие индивидуальный подход» (А.С. Прутченков)¹⁶.

Наконец, индивидуализация — это и результат «внутреннего педагогического действия», «совокупность всех самопроцессов» (самоопределения, самореализации, самоактуализации, саморазвития) (А.А. Остапенко)¹⁷.

В качестве методологических принципов индивидуализации в обучении ученые выделяют лич-

ностно-деятельностный подход (освоение знаний, умений и навыков в деятельности в ее разнообразных формах); гуманизацию образования (создание гибкой обучающей среды, стимулирование развития индивидуальности, становление субъектного опыта и др.); педагогическую поддержку.

Отметим сходство и различие понятий «индивидуализация» и «персонализация». На первый взгляд, эти два понятия весьма схожи и являются практически синонимами. Однако исследователи и практики сегодня дают четкое разграничение этих понятий, учитывая, что принципы индивидуализации образования имеют глубокие исторические корни в педагогической науке, а понятие персонализации пришло в педагогику в последние годы из науки и практики менеджмента. Главное отличие понятий индивидуализации и персонализации обучения состоит в том, что индивидуализация подразумевает одинаковые цели для всех обучающихся с использованием разных дидактических подходов, при этом образовательная программа определяется учителем (преподавателем), тогда как персонализация ставит разные цели перед разными обучающимися — и данная позиция излагается в статьях зарубежных и отечественных исследователей, а также в методических пособиях, в частности, «Сбербанка».

Так, электронный ресурс «Смешанное образование в России» предлагает следующую трактовку данных различий¹⁸.

13. Индивидуализация образования. Работа с понятиями // Семинар «Модель реализации индивидуальных образовательных маршрутов обучающихся» // Чебоксары, 13 декабря 2011 / URL: <http://www.myshared.ru/slide/608893>. (Дата обращения: 28.11.2023).

14. Индивидуализация образования. Работа с понятиями // Семинар «Модель реализации индивидуальных образовательных маршрутов обучающихся» // Чебоксары, 13 декабря 2011 / URL: <http://www.myshared.ru/slide/608893>. (Дата обращения: 28.11.2023).

15. Индивидуализация образовательного процесса в школе: монография. Ярославль: Изд-во ЯГПУ имени К. Д. Ушинского, 2011. 281 с.

16. Прутченков А.С. Индивидуализация в образовании: новые тренды в XXI веке: [Электронный ресурс] // URL: <http://es.slideshare.net>. (Дата обращения: 04.12.2022).

17. Остапенко А.А. Моделирование многомерной педагогической реальности: теория и технологии. — М.: Народное образование: НИИ школьных технологий, 2005. 384 с.

18. Модели смешанного обучения. // Смешанное обучение в России / URL: https://blendedlearning.pro/blended_learning_models/. (Дата обращения 04.11.2023).

Индивидуализация	Персонализация
Одинаковые цели для всех учащихся	Разные цели для каждого учащегося
Применение разных дидактических подходов для достижения ключевых компетенций учащихся	Применение разных дидактических подходов для развития персонального потенциала учащихся
Учебная программа определяется учителем	Учащийся активно участвует в создании своей собственной учебной программы
Фокус на когнитивном аспекте личности учащихся	Фокус на всех аспектах личности учащихся, а не только когнитивном (эмоциональном, социальном, жизненном опыте и т.д.)
Фокус на знаниях и компетенциях, формальном и informal	Фокус на знаниях, компетенциях, жизненных и трудовых навыках, также informal
Самонаправляемое обучение – как дополнительный навык	Самонаправляемое обучение – как фундаментальный навык
Учитель играет ключевую роль	Наставник играет ключевую роль

Однако, по мнению российского психолога и педагога Александра Асмолова, «персонализация включает в себя индивидуализацию, развитие личности как субъекта деятельности, поэтому искать различия между ними – это нонсенс. Я готов защищать дискурс персонализации как ценности развития личности, предлагая формулу «Индивидом рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстаивают». И тут ни Сбербанк, ни Запад ни при чем. Я сделаю все, чтобы персонализация как ценностная форма развития личности стала мемом нашего образования». С другой стороны, по мнению философа и культуролога Вадим Розина, «персонализация и индивидуализация – это разные понятия: в первом случае акцент делается на развитие личности, а во втором – на создание среды и условий для ее развития»¹⁹.

Таким образом, понятия индивидуализации, персонализации и персонификации связаны единым методологическим принципом и отражают отдельные аспекты процесса обучения. При формировании и реализации образовательных программ возможно различное сочетание методик индивидуализации и персонализации, форми-

рования индивидуальных и персонализированных образовательных треков для достижения измеримых результатов обучения и профессиональной подготовки будущих специалистов.

Как справедливо отмечают авторы сравнительного исследования понятий индивидуализации, персонификации (с добавлением пришедшего из маркетинга понятия «кастомизация»), «перспективы их дальнейших исследований представляются достаточно обширными и полезными для образовательной практики. Это теоретико-методологическое и технологическое обоснование разработки и внедрения персонализированных, персонифицированных, кастомизированных образовательных треков и их сочетаний, включая итоговый – индивидуальный трек; насыщение электронной информационно-образовательной среды организаций соответствующими цифровыми инструментами; разработка программ повышения квалификации... по реализации персонализированного, персонифицированного и кастомизированного образования»²⁰.

Рассмотрим различные модели и варианты реализации принципов индивидуализации в практи-

¹⁹ Индивидуальные образовательные траектории в российских вузах. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: [Электронный ресурс] // URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=21499. (Дата обращения: 28.11.2023)

²⁰ Лопанова Е.В., Савина Н.В. Соотношение понятий персонализация, персонификация и кастомизация образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-4.

ке организации учебного процесса в российских вузах.

Среди основных задач высшего образования — «способствовать осознанию студентом себя как профессионала с учетом персональных особенностей, личностных ресурсов, мотивов, интересов и склонностей, проектирование профессиональной карьеры как на этапе обучения в вузе, так и в профессиональной деятельности; формировать понимание необходимости развития профессиональных и личностных компетенций на протяжении всей профессиональной карьеры»²¹. В связи с этим индивидуализация образования в высшей школе — это одно из важных условий развития профессиональных качеств студентов, будущей профессиональной карьеры выпускников. Индивидуализация и персонализация образовательного процесса рассматриваются в качестве необходимых условий успешного профессионального самоопределения студентов. Кроме того, индивидуализация и персонализация способствуют развитию критического и аналитического мышления, рефлексии, самостоятельности обучающихся.

Индивидуализация обучения в практической деятельности вузов реализуется через такие модели, как формирование индивидуального учебного плана, индивидуальной образовательной программы, построение индивидуальных образовательных маршрутов и индивидуальных образовательных траекторий (ИОТ) или индивидуальных образовательных маршрутов (ИОМ). Все это выступает как средство индивидуализации и дифференциации обучения и форма взаимодействия всех субъектов образовательного процесса с целью их личностного развития.

Например, модель инженерного образования в университетах может включать в себя такие характеристики, как мультидисциплинарность, мультизадачность и мультитехнологичность при одновременном внедрении системы индивидуальных образовательных траекторий обучающихся, и это позволяет гибко и с опережением реагировать на смену технологических парадигм (пример — Тюменский индустриальный университет)²².

Исследователи выделяют несколько подходов к формированию ИОМ: *лично-ориентированный* (создание условий для личностного роста обучающихся); *индивидуальный подход*, основанный на уникальности каждой личности; *рефлексивно-деятельностный* подход (основан на принципе единства сознания и деятельности, на самопознании субъекта); *рефлексивно-средовой* (с ориентацией на формирование рефлексивных умений обучающихся); *системный* подход — построение ИОМ как педагогической системы (цели, задачи, содержание, формы организации и ожидаемые результаты)²³.

Под образовательной траекторией в вузе понимается «персонализированная гибкая, управляемая система формирования у обучающегося требуемой в соответствии с образовательным стандартом компетентности, максимально учитывающую его личностно-психологические качества, пожелания и потенциальные возможности; созданную с его участием и добровольно им принятую для реализации, включающую адекватные современному образовательному процессу регламенты, методы и средства обучения»²⁴.

Индивидуализация в вузе направлена на активный поиск оптимальных средств и способов формирования профессиональных и личностных ком-

21. Ковалевич М.С. Индивидуализация образовательного процесса как условие проектирования профессиональной карьеры будущих специалистов // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 2 (113).

22. Кондратьев В.В., Галиханов М.Ф., Осипов П.Н., Шагеева Ф.Т., Кайбияйнен А.А. Инженерное образование: трансформации для индустрии 4. 0 (обзор конференции) // Высшее образование в России. 2019. № 12 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inzhenernoe-obrazovanie-transformatsii-dlya-industrii-4-0-obzor-konferentsii> (дата обращения: 22.11.2023).

23. Сутеева И.В. Модель индивидуального образовательного маршрута в рамках исследовательской деятельности обучающегося // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4.

24. Разработка модели создания индивидуальных образовательных траекторий в инженерном образовании / Н.И. Наумкин, В.А. Агеев, А.Э. Садиева [и др.] // Интеграция образования. 2021. Т. 25, № 3. С. 513-531.

петенций, самореализации в учебной и научно-исследовательской деятельности (учебные и производственные практики, научные конференции, стажировки и т.д.)

В случае учета в образовательном процессе и возможностей, и потребностей конкретного обучающегося — присутствуют и персонализация, и персонификация. Такой вариант выражен, например, в обосновании следующей образовательной траектории,

Обобщение ряда исследований, а также преподавательской и педагогической практики позволяет рассматривать следующий алгоритм индивидуализации процесса обучения: формирование индивидуальных учебных планов (обучающийся выбирает) и индивидуальных образовательных программ (планирует) позволяет сформировать индивидуальный образовательный маршрут (реализует) обучающегося; что в итоге позволяет говорить о формировании его индивидуальной образовательной траектории.

При составлении ИОМ и ИОТ педагог, преподаватель помогают обучающимся составлять планы индивидуальной работы с возможностью выбора им форм и темпа обучения, способов получения информации, форм контроля усвоения материала, включая самооценку выполнения планов и т.д.

Помимо реализации индивидуальных образовательных траекторий (маршрутов), индивидуализация связана с формированием студентом собственной профессиональной траектории уже в процессе обучения в вузе. При этом помогает ему с выбором профессиональной траектории образовательная организация, в котором обучается студент, через привлечение к преподаванию специалистов-практиков, предоставление возможностей реализации индивидуальных или групповых проектов, создания собственных стартапов, содействие в трудоустройстве и стажировке.

Индивидуальная образовательная траекто-

рия предполагает сознательный выбор и освоение учебных курсов и событий офлайн и онлайн форматов. Все образовательные так называемые активности, которые выбирает студент для своей ИОТ, объединяет одно — важность для самого обучающегося развития тех компетенций, которые понадобятся в профессиональной деятельности. Обучение становится не только студенто-ориентированным, но также междисциплинарным и открытым²⁵.

Таким образом, индивидуальная образовательная траектория — это «персональный путь обучающегося в образовательном пространстве, который позволяет реализовывать личностный потенциал и формировать уникальный компетентностный профиль»²⁶.

Отметим особенности реализации индивидуализации в системе дополнительного профессионального образования.

Процессы индивидуализации и персонализации заложены в самой сути непрерывного и дополнительного профессионального образования, которое предоставляет возможность взрослому человеку, сформировавшемуся специалисту реализовать свои индивидуальные образовательные потребности, с одной стороны, и максимально приблизить образовательные программы к профессиональным и конкретным практическим потребностям предприятий-заказчиков, обучающихся своих специалистов.

Непрерывное образование предполагает активный процесс обучения человека на протяжении всей жизни в связи с меняющимися условиями общественной и профессиональной среды, потребностями в саморазвитии, познании нового, открытии новых областей, в изменении самой точки зрения на происходящее вокруг. Поэтому сама система дополнительного профессионального образования по своей сути является очень гибкой, она постоянно претерпевает изменения.

²⁵ Индивидуальная образовательная траектория // URL: <https://www.novsu.ru/unti/i.1461875/?id=1461888>. (Дата обращения: 28.11.2023).

²⁶ Образовательный навигатор. Индивидуализация и гибкость: каким должно быть образование будущего. Любовь Карась // URL: <https://science.theoryandpractice.ru/posts/18652-individualizatsiya-i-gibkost-kakim-dolzno-byt-obrazovaniebudushchego>. (Дата обращения: 23.11.2023).

Глобальные тенденции развития общества и образовательной системы постиндустриальной эпохи актуализируют роль ДПО в процессе непрерывного образования человека, и активно формирующаяся сегодня в вузах цифровая образовательная среда с современными цифровыми инструментами и технологиями позволяет успешно решать задачи ДПО, в том числе связанные с индивидуализацией и персонализацией процесса обучения и формирования необходимых профессиональных компетенций.

Цель непрерывного профессионального образования связана с достижением его профессионально-личностной зрелости, наивысшего развития духовных, интеллектуальных, физических способностей, в этом и заключается акмеологическая функция системы ДПО.

Миссия дополнительного профессионального образования состоит в удовлетворении меняющихся потребностей граждан (работников предприятий и организаций) в новых знаниях, умениях, навыках, актуальных компетенциях за счет реализации коротких образовательных программ. В этом процессе постоянных изменений проявляется субъектность данной системы, это базовый концептуальный принцип ее успешного функционирования.

Процесс развития личности специалиста в системе ДПО направлен на самоформирование профессиональной зрелости. Специфика этого процесса заключается в том, что субъект осознает ценности профессии, особенности предмета и объекта профессиональной деятельности, а также ее цели и задачи.

Дополнительное профессиональное образование можно рассматривать, с одной стороны, как новую ступень профессионально-личностного развития, а с другой – как особый процесс и результат саморазвития профессиональной субъектности и креативности, обогащения профессиональной культуры личности новыми качествами, возвышающими ее до уровня высокого профессионализма, как мощный способ творческой самореализации личности.

Основные усилия дополнительного профессионального образования направлены на разви-

тие человеческого потенциала специалистов, их духовно-нравственных качеств, субъектности, креативности, индивидуальности. Поэтому внутренним содержанием, своего рода «механизмом» образовательной деятельности обучающегося в названной системе является целенаправленное исследование собственных личностных ресурсов и способов их оптимального использования, применения в конкретных ситуациях профессиональной деятельности.

Успешность обучения в системе ДПО во многом обеспечивает диагностика уровня профессиональной компетентности, личностных потребностей обучающихся, осуществляемая на каждом этапе обучения.

В связи с вышесказанным предлагаемый образовательной организацией набор дополнительных профессиональных программ должен быть тесно увязан с актуальными запросами специалистов-профессионалов, с их индивидуальными запросами и потребностями предприятий и компаний-работодателей.

Дополнительные возможности при реализации дополнительных образовательных программ обеспечивают сегодня мультиформатные, мультимодальные цифровые технологии, обеспечивающие формирование не только базовых профессиональных, но и современных высокотехнологичных компетенций. Цифровая трансформация в сфере ДПО предоставляет большие возможности как для обучающегося, так и для образовательной организации, и связаны они в первую очередь с возможностями индивидуализировать обучение, делать его действительно инклюзивным, создавать персонализированные, персонифицированные образовательные программы под задачи заказчика и реализовывать их в максимально удобном формате как для преподавателя, так и для обучающегося.

Таким образом, осмысление предпосылок и теоретических оснований таких направлений и трендов развития образования, как индивидуализация и персонализация, позволяет сделать вывод о необходимости эффективных организационных изменений в образовательных организациях. Они касаются предоставления обучающимся по

программам высшего и дополнительного профессионального образования большого спектра образовательных возможностей, организации для них возможности выбора из разных предложений своего индивидуального направления (траектории) образования и способов его получения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Байбородова Л.В. Индивидуализация образовательного процесса в школе: монография. Ярославль: Изд-во ЯГПУ имени К. Д. Ушинского, 2011. 281 с.
2. Барabanова С.В., Кайбияйнен А.А., Крайсман Н.В. Цифровизация инженерного образования в глобальном контексте (обзор международных конференций) // Высшее образование в России. 2019. №1. С.94-103.
3. Дашковская О. «Персонализация VS Индивидуализация»: найти 10 отличий // Вести образования. 2020. 21 мая.
4. Индивидуализация образования. Работа с понятиями // Семинар «Модель реализации индивидуальных образовательных маршрутов обучающихся» // Чебоксары, 13 декабря 2011 / URL: <http://www.myshared.ru/slide/608893>. (Дата обращения: 28.11.2023).
5. Индивидуальная образовательная траектория // URL: <https://www.novsu.ru/unti/i.1461875/?id=1461888>. (Дата обращения: 28.11.2023).
6. Индивидуальные образовательные траектории в российских вузах. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: [Электронный ресурс] // URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=21499. (Дата обращения: 28.11.2023).
7. Каргина З.А. Индивидуализация, персонализация, персонификация – ведущие тренды развития образования в XXI веке: обзор современных научных исследований. Часть II. Парадигмы современного образования (различные направления). С. 10 // URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/124/Action124-11032.pdf>. (Дата обращения: 28.11.2023).
8. Кирсанов А.А. Педагогические основы индивидуализации учебной деятельности учащихся: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Л., 1983. 23 с.
9. Ковалевич М.С. Индивидуализация образовательного процесса как условие проектирования профессиональной карьеры будущих специалистов // Ярославский педагогический вестник. 2020. №2 (113).
10. Кондратьев В.В., Галиханов М.Ф., Осипов П.Н., Шагеева Ф.Т., Кайбияйнен А.А. Инженерное образование: трансформации для индустрии 4. 0 (обзор конференции) // Высшее образование в России. 2019. №12. С.105-119.
11. Кутузов А.В. Сущность индивидуализации образования в современной школе // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2012. №5.
12. Лопанова Е.В., Савина Н.В. Соотношение понятий персонализация, персонификация и кастомизация образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №72-4.
13. Модели смешанного обучения // Смешанное обучение в России / URL: https://blendedlearning.pro/blended_learning_models/. (Дата обращения 04.11.2023).
14. Мониторинги информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России. Выпуск 2. Образовательные инновации в вузе: индивидуализация и смешанное обучение. М., РЭУ им. Г.В. Плеханова, апрель 2021. С. 4 // URL: https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchno-issledovatel'skij-institut-razvitija-obrazovaniya/Pages/monitoringi_informacii_o_sostoyanii_vishego_obrazovaniya.aspx. (Дата обращения: 04.11.2023).
15. Остапенко А.А. Моделирование многомерной педагогической реальности: теория и технологии. М.: Народное образование: НИИ школьных технологий, 2005. 384 с.
16. Образовательный навигатор. Индивидуализация и гибкость: каким должно быть образование будущего. Любовь Карась // URL: <https://science.theoryandpractice.ru/posts/18652-individualizatsiya-i-gibkost-kakim-dolzno-byt-obrazovanie-budushchego>. (Дата обращения: 23.11.2023).
17. Прутченков А.С. Индивидуализация в образовании: новые тренды в XXI веке: [Электронный ресурс] // URL: <http://es.slideshare.net>. (Дата обращения: 04.12.2022).
18. Разработка модели создания индивидуальных образовательных траекторий в инженерном образовании / Н.И. Наумкин, В.А. Агеев, А.Э. Садиева [и др.]. // Интеграция образования. 2021. Т. 25, № 3. С. 513-531.
19. Резвицкий И. И. Личность, индивидуальность, общество: проблемы индивидуализации и ее социально-философский смысл. М.: Изд-во политической литературы, 1984. 144 с.
20. Сутеева И.В. Модель индивидуального образовательного маршрута в рамках исследовательской деятельности обучающегося // Ярославский педагогический вестник. 2012. №4.
21. Унт И.Э. Индивидуализация и дифференциация обучения. М.: Педагогика, 1990. 192 с.
22. Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т.1. 676 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Bajborodova L.V. Individualizaciya obrazovatel'nogo processa v shkole: monografiya. YAroslavl': Izd-vo YAGPU imeni K. D. Ushinskogo, 2011. 281 s.
2. Barabanova S.V., Kajbijajnen A.A., Krajsman N.V. Cifrovizaciya inzhenerenogo obrazovaniya v global'nom kontekste (obzor mezhdunarodnyh konferencij) // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. №1. S.94-103.
3. Dashkovskaya O. «Personalizaciya VS Individualizaciya»: najti 10 otlichij // Vesti obrazovaniya. 2020. 21 maya.
4. Individualizaciya obrazovaniya. Rabota s ponyatiyami // Seminar «Model' realizacii individual'nyh obrazovatel'nyh marshrutov obuchayushchihsya» // CHEboksary, 13 dekabrya 2011 / URL: <http://www.myshared.ru/slide/608893>. (Data obrashcheniya: 28.11.2023).
5. Individual'naya obrazovatel'naya traektoriya // URL: <https://www.novsu.ru/unti/i.1461875/?id=1461888>. (Data obrashcheniya: 28.11.2023).
6. Individual'nye obrazovatel'nye traektorii v rossijskih vuzah. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii: [Elektronnyj resurs] // URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=21499. (Data obrashcheniya: 28.11.2023).
7. Kargina Z.A. Individualizaciya, personalizaciya, personifikaciya – vedushchie trendy razvitiya obrazovaniya v XXI veke: obzor sovremennyh nauchnyh issledovanij. CHast' II. Paradigmy sovremennogo obrazovaniya (razlichnye napravleniya). S. 10 // URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/124/Action124-11032.pdf>. (Data obrashcheniya: 28.11.2023).
8. Kirsanov A.A. Pedagogicheskie osnovy individualizacii uchebnoj deyatel'nosti uchashchihsya: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. L., 1983. 23 s.
9. Kovalevich M.S. Individualizaciya obrazovatel'nogo processa kak uslovie proektirovaniya professional'noj kar'ery budushchih specialistov // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. №2 (113).
10. Kondrat'ev V.V., Galihanov M.F., Osipov P.N., Shageeva F.T., Kajbijajnen A.A. Inzhenernoe obrazovanie: transformacii dlja industrii 4. 0 (obzor konferencij) // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. №12. S.105-119.
11. Kutuzov A.V. Sushchnost' individualizacii obrazovaniya v sovremennoj shkole // Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Pedagogicheskie nauki. 2012. №5.
12. Lopanova E.V., Savina N.V. Sootnoshenie ponyatij personalizaciya, personifikaciya i kastomizaciya obrazovaniya // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2021. №72-4.
13. Modeli smeshannogo obucheniya // Smeshannoe obuchenie v Rossii / URL: https://blendedlearning.pro/blended_learning_models/. (Data obrashcheniya 04.11.2023).
14. Monitoring informacii o tendenciyah razvitiya vysshego obrazovaniya v mire i v Rossii. Vypusk 2. Obrazovatel'nye innovacii v vuzе: individualizaciya i smeshannoe obuchenie. M., REU im. G.V. Plekhanova, aprel' 2021. S. 4 // URL: https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchno-issledovatel'skij-institut-razvitiya-obrazovaniya/Pages/monitoring_informacii_o_sostoyanii_vishego_obrazovaniya.aspx. (Data obrashcheniya: 04.11.2023).
15. Ostapenko A.A. Modelirovanie mnogomernoj pedagogicheskoy real'nosti: teoriya i tekhnologii. M.: Narodnoe obrazovanie: NII shkol'nyh tekhnologij, 2005. 384 s
16. Obrazovatel'nyj navigator. Individualizaciya i gibkost': kakim dolzhno byt' obrazovanie budushchego. Lyubov' Karas' // URL: <https://science.theoryandpractice.ru/posts/18652-individualizatsiya-i-gibkost-kakim-dolzhno-byt-obrazovaniebudushchego>. (Data obrashcheniya: 23.11.2023).
17. Prutchenkov A.S. Individualizaciya v obrazovanii: novye trendy v XXI veke: [Elektronnyj resurs] // URL: <http://es.slideshare.net>. (Data obrashcheniya: 04.12.2022).
18. Razrabotka modeli sozdaniya individual'nyh obrazovatel'nyh traektorij v inzhenernom obrazovanii / N.I. Naumkin, V.A. Ageev, A.E. Sadieva [i dr.]. // Integraciya obrazovaniya. 2021. T. 25, № 3. S. 513-531.
19. Rezvickij I. I. Lichnost', individual'nost', obshchestvo: problemy individualizacii i eyo social'no-filosofskij smysl. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1984. 144 s.
20. Suteeva I.V. Model' individual'nogo obrazovatel'nogo marshruta v ramkah issledovatel'skoj deyatel'nosti obuchayushchegosya // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2012. №4.
21. Unt I.E. Individualizaciya i differenciaciya obucheniya. M.: Pedagogika, 1990. 192 s.
22. Fejrbah L. Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 2 t. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. T.1. 676 s.

М.В. АСТАФЬЕВ

Реестр воздушных судов и Реестр прав на воздушные суда в Российской Федерации: причины возникновения данной юридической коллизии и пути ее устранения

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрена система государственной регистрации гражданских воздушных судов (далее, «воздушных судов») и прав на них, существующая в Российской Федерации. Автором произведен юридический анализ причин формирования в Российской Федерации, в которой в отличие от других «мировых авиационных держав», где права субъектов гражданско-правовых сделок на воздушное судно возникают непосредственно в силу заключения и исполнения ими таковой, не требуя каких-либо дополнительных регистрационных процедур, существует такая системы учета и защиты прав собственников воздушных судов, имеющих российскую регистрацию, при которой такие вещные права, а также – гражданско-правовые сделки, совершаемые владельцами таких прав в отношении воздушных судов, обретают юридическую силу исключительно после их признания и подтверждения их существования государством.

Причиной же выбора объектом для детального анализа в рамках настоящей статьи избранного юридического феномена является не столько его абсолютная уникальность для мировой гражданской авиации, сколько желание автора рассмотреть данный феномен как пример «идеальной» юридической коллизии международного и национального правовых режимов защиты интересов и прав собственников воздушных судов и предложить пути разрешения этой коллизии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: воздушные суда, государственная регистрация права собственности, конвенция, реестр, ратификация, авиационное оборудование, движимые вещи, недвижимые вещи, коллизия.

АСТАФЬЕВ МАКСИМ ВИТАЛЬЕВИЧ – заместитель генерального директора по правовому обеспечению ЗАО «Группа компаний С 7», аспирант 2-го курса очной формы обучения кафедры гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений (АТиСО) (e-mail: m.astafiev.72@gmail.com).

Первые кирпичики в основу фундамента юридической коллизии реестра воздушных судов и реестра прав на воздушные суда в Российской Федерации были положены в 1994 году с принятием Государственной Думой РФ нового Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), согласно которому (статьи 130 и 131 ГК РФ) воздушные суда были отнесены к категории «недвижимых вещей», государственная регистрация прав собственности и иных вещных прав на которые, ограничение этих прав, их возникновение, переход и прекращение, а также установление порядка государственной регистрации оснований для отказа в государственной реги-

страции прав на которые и сделок с ними должны осуществляться в соответствии с федеральным законом. На протяжении ряда лет положения статей 130 и 131 ГК РФ и корреспондируемой к ним части 9 статьи 33 Воздушного кодекса Российской Федерации «... государственная регистрация прав собственности и иных вещных прав на воздушное судно, ограничение этих прав, их возникновение, переход и прекращение, а также установление порядка государственной регистрации и оснований для отказа в государственной регистрации прав на воздушное судно и сделок с ним осуществляются в соответствии со статьей 131 Гражданского кодекса Российской Федерации»¹

¹ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 12. Ст. 1383 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения – 28.11.2023г.).

в отношении особого порядка государственной регистрации прав на воздушные суда оставались «спящей нормой права» и не создавали юридического противоречия системе государственной регистрации воздушных судов, сформированной в Российской Федерации в соответствии с требованиями Конвенции о международной гражданской авиации, заключенной в г. Чикаго, США, 07 декабря 1944 г. (далее – «Чикагская конвенция») и положениями Воздушного кодекса РФ.

Ряд авторов совершенно обоснованно указывал на то, что сам прием, использованный законодателем для конструирования понятия недвижимости в статье 130 ГК РФ, некорректен, поскольку при определении признаков недвижимости не выдержаны критерии единства отбора: понятие недвижимости определено не путем установления признаков данного явления, а путем установления их перечня, приведения примеров недвижимых вещей². Тем не менее, в 2009 году принят Федеральный закон №31-ФЗ от 13.03.2009 г. «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними». Сторонники принятия данного закона утверждали, что это позволит укрепить права собственников на воздушные суда, усилить стабильность гражданского оборота, упорядочить отношения по сбору налогов и создать механизмы государственного управления рынком воздушных судов, а в качестве достоинства принятого федерального закона указывали на то, что по своей структуре и содержанию он повторяет исходный федеральный закон о регистрации прав на классические недвижимые вещи³. При этом полностью игнорируется тот факт, что юридические принципы гражданского оборота классических недвижимых вещей и воздушных судов принципиально различны. Вместо этого, формулируется крайне спорный, по мнению автора настоящей

статьи, довод: «... все транспортные и космические объекты обладают их особой ценностью в строго определенных условиях, а ущерб, несоизмеримый их назначению, может возникнуть не при передвижении их, а при отрыве от привычной среды использования ...»⁴.

Окончательно исследуемая в настоящей статье юридическая коллизия в сфере правового регулирования гражданской авиации в Российской Федерации, известная как «проблема двух реестров», оформилась в 2012 году в результате последовательной ратификации Российской Федерацией Кейптаунской конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования, подписанной в Кейптауне 16 ноября 2001 г., в редакции Протокола по авиационному оборудованию к указанной конвенции от того же числа, поскольку данная конвенция, являясь частью правовой системы Российской Федерации и имея приоритет по отношению к Гражданскому кодексу РФ как международный договор, признала гражданские воздушные суда «движимыми вещами»⁵, чем поставила перед законодателем резонный вопрос о конкуренции положений действующих нормативных правовых актов, регламентирующих порядок регистрации воздушных судов и прав, возникающих в отношении таковых в результате совершения гражданско-правовых сделок и, соответственно, необходимости устранения возникших противоречий.

Для того, чтобы предложить юридически обоснованный вариант выхода из «проблемы двух реестров», важно, во-первых, оценить, какие гарантии защиты прав и интересов собственников воздушных судов не в состоянии представить действующая система государственной регистрации воздушных судов во всем мире; во-вторых, определить различия в системе государственной регистрации прав

2. См. Аликумова Г.Ю. Некоторые проблемы квалификации объектов гражданских прав // Общество и право. 2009. № 5.

3. См. Синенко А.Ю. Воздушные суда: регистрация и сделки с ними // Транспорт Российской Федерации. 2006. № 7. С. 12.

4. Цит. по: Кулаков В.В. К вопросу о признаках недвижимости как критериев ее государственной регистрации // Современный юрист. 2020. № 5.

5. В оригинале – mobile equipment или подвижное оборудование. См. Федеральный закон от 23.12.2010 г. № 361-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования и протоколу по авиационному оборудованию к конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования» // URL: www.consultant.ru (дата обращения – 12.11.2023 г.).

для «недвижимых вещей», перечисленных в статье 130 ГК РФ, и на основе полученных ответов, предложить юридический механизм эффективной защиты прав собственников воздушных судов и их кредиторов на основе принципа ведения единого государственного реестра указанных прав и их обременений на территории Российской Федерации, который можно будет рассматривать как органичный элемент существующей международной системы защиты прав и интересов собственников воздушных судов и их кредиторов.

Российское авиационное законодательство построено на основе Чикагской конвенции, развивая заложенные ею принципы уже в Воздушном кодексе РФ, федеральных законах и подзаконных нормативных правовых актах.

Единая международная система государственной регистрации воздушных судов, сформированная Чикагской конвенцией, основана на следующих принципах: (а) каждое государство обладает полным и исключительным суверенитетом над воздушным пространством над своей территорией; (б) воздушные суда имеют национальность того государства, в котором они зарегистрированы; (в) регистрация или смена регистрации воздушных судов в любом государстве производится в соответствии с его законами и правилами; и, наконец, (г) не может считаться действительной регистрация воздушного судна более чем в одном государстве, но его регистрация может переходить от одного государства к другому. Тот факт, что данный порядок реализован практически во всех государствах — членах Международной организации гражданской авиации (ИКАО), учрежденной той же конвенцией, позволяет утверждать, что система государственной регистрации воздушных судов является единой и международной.

Так, на территории Российской Федерации заявителями на государственную регистрацию воздушных судов в государственном реестре гражданских воздушных судов Российской Федерации могут быть только владельцы и собственники воздушных судов — российские резиденты⁶, а воздушное судно, зарегистрированное (или учтенное) в установленном порядке в Российской Федерации, приобретает национальную принадлежность Российской Федерации, статья 33 ВК РФ.

В случае продажи воздушного судна или перехода на иных законных основаниях права собственности на него иностранному государству, а также иностранному гражданину, лицу без гражданства или иностранному юридическому лицу, воздушное судно подлежит исключению из государственного реестра гражданских воздушных судов РФ и обязательному вывозу за пределы территории Российской Федерации⁷.

Оставаясь достаточно универсальным и эффективным механизмом защиты вещных прав и законных интересов собственников воздушных судов и их кредиторов, единая международная система государственной регистрации воздушных судов имеет один, по мнению ряда авторов, существенный «изъян»: свидетельство о регистрации воздушного судна не является документом, подтверждающим право собственности его держателя на воздушное судно. Данное правило касается как Российской Федерации, так и других государств — членов ИКАО, поскольку Чикагская конвенция не регламентирует вопросы определения собственности на гражданские воздушные суда, что выглядит совершенно логично — авиационное право это отрасль публичного права, тогда как институт вещного права — это сфера частного права. Более того, сам институт права собственности, его структура и

6. Государственный реестр воздушных гражданских судов Российской Федерации ведет Росавиация. Правила ведения данного реестра установлены Административным регламентом Федерального агентства воздушного транспорта предоставления государственной услуги по государственной регистрации гражданских воздушных судов и ведению Государственного реестра гражданских воздушных судов Российской Федерации, утвержденным Приказом Минтранса № 457 от 05.12.2013 г.

7. В рамках данной процедуры (а) свидетельство о регистрации воздушного судна, ранее выданное российским государственным реестром, утрачивает силу и подлежит возврату Росавиации, и (б) сертификат летной годности воздушного судна подлежит обмену на экспортный сертификат летной годности, с которым воздушное судно убывает с территории Российской Федерации. См. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 12. Ст. 1383. или Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения — 28.11.2023г.)

система понятий, крайне зависим от той правовой семьи, в призме которой рассматривается данный институт в каждом отдельном случае: континентальное частное право, англосаксонское общее право и, например, исламское право структурируют данный институт совершенно по-разному.

Но так ли существует этот «изъяс», как его нам преподносят сторонники сохранения за воздушными судами статуса недвижимых вещей? Как верно отмечает Вартанян в своей статье «О порядке государственной регистрации гражданских воздушных судов», которая увидела свет еще в 2009 году, «... Согласно правилам регистрации и сложившейся практике в государственном реестре содержатся данные о собственнике гражданского воздушного судна. Хотя акт регистрации гражданского воздушного судна в государственном реестре не является актом регистрации прав на воздушное судно. Такой порядок предусматривает, что любое заинтересованное лицо может получить информацию из реестра о собственнике воздушного судна. Такую информацию все, как правило, считают достоверной, поскольку она исходит из официального источника. ... Именно с этой целью в заявлении согласно п.11 правил о регистрации необходимо вносить полные сведения о собственнике ...»⁸. Следовательно, государственный реестр воздушных судов РФ может совершенно эффективно быть использован как инструмент публичного и снабженного авторитетом государства подтверждения вещных прав и обременения таковых на определенное воздушное судно, более того, с учетом очередности их возникновения. Для этого нет никаких причин продолжать изобретать юридическое основание для придания воздушным судам статуса «недвижимости в силу закона».

С ратификацией Российской Федерацией Кейптаунской конвенции документальным подтверждением существования вещных прав на воздушные суда, зарегистрированные в государственном реестре воздушных судов, и их обременений становится регистрационная запись в Международном реестре международных гаран-

тий, действующих в отношении планеров воздушных судов, авиационных двигателей и вертолетов (далее – «Реестр»).

К регистрируемому в данном Реестре международным гарантиям относятся гарантии, предоставленные залогодателем по соглашению об обеспечении исполнения обязательства, либо принадлежащие лицу, являющемуся потенциальным продавцом по соглашению о предварительной продаже с резервированием права собственности, либо принадлежащие лицу, являющемуся лизингодателем по соглашению о лизинге.

Согласно статье 7 Кейптаунской конвенции, гарантия образуется в качестве международной, если соглашение, которое ее создает или предусматривает, составлено в письменном виде, относится к объекту, которым имеют право распоряжаться залогодатель, потенциальный продавец или лизингодатель, позволяет идентифицировать объект в соответствии с Протоколом по авиационному оборудованию и, применительно к соглашению об обеспечении исполнения обязательства, позволяет определить наличие обеспеченных обязательств, но не обязательно содержит указания на сумму или максимальную сумму обеспечения.

С помощью Реестра обеспечивается учет прав субъектов на воздушные суда (авиадвигатели к ним) и/или обременений таковых в календарной последовательности их возникновения, изменения и прекращения. Зарегистрированная гарантия имеет приоритет перед другой гарантией, зарегистрированной позднее, а также перед любой незарегистрированной гарантией, статья 29 Кейптаунской конвенции, а юридическая сила конвенционной нормы права обеспечивает юридическое признание таким образом зарегистрированных прав на воздушные суда и их обременений (то, что в официальном переводе документа называется «гарантиями») на территории всех государств, ратифицировавших Кейптаунскую конвенцию.

Протокол по авиационному оборудованию дает право кредитору (собственнику, залогодержателю) воздушного судна добиваться deregistrации

⁸. Вартанян Н.В. О порядке государственной регистрации гражданских воздушных судов // Транспортное право. 2009. № 3.

воздушного судна из государственного реестра воздушных судов, в котором такое судно зарегистрировано, вывоза и физического перемещения воздушного судна с территории, на которой оно находится, под свой непосредственный контроль.

Вышеизложенный анализ позволяет утверждать, что на чаше весов «за сохранение в Российской Федерации параллельно существующего государственного реестра прав на воздушные суда» как на «недвижимость в силу закона» остается пока только желание обеспечить «правоустанавливающий характер» регистрации возникновения, существования и прекращения вещных прав на воздушные суда и обременений таковых. Но почему не ограничиться в таком случае развитием и уточнением механизма защиты права собственности на воздушное судно на основе принципа государственной регистрации (учета) факта существования вещного права и/или его обременения без придания акту регистрации правоустанавливающего характера на базе государственного реестра воздушных судов?

Н.Д. Егоров в своем исследовании проблемы разграничения движимых и недвижимых вещей в гражданском праве приходит к удивительному, на взгляд автора данной статьи, выводу: «... поскольку морские, речные, воздушные суда... участвуя в гражданском обороте, не перемешаются из владения одного лица во владение другого, а остаются в сфере использования по назначению, для третьих лиц крайне затруднительно определить, кому принадлежит право собственности и другие вещные права на указанные объекты. Это, в свою очередь, порождает такие же проблемы в гражданском обороте объектов «недвижимости в силу закона», которые исторически раньше возникли в отношении объектов «недвижимости по природе». Одинаковые же проблемы должны и решаться одинаково. Именно поэтому вещные права на «недвижимость в силу закона», как и вещные права на «недвижимость по природе», подлежат государственной регистрации (ст. 131 ГК РФ), которая

позволяет всем желающим точно установить, кому в настоящее время принадлежат вещные права на объекты недвижимости ... В силу этого морские суда, суда внутреннего плавания, воздушные суда ... должны признаваться недвижимостью не в силу закона, а в силу объективно присущего им признака и поэтому рассматриваться как «недвижимость по природе». Впрочем, других объектов недвижимости и быть не может».⁹

Любой коммерческий транспорт, включая автомобильный и железнодорожный, имеет ценность именно как транспортное средство коммерческой перевозки и более связан с перевозчиком, нежели с собственником, в глазах потребителя транспортной услуги. Но только у воздушного транспорта в России существуют две системы государственной регистрации, причем оба реестра ведет один и тот же орган государственной власти — Росавиация. Однако Егоров Н.Д. вновь говорит о необходимости обеспечения механизма государственной регистрации факта возникновения/прекращения того или иного права или его обременения на суда с учетом очередности этих юридических событий, но ни слова — в обоснование необходимости придания таким регистрационным действиям правоустанавливающего эффекта.

Стоит согласиться с С.А. Синициным¹⁰ в том, что концептуальных подходов к определению недвижимости практически не затронула реформа части первой ГК РФ, более того, единообразных решений и взглядов на этот вопрос не сложилось до настоящего времени. Данная статья вышла в свет в 2021 году, но данный вывод актуален и сегодня. Следует также согласиться с автором и в том, что сегодня назрела потребность кардинального пересмотра устаревшего доктринального подхода к воздушным и морским судам как к «недвижимости в силу закона», но нельзя поддержать его позицию относительно того, что из перечня «недвижимых вещей» нужно исключать только все виды судов, но не только воздушные суда или только морские.

Анализ нормативной базы российского законода-

⁹ Егоров Н.Д. О проблеме разграничения движимых и недвижимых вещей в гражданском праве // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7.

¹⁰ См.: Синицин С.А. Суда как объекты недвижимости: особенности и просчеты российского законодательства // Гражданское право. 2021. № 5.

тельства, проведенный автором настоящей статьи в части регламентации порядка регистрации прав на вышеперечисленные виды недвижимости, как по природе, так и в силу закона, показывает, что практика придания факту государственной регистрации вещных прав и их обременений правоустанавливающего характера присуща исключительно для:

► судов внутреннего плавания (в смысле Кодекса внутреннего водного транспорта РФ, статья 15¹¹); и

► объектов недвижимости, размещенных на территории Российской Федерации¹².

Показательно, что в обоих вышеназванных случаях объектом регулирования избранного правового режима являются объекты гражданских прав, которые всегда находятся на территории данного государства и не способны в силу особенностей их создания и эксплуатации оказаться вне поля национального правового регулирования.

Напротив, вышеописанная практика категорически расходится с подходом, применимым в отношении:

► воздушных судов (во всех государствах – членах ИКАО, за исключением Российской Федерации);

► морских судов (в смысле Кодекса торгового мореплавания РФ); и, самое поразительное,

► воздушных судов (в тех случаях, когда к ним применимы положения Кейптаунской конвенции¹³, последовательно ратифицированной Российской Федерацией в 2011 и 2012 годах соответственно).

Показательно, что во всех этих случаях объектом регулирования избранного правового режима являются объекты, используемые в международных перевозках, следовательно, способные в силу

особенностей их эксплуатации выбывать из поля национального правового регулирования время от времени, а целью регистрационных действий в отношении вещных прав на таковые и их обременений является исключительно подтверждение (учет) существования таковых в отношении определенного объекта гражданских прав и их приоритета друг по отношению к другу в кругу лиц и во времени.

Комплексное осмысление приведенного выше материала позволяет сделать следующие, достаточно интересные выводы:

Воздушные суда имеют национальность того государства, в котором они зарегистрированы, а регистрация или смена регистрации воздушных судов в любом государстве производится в соответствии с законодательством данного государства. С учетом единого и международного характера системы государственной регистрации воздушных судов, сформированной Чикагской конвенцией, международный реестр гарантий, действующих в отношении воздушных судов, сформированный на основе и в соответствии с правилами Кейптаунской конвенции и Протокола по авиационному оборудованию, является примером эффективной защиты прав и интересов собственников воздушных судов и их кредиторов.

Нормы Кодекса торгового мореплавания РФ (не отдельного закона) для морских судов устанавливают исключительно перечень допустимых реестров морских судов и порядок их функционирования, не предусматривают наличия отдельного реестра прав на морские суда, но устанавливают перечень информации о правах (и их обременениях), имеющих место в отношении данного зарегистрированного морского суда, которые должны быть отражены в реестре морских судов¹⁴.

11. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения – 28.11.2023 г.)

12. См.: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29. Ст. 4344 или Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения – 28.11.2023г.).

13. См.: Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования, подписанная в Кейптауне 16 ноября 2001 г., в редакции Протокола по авиационному оборудованию к указанной конвенции от того же числа // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения – 28.11.2023г.).

14. Статья 33 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2207- Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.11.2023г.)

Правила работы международного реестра гарантий в отношении воздушных судов и государственных реестров морских судов в РФ ограничиваются исключительно исполнением функции регистрации факта и очередности возникновения соответствующих вещных прав и их обременений, но не несут правоустанавливающей функции.

Космические объекты вообще исключены из состава «недвижимых объектов», исторически установленных ГК РФ еще в 2015 году, а воздушные суда – с 2012 года формально должны рассматриваться в РФ как разновидность «движимых вещей» (mobile equipment) в результате ратификации Кейптаунской конвенции¹⁵.

Морские суда, воздушные суда и космические объекты могут быть юридически систематизированы в единую группу объектов гражданских прав по функциональному (эксплуатационному) признаку как средство международной перевозки пассажиров и грузов (в иные государства или на околоземную орбиту). В правовых системах современности права на воздушные и морские суда требуют государственной регистрации, которая носит учетный характер и не имеет отношения к правовому режиму недвижимости и ее государственной регистрации.

Таким образом, существующую коллизию международного и национального правовых режимов возможно разрешить, если:

1. Исключить воздушные суда из перечня недвижимых вещей, установленного статьей 130 ГК РФ, в рамках гармонизации конвенционного и кодификационного правовых режимов, применимых в РФ к данной категории объектов прав, и прекратить действие федерального закона №31-ФЗ от 13.03.2009 г. «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» в полном объеме.

2. Одновременно, принимая во внимание тот факт, что действующие сегодня в отношении Российской Федерации экономические рестрикции, введенные в одностороннем порядке

западными странами, в том числе Республикой Ирландия, сделали практически невозможным для российских лиц полноценное использование международного реестра гарантий, действующих в отношении воздушных судов, дополнить нормы ВК РФ (по аналогии с Кодексом торгового мореплавания (КТМ) РФ и, где необходимо, Кейптаунской конвенцией и Протоколом по авиационному оборудованию), касающиеся порядка функционирования государственного реестра воздушных судов, положениями о придании данному реестру функции регистрации факта возникновения, перехода и прекращения вещных прав на зарегистрированное в данном реестре воздушное судно, ограничений (обременений) этих прав (ипотека, доверительное управление и другие), исключив тем самым правоустанавливающую функцию такой государственной регистрации.

3. Поправки в текст ВК РФ также должны предусматривать, что регистрационные действия в отношении права собственности и иных вещных прав, на которое установлены ограничения (обременения), и исключение из государственного реестра воздушных судов такого судна, осуществляются с согласия в письменной форме лица, в пользу которого установлено соответствующее ограничение (обременение).

4. Реализация данного подхода, возможно, потребует внесения точечных поправок и в отдельные иные акты российского законодательства, но безусловным преимуществом предлагаемого решения является возможность, с одной стороны, сохранить юридическую защиту и прозрачность прав текущих собственников воздушных судов и бенефициаров, установленных в отношении таковых ограничений (обременений), но, с другой стороны, обеспечить права и интересы приобретателей и эксплуатантов воздушных судов (за счет, прежде всего, снижения административных издержек и отказа от алогичных административных барьеров при

¹⁵ Статья 2 Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования, подписанная в Кейптауне 16 ноября 2001 г., в редакции Протокола по авиационному оборудованию к указанной конвенции от того же числа // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 28.11.2023 г.

реализации гражданско-правовых сделок с воздушными судами и обеспечением их спокойной эксплуатации и окончательного формирования единого и внутренне непротиворечивого подхода в российском гражданском праве к определению воздушного судна как «движимой вещи»).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аликумова Г.Ю. Некоторые проблемы квалификации объектов гражданских прав // Общество и право. 2009. №5. С.43-48.
2. Вартамян Н.В. О порядке государственной регистрации гражданских воздушных судов // Транспортное право. 2009. №3. С.24-26.
3. Егоров Н.Д. О проблеме разграничения движимых и недвижимых вещей в гражданском праве // Вестник ВАС РФ. 2012. №7. С.4-29.
4. Кулаков В.В. К вопросу о признаках недвижимости как критериев ее государственной регистрации // Современный юрист. 2020. №5. С.69-74.
5. Синенко А.Ю. Воздушные суда: регистрация и сделки с ними // Транспорт Российской Федерации. 2006. №7. С. 12-14.
6. Синицин С.А. Суда как объекты недвижимости: особенности и просчеты российского законодательства // Гражданское право. 2021. №5. С. 8-9.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Alikumova G.Ju. Nekotorye problemy kvalifikacii ob#ektov grazhdanskih prav // Obshestvo i pravo. 2009. №5.
2. Vartanjan N.V. O porjadke gosudarstvennoj registracii grazhdanskih vozdushnyh sudov // Transportnoe pravo. 2009. №3.
3. Egorov N.D. O probleme razgranichenija dvizhimyh i nedvizhimyh veshhej v grazhdanskom prave // Vestnik VAS RF. 2012. №7.
4. Kulakov V.V. K voprosu o priznakah nedvizhimosti kak kriteriev ee gosudarstvennoj registracii // Sovremennyy jurist. 2020. №5.
5. Sinenko A.Ju. Vozdushnye suda: registracija i sdelki s nimi // Transport Rossijskoj Federacii. 2006. №7. S. 12-14
6. Sinicin S.A. Suda kak ob#ekty nedvizhimosti: osobennosti i proshchety rossijskogo zakonodatel'stva // Grazhdanskoe pravo. 2021. №5. S. 8-9.

Е.В. БОБРОВ

Некоторые аспекты компенсации вреда, причиненного источником повышенной опасности

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию некоторых особенностей правового регулирования института компенсации (возмещения) вреда, причиненного источником повышенной опасности. Отдельное внимание автором уделено поведению и роли потерпевшего при наступлении деликта, а также правоприменительному толкованию «владелец источника повышенной опасности». На основании практического примера анализируются особенности возложения ответственности за безвиновное причинение вреда в результате дорожно-транспортного происшествия. На основании судебной практики сделан вывод об отсутствии единых критериев определения размера компенсации вреда, причиненного источником повышенной опасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ответственность; компенсация (возмещение) вреда; источник повышенной опасности; владелец источника повышенной опасности; безвиновное причинение вреда; фактические обстоятельства.

БОБРОВ ЕГОР ВАЛЕРЬЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин МИРЭА – Российский технологический университет, адвокат (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Современный уровень развития науки и техники преопределяет ощутимый объем исковых требований, возникший вследствие причинения вреда жизни и здоровью граждан.

Иски о возмещении (компенсации) по указанной категории споров как способ защиты нарушенного права и производство по ним стали весьма распространенными в судебной практике, наряду со спорами о нарушении договорных обязательств, различными вещно-правовыми и корпоративными спорами.

Наиболее распространенными являются требования, возникшие вследствие дорожно-транспортных происшествий. Несмотря на общую тенденцию по снижению ДТП в России, число случаев причинения вреда жизни и здоровью остается весьма высоким. Согласно сведениям <http://stat.gibdd.ru/>, общее число ДТП в России последних лет имеет следующее значение:

- 2019 г. – 164 358 (в которых погибло – 16 981 человек, ранено – 210 877 человек);

- 2020 г. – 145 073 (16 152 человек / 183 040 человек);

- 2021 г. – 133 331 (14 874 человек / 167 856 человек);

- 2022 г. – 126 705 (14 172 человек / 159 635 человек);

- по состоянию на сентябрь 2023 г. – 96 768 (10 309 человек / 121 479 человек).

В то же время причинение вреда источником повышенной опасности является специальным видом деликтных обязательств, выделенным законодателем, в связи с чем, споры данной категории заслуживают отдельного внимания. При этом, главной задачей законодательного регулирования деликтных отношений есть и остается реализация возможности возмещения (компенсации) причиненного вреда.

Зачастую суды сталкиваются с затруднениями при разрешении споров данной категории ввиду недостаточной регламентации механизма возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности, а также правового регулирования определения размера компенсации морального вреда.

Сказанное со всей ответственностью позволяет говорить о том, что вопросы правового регулирования возмещения вреда жизни и здоровью граждан, причиненного источником повышенной опасности, в последнее время становятся особенно актуальными.

В отечественной цивилистике вопрос о признании источника повышенной опасности не был единогласно разрешен. Так, М.М. Агарков ука-

зывает на то, что источником повышенной опасности является не вещь, а определенная деятельность по ее использованию¹. В.Г. Вердников так же относил к источнику повышенной опасности именно определенного рода деятельность². Принципиально иной точки зрения придерживался Т.Б. Мальцман, указывая на вещь как источник повышенной опасности, которая вышла из-под контроля человека или не была подчинена ему и неизбежно причинившая вред тому, с кем или чем соприкасалась³. Другого мнения придерживался Е.Н. Флейшиц, который считал источником повышенной опасности свойства вещей, которые при достигнутом уровне развития науки и техники не поддаются полностью контролю человека, создают высокую степень вероятности причинения вреда его жизни или здоровью либо материальным благам⁴.

Современная трактовка рассматриваемого института сводится к общему понятию деятельности человека, в качестве направлений и сфер которой законодателем выделены научно-прикладные, производственные и линейные области, связанные с наибольшей вероятностью техногенных происшествий на объектах при их функционировании (автомобили и прочие механизмы, электричество и атомная энергетика, СДЯВ, строительство и др.).

Представленный в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) перечень не является исчерпывающим, в связи с чем практикой было выработано расширительное толкование рассматриваемого института, понимающей в качестве такового любую деятельность, над которой невозможно

установить полный контроль, а также деятельность по обращению (использованию) с предметами, наделенными аналогичными свойствами.

Современная судебная практика обращает внимание на исключительные свойства предметов, веществ или иных объектов, используемых в процессе деятельности (определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 28.02.2023 № 56-КГ23-1-К9)⁵.

Ввиду того, что над источником повышенной опасности невозможно в полной мере установить человеческий контроль, в том числе по причине приведения в движение вне воли владельца⁶, причиненный вред стоит оценивать на соответствие ст. 1079 ГК РФ, если он является результатом действия или проявления вредоносных свойств источника (например, движение автомобиля либо иного транспортного средства, функционирование технически сложного механизма).

Практикой выработана уточняющая позиция, признающая владельцем – лицо, использующее источник повышенной опасности на законных основаниях и лично эксплуатирующие его.

Законность оснований использования источника лицом имеет определяющее значение, на что неоднократно обращалось внимание Верховным Судом (определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 17.01.2023 № 41-КГ22-45-К4, от 11.05.2018 № 18-КГ18-18, от 31.01.2023 № 41-КГ22-42-К4, от 18.07.2023 № 32-КГ23-13-К1)⁷. Установление факта перехода владения к иному лицу и легитимность оснований перехода владения относится к исследова-

1. Агарков М.М. Возникновение обязательств из причинения вреда // Гражданское право / под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. М., 1944. Т. 1. С. 339.

2. Советское гражданское право: учеб. пособие / Л.А. Антонова, Н.А. Безрук, М.И. Брагинский, В.Г. Вердников и др.; редкол.: В.Г. Вердников, С.В. Занковская, А.Ю. Кабалкин, В.А. Рясенцев (отв. ред.). М.: Изд-во ВЮЗИ, 1961. Ч. 2. С. 398.

3. Мальцман Т.Б. Ответственность и вред, причиненный источником повышенной опасности: дис. ...канд. юрид. наук. М., 1948. С. 19.

4. Флейшиц Е.Н. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951. С. 131.

5. Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалакт) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

6. Антонов А.А. Некоторые аспекты ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности // Юрист. 2019. № 12. С. 25-30.

7. Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалакт) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

нию и оценке доказательств, и, соответственно, к установлению фактических обстоятельств конкретного спора.

Если вопрос с установлением причинителя вреда (владельца источника повышенной опасности) и идентификацией источника повышенной опасности в судебной практике возникает не так часто, то правовая оценка поведения потерпевшего при причинении вреда вызывает значительные затруднения. Именно роли самого потерпевшего, в каждом случае причинении вреда источником повышенной опасности, требуется уделять особое внимание защитнику (представителю ответчика по гражданско-правовому спору) в процессе.

На первый взгляд, сложно не согласиться с утверждением о том, что тот, кто создает и эксплуатирует опасный объект и извлекает из этого прибыль, должен вне зависимости от собственной вины нести риск реализации не полностью контролируемых технических рисков. Безвиновная ответственность, по сути, является компенсацией за то, что кто-либо получает право извлекать преимущества из создания опасности для окружающих⁸.

При этом общепризнанным правилом, позволяющим соблюсти баланс интересов потерпевшего и причинителя вреда, является учет вины потерпевшего⁹, поскольку возможность уменьшения присуждаемого потерпевшему (истцу) возмещения находится в прямой зависимости от вины самого потерпевшего, наличия неопровержимой грубой неосторожности как предпосылок возникновения вреда.

Исследования категории вины в гражданском праве в основном сосредотачиваются на выяснении понятия неосторожности и применяемого масштаба ее установления¹⁰, в связи с чем практи-

чески отсутствует самостоятельная гражданско-правовая теория умысла¹¹.

Во многом разрешение данного вопроса отсылает к причинно-следственной связи, поскольку, речь идет о том, что действия самого потерпевшего также являлись причиной вреда, которую правопорядок считает значимой¹².

В силу п. 2 ст. 1083, абз. 2 ст. 1100 ГК РФ возможность уменьшения присуждаемого возмещения в судебном порядке (без полного отказа в возмещении) находится в зависимости от вины потерпевшего и наличия неопровержимой грубой неосторожности как предпосылок возникновения вреда.

В некоторых случаях, об одном из которых речь пойдет далее, не всегда оправданной представляется позиция законодателя, не позволяющая полностью освободить от ответственности владельца источника.

Вопрос об отнесении действий потерпевшего к неопровержимой грубой неосторожности, влиянии его действий (поступков, принятых решений) на события и обстановку, состояние и индивидуальные особенности всех участников происшествия разрешается в каждом гражданском деле, исходя из установленных судом фактических обстоятельств.

Судебная практика обращает внимание на необходимость совокупной оценки действий ответчика (причинителя вреда) и соотносении с тяжестью физических и нравственных страданий потерпевшего, учет заслуживающих внимания фактических обстоятельств дела, требований разумности и справедливости. Отдельное внимание уделяется вопросам анализа действий потерпевшего на предмет отнесения к грубой неосторожности

⁸ Weiss R. Op. cit. S. 96; Jansen N. Op. cit. S. 8; Caemmerer E. von. Reform der Gefahrdungshaftung: Vortrag. 1971. Berlin; N.Y.S. 15-19;

⁹ Маркелова А.А. Отдельные аспекты установления причинной связи в деликтах государства // Закон. 2019. № 3. С. 76-87;

¹⁰ Старцева Ю.В. Принцип вины и ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Опыт гражданского исследования: сборник статей / И.И. Акимова, В.А. Волгина, А.А. Громов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербakov. Москва: Статут, 2019. Вып. 3: специальный выпуск к юбилею профессора Евгения Алексеевича Суханова. 376 с;

¹¹ Иоффе О.С. Обязательства по возмещению вреда. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1951. С. 31;

¹² Яблочков Т.М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. Очерки законодательной и судебной практики. Т. 2. Ярославль, 1911. С. 3;

(определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 06.03.2023 № 39-КГ22-9-К1, от 05.06.2023 № 57-КГ23-3-К1)¹³.

В одном из дел по рассматриваемой категории автор принимал непосредственное участие, представляя интересы ответчика по спору о взыскании (компенсации) вреда, причиненного несовершеннолетнему источником повышенной опасности. Фабула дела: несовершеннолетний, находясь в сопровождении отца, двигаясь по дворовому тротуару на велосипеде, совершил внезапный (резкий) маневр, в результате которого, через ряд припаркованных вдоль тротуара автомобилей, препятствующих видимости, съехал с тротуара из-за припаркованного фургона на дорогу, по которой двигался автомобиль под управлением ответчика, в результате чего врезался в заднюю боковую (правую) дверь автомобиля ответчика. В результате ДТП несовершеннолетний получил травму, вред от которой оценен как тяжкий для здоровья. Названные обстоятельства подтверждаются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении ответчика, со ссылкой на нарушение несовершеннолетним п. 1.3., 1.5., 10.1, 24.4. Правил дорожного движения Российской Федерации (ПДД РФ).

В ходе судебного разбирательства внимание суда было обращено на необходимость уменьшения размера компенсации вреда ввиду грубой неосторожности самого потерпевшего и его законного представителя, способствовавших возникновению вреда, а также с учетом имущественного положения ответчика. Указанные обстоятельства подтверждались постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела и видеозаписью ДТП, истребованной представителем ответчика при подготовке к разбирательству. Названные доказательства подтверждали, что несовершеннолетний в сопровождении отца совершил столкновение с

автомобилем в правую боковую заднюю часть, при этом траектории движения автомобиля ответчика и велосипедиста не пересекались, и последний внезапно выехал на проезжую часть из-за припаркованного фургона. Ответчик со своей стороны не имел возможности предвидеть, избежать либо воспрепятствовать столкновению, повлекшему травму ребенка. Столкновение несовершеннолетнего велосипедиста совершено исключительно вследствие нарушения последним п. 1.3., 1.5., 10.1, 24.4. ПДД РФ.

С учетом установленных обстоятельств дела, принимая во внимание безвиновную ответственность ответчика, последний не был полностью освобожден от компенсации вреда потерпевшему ввиду ранее рассмотренных норм. Однако размер компенсации вреда был значительно снижен судом, несмотря на общественный резонанс и участие несовершеннолетнего в ДТП, что в целом находит понимание и поддержку правоприменителя.

Верховный Суд Российской Федерации периодически обращает внимание нижестоящих судов на ошибки и неправильное применение правового регулирования без учета названных обстоятельств¹⁴.

Зачастую затруднения судов связаны с недостаточной регламентацией критериев определения размера компенсации исследуемых деликтов. Анализ законодательства и судебной практики позволяет сделать неутешительный вывод об отсутствии единообразия в определении размера компенсации морального вреда.

В данной связи представляется актуальными и заслуживающими внимания Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека¹⁵.

¹³ Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалакт) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

¹⁴ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

¹⁵ Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека [Электронное издание]. Москва: М-Логос, 2023. 82 с. // Официальный сайт в информационно-телекоммуникативной сети «Интернет» общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» <https://alrf.ru/>.

На основании исследования российского правоприменения норм о компенсации морального вреда, а также зарубежных практик в различных юрисдикциях, в Методических рекомендациях предпринимается попытка обоснования размера компенсации с учетом обстоятельств конкретного дела, в том числе, при вине самого потерпевшего, через применение уточняющих коэффициентов. С учетом сказанного, названные Методические рекомендации, безусловно, заслуживают поддержки и рекомендаций в использовании правоприменителем на различных уровнях.

В качестве выводов отметим, что вред, причиненный источником повышенной опасности, представляет собой обособленную группу делик-

тов, подлежащих компенсации (возмещению) потерпевшему. В случае причинения названного вреда жизни или здоровью, компенсация производится вне зависимости от вины причинителя вреда, за некоторыми исключениями. При установлении фактических обстоятельств и исследовании доказательств по делам исследуемой категории споров, особое внимание следует уделять поведению и роли потерпевшего при возникновении деликта. Складывающийся в правоприменительной практике подход по определению размера компенсации (возмещения) вреда не всегда однообразен и вносит некоторую правовую неопределенность, что свидетельствует о необходимости выработки более четких критериев определения его размера.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агарков М.М. Возникновение обязательств из причинения вреда // Гражданское право / под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. Т. 1. 419 с.
2. Антонов А.А. Некоторые аспекты ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности // Юрист. 2019. № 12. С. 25-30.
3. Маркелова А.А. Отдельные аспекты установления причинной связи в деликтах государства // Закон. 2019. № 3. С. 76-87.
4. Флейшиц Е.Н. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. 239 с.
5. Яблочков Т.М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. Очерки законодательной и судебной практики. Т. 2. Ярославль: Типография Губернского правления, 1911. 600 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Agarkov M.M. Vozniknovenie objazatel'stv iz prichinenija vreda // Grazhdanskoe pravo / pod red. M.M. Agarkova, D.M. Genkina. M.: Jurid. izd-vo NKJu SSSR, 1944. T. 1. 419 s.
2. Antonov A.A. Nekotorye aspekty otvetstvennosti za vred, prichinennyj istochnikom povyshennoj opasnosti // Jurist. 2019. № 12. S. 25-30.
3. Markelova A.A. Otdel'nye aspekty ustanovlenija prichinnoj svjazi v deliktah gosudarstva // Zakon. 2019. № 3. S. 76-87.
4. Flejshic E.N. Objazatel'stva iz prichinenija vreda i iz neosnovatel'nogo obogashhenija. M.: Gos. izd-vo jurid. lit., 1951. 239 s.
5. Jablochkov T.M. Vlijanie viny poterpevshego na razmer vozmeshhaemyh emu ubytkov. Oчерki zakonodatel'noj i sudebnoj praktiki. T. 2. Jaroslavl': Tipografija Gubernskogo pravlenija, 1911. 600 s.

О.В. ЕФИМОВА, Е.А. РЯЗАНЦЕВА

Статус объекта культурного наследия как обременение/ограничение прав его владельца в гражданском обороте

АННОТАЦИЯ. Гражданское законодательство Российской Федерации содержит открытый перечень обременений недвижимого имущества и ограничений прав на такое имущество, не раскрывая при этом правовой характеристики данных явлений. Такие пробелы вызывают вопросы в отношении как определения лица, их устанавливающего, так и различий между указанными правовыми явлениями. Особенно актуально данные вопросы звучат при правовом регулировании прав на объекты культурного наследия. В настоящей статье рассматривается момент введения соответствующих обременений/ограничений в зависимости от стадии формирования объекта культурного наследия и возможность осуществления соответствующих прав и обязанностей на них.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: обременение, ограничение, объект культурного наследия, государственный реестр прав на недвижимость.

ЕФИМОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и нотариата НОУ ОВО «Российская академия адвокатуры и нотариата» (РААН), доцент Департамента Права Института экономики, управления и права ГАОУ ВО «Московского государственного педагогического университета (МГПУ)» (e-mail: alisa03@mail.ru);

РЯЗАНЦЕВА ЕКАТЕРИНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат юридических наук, доцент, директор Департамента Права Института экономики, управления и права ГАОУ ВО «Московского государственного педагогического университета (МГПУ)» (e-mail: ryazanцеваe@mgpu.ru).

Указания на ограничения прав на недвижимость, равно как и обременение данной недвижимости содержатся в п. 6 ст. 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» в виде следующего перечня: сервитут, ипотека, доверительное управление, аренда, наем жилого помещения¹. Однако, конкретного отнесения того или иного гражданско-правового явления в данном перечне к обременению либо к ограничению не содержится. Равно как и нет законодательно установленных различий

между обременением и ограничением. Сложность в определении их правовой природы также вызвана тем, что обременения (ограничения) содержатся в нормативных актах в виде открытого перечня и указываются как синонимы или, по крайней мере, как родственные правовые явления². В силу отсутствия в законодательстве дефиниций обременения недвижимого имущества и ограничения прав на данное имущество спорным остается вопрос определения природы данных явлений, формирование различий в последствиях их возникновения.

1. Пункт 69 Приказа Росреестра от 01.06.2021 № П/0241 «Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, формы специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, состава сведений, включаемых в специальную регистрационную надпись на документе, выражающем содержание сделки, и требований к ее заполнению, а также требований к формату специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, в электронной форме, порядка изменения в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположении границ земельного участка при исправлении реестровой ошибки» (Зарегистрировано в Минюсте России 16.06.2021 № 63885) дополняет перечень следующими ограничениями (обременениями) – установленные уполномоченными органами в соответствии с законодательством Российской Федерации арест и иные запрещения совершать определенные действия с недвижимым имуществом, запрещение органу регистрации прав осуществлять учетные и (или) регистрационные действия с объектом недвижимости, залог, избранный в качестве меры пресечения в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и пр.

2. К примеру, так указано в ст. 47.1 Федерального закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» как в названии самой статьи «Ограничения (обременения) имущественных прав на объект культурного наследия требованиями в отношении объекта культурного наследия», так и по тексту названной статьи.

Следует согласиться с утверждением о том, что «... в целом приходится констатировать наличие правового вакуума, правовой неопределенности в этой области...»³

Исходя из смысла закона обременение является частью правомочий собственника и проявляется через распоряжение. В соответствии с п. 2 ст. 209 Гражданского Кодекса Российской Федерации собственник вправе распоряжаться, в том числе обременять имущество различными способами.

Ограничение может быть воспринято как «стеснение собственника в осуществлении его субъективного права на конкретное имущество с целью обеспечения прав и охраняемых законом интересов других лиц».⁴

Следовательно, различия обременений и ограничений проявляются в том, кто и в чьих интересах их формирует.

Кроме того, исходя из п. 6 ст. 1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», обременения накладываются на объекты недвижимости, а ограничения устанавливаются на права.

В любом случае обременения и ограничения подлежат государственной регистрации, если это определено федеральным законом.

Одним из таких законов является Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее по тексту – Закон об объектах культурного наследия), который называет конкретные мероприятия в качестве обременений/ограничений в отношении объектов культурного наследия⁵ и прав на него (в частности, в ст. 47.1 Закона об объектах культурного наследия).

Присвоение недвижимой вещи статуса объекта

культурного наследия налагает обременения на данную вещь в возможности, равно как и невозможности собственнику или иному законному владельцу недвижимости осуществлять определенные действия с вещью и вводит соответствующие ограничения в правах для данного владельца. Закон об объектах культурного наследия перечисляет в качестве обременений (ограничений) определенные обязанности владельцев таких объектов, указанные в пунктах 1-3 ст. 47.3 Закона об объектах культурного наследия, а также требования, установленные охранным обязательством. При этом указанная норма не различает, что следует считать обременением, а что является ограничением. В силу этого мы также далее будем рассматривать данные правовые явления вместе по отношению к соответствующему объекту. В случае, если объект не находится в государственной или муниципальной собственности, то данные обязанности устанавливаются 3-им лицом (публичным субъектом) в отношении чужой вещи, которая находится в частной собственности. Следовательно, говорить в таком случае о возможности применить обременение по собственной инициативе собственника данной вещи не приходится. Более того, в Законе об объектах культурного наследия предусмотрена ситуация, когда собственник или иной владелец объекта культурного наследия не согласен с необходимостью осуществлять охранные мероприятия, определенные публичной властью как обременение/ограничения объекта и прав на него. В этом случае данный субъект, согласно п. 8 ст. 16.1 Закона об объектах культурного наследия, вправе обжаловать в суд такие решения.

Обременения/ограничения на объект культурного наследия подлежат государственной регистрации в Едином государственном реестре прав

3. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Ограничение и обременение доли в уставном капитале ООО: понятие, основания возникновения, правовые последствия // *Хозяйство и право*. 2022. № 5. С. 105.

4. Камышанский В.П. *Право собственности: пределы и ограничения = Law of property: scope and limitations*. М., 2000. С. 135.

5. Согласно статье 3 Закона об объектах культурного наследия последними признаются объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

на недвижимое имущество согласно ст. 47.1 Закона объектах культурного наследия.

Особенностью указанных обременений/ограничений выступают две цели:

- обеспечение сохранности объекта культурного наследия и
- формирование наличия доступа к таким объектам физическим лицам.

Для достижения данных целей изложенные в нормах Закона об объектах культурного наследия обязанности владельца соответствующего имущества сопряжены как с активными действиями, так и с бездействием. Так, обременением/ограничением объекта культурного наследия выступают обязанности владельца поддерживать имущество в надлежащем техническом, санитарном и противопожарном состоянии и нести расходы, связанные с такой поддержкой, а также обязанность не проводить работы, изменяющие облик, объемно-планировочные и конструктивные решения и структуры, интерьер объекта культурного наследия.

Как видно, обременением/ограничением в данном случае выступает не как какое-либо одно, цельное правовое явление, к примеру, как ипотека, арест, аренда, а представляет собой целый ряд мероприятий, которые должен осуществлять владелец объекта культурного наследия. И такое перечисление действий в статьях Закона об объектах культурного наследия (ст.ст. 47.1, 47.3, 47.6 указанного Закона) в качестве отдельных ограничений/обременений представляется не вполне удачно. Для соблюдения указанных выше целей именно наличие статуса объекта накладывает обременения/ограничения на его владельца, которые подразумевают для него необходимость совершения соответствующих обязанностей по совокупности. В самом деле, при формировании исследуемого статуса объекта нельзя одному владельцу разрешить производить действия, которые меняют исторический облик объекта, а другому разрешить не нести расходы, связанные с его содержанием. В любом случае, при присвоении объекту соответствующего статуса собственник или иной законный владелец обязаны осуществлять все действия, определенные в нормах Закона об объектах культурного наследия в

качестве отдельных обременений/обязанностей с учетом типа объекта культурного наследия (здание, квартира и пр.)

Представляется, что поскольку данный комплекс обязательных действий связан с указанными целями, то именно статус объекта – объект культурного наследия выступает тем обременением, который накладывает на его владельца соответствующие обязанности и следует за объектом при смене владельца.

Перечень требований, которые должен соблюдать владелец такой вещи, зависит от того – какой именно статус формируется для соответствующего объекта. Статус объекта культурного наследия проходит в своем развитии три этапа и по сути, формируется в качестве: объект, обладающий признаками объекта культурного наследия; выявленный объект культурного наследия; объект культурного наследия.

Первый этап связан с проведением работ по выявлению и учету объектов культурного наследия. Такие работы могут быть проведены по инициативе региональных органов охраны объектов культурного наследия, муниципальных органов охраны объектов культурного наследия, физических или юридических лиц. Порядок проведения таких работ регулируется Приказом Минкультуры России от 02.07.2015 № 1905 «Об утверждении порядка проведения работ по выявлению объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, и государственному учету объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия» (зарегистрировано в Минюсте России 04.09.2015 № 38812).

Результатом проведения таких работ является формирование объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия. Указанный объект уже подлежит правовой охране и формирует отдельный правовой статус, что обременяет недвижимость. Так, согласно ст. 36 Закона об объектах культурного наследия на территории, на которой присутствует объект, обладающий признаками объекта культурного наследия, нельзя проводить проектирование и проведение земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ по использованию лесов и иных работ.

Запрет на совершение определенных действий на соответствующей территории говорит о введении соответствующей правовой охраны для объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия.

Кроме того, появление такого статуса влечет необходимость для регионального органа охраны объектов культурного наследия обеспечить проведение работ по установлению историко-культурной ценности объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, в том числе путем осуществления историко-государственной экспертизы.

По итогам таких работ принимается решение о включении объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, в перечень выявленных объектов культурного наследия либо об отказе в таком включении. Следовательно, при положительном решении появляется второй режим исследуемого объекта — «объект, обладающий признаками объекта культурного наследия».

С этого момента указанный объект получает следующий статус — «выявленный объект культурного наследия», и со дня включения его в соответствующий реестр в перечень выявленных объектов культурного наследия он подлежит государственной охране.

Данная охрана проявляется в том числе в том, что владелец выявленного объекта культурного наследия, уведомленный региональным органом о таком решении, должен как проводить активные действия, так и воздерживаться от совершения определенных действий, которые могут повлиять на целостность объекта. И тем более собственник или иной законный владелец не вправе осуществить распоряжение своим объектом путем его сноса.

Данные обязанности владельца выявленного объекта культурного наследия проявляются как обременения/ограничения соответствующей недвижимости, поскольку решение о выявленном

статусе подлежит государственной регистрации в органе регистрации прав.

После включения в соответствующий перечень выявленных объектов культурного наследия региональный орган охраны объектов культурного наследия обеспечивает проведение государственной историко-культурной экспертизы. Итогом такого исследования является принятие решения о включении объекта в государственный реестр в качестве объекта культурного наследия или об отказе.

В случае включения в указанный реестр формируется третий этап определения соответствующего объекта — появляется «объект культурного наследия». Данный объект подлежит правовой охране, в том числе путем установления указанных выше обязанностей для собственника или иного владельца данного объекта. Также обременения/ограничения будут указаны в охранном обязательстве, выдаваемом при формировании статуса объекта культурного наследия. В частности, в охранном обязательстве будут указаны условия к обеспечению доступа к объекту культурного наследия непоименованного круга физических лиц.

Таким образом, формирование обременений и/или ограничений в отношении объекта культурного наследия (в том числе, обладающего признаками объекта культурного наследия и выявленного объекта культурного наследия) формируются не только собственниками указанных объектов (в том случае когда собственник объекта частное лицо), но и иными лицами, напрямую не имеющие каких-либо имущественных прав на такую вещь, но действующие в интересах общества и государства⁶.

Именно формирование соответствующего статуса по данному объекту вызывает необходимость осуществления ряда мероприятий его владельцем для обеспечения его сохранности и доступа граждан на территорию объекта. В связи с этим следует рассматривать статус объекта (объект, обладаю-

⁶ Шагиева Р.В. Категория «правовая традиция» в контексте ее теоретико-методологического потенциала // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 3 (54). С. 33.

щий признаками объекта культурного наследия; выявленный объект культурного наследия; объект культурного наследия) как обременение/ограничение, включающее в себя установленные законода-

телем обязанности, направленные на достижение целей по обеспечению сохранности объекта культурного наследия и формирования доступа к таким объектам физическим лицам.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Камышанский В.П. Право собственности: пределы и ограничения = Law of property: scope and limitations. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2000. 301 с.
2. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Ограничение и обременение доли в уставном капитале ООО: понятие, основания возникновения, правовые последствия // Хозяйство и право. 2022. № 5. С. 103 – 114.
3. Шагиева Р.В. Категория «правовая традиция» в контексте ее теоретико-методологического потенциала // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 3 (54). С. 32-36.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kamyshanskij V.P. Pravo sobstvennosti: predely i ogranichenija = Law of property: scope and limitations. М.: JuNITI: Zakon i pravo, 2000. 301 s.
2. Kozlova N.V., Filippova S.Ju. Ogranichenie i obremenenie doli v ustavnom kapitale ООО: ponjatie, osnovanija vozniknovenija, pravovye posledstvija // Hozjajstvo i pravo. 2022. № 5. S. 103 – 114.
3. Shagieva R.V. Kategorija «pravovaja tradicija» v kontekste ee teoretiko-metodologicheskogo potencijala // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2009. № 3 (54). S. 32-36.

А.Е. КИРПИЧЕВ

Находка как основание возникновения права собственности и обязательств: обзор основных проблем

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются юридические аспекты находки как основания для возникновения права собственности и обязательств. Освещаются сложности в трактовке находки в гражданском праве, обсуждаются разнообразные теоретические позиции и практические сценарии. Рассматриваются вопросы, касающиеся природы находки, ее места в системе юридических фактов, а также обязанности, возникающие для нашедшего и титульного владельца. Автор подчеркивает многогранность и неоднозначность этого явления в контексте гражданского права, предлагая решение некоторых доктринальных и практических проблем. В частности, объектом находки (найденным) могут быть вещи, причем не только индивидуально-определенные, как это ошибочно указывается в литературе. Автором сделан вывод, что права по обязательству между нашедшим и титульным владельцем могут защищаться деликтным и, по-видимому, квазидоговорными исками и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: находка, право собственности, вещное право, обязательства, юридические факты, *obligatio ex lege*, *obligatio propter rem*.

КИРПИЧЕВ АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ – доктор юридических наук, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (e-mail: raj@aekirpichev.ru).

Официальное толкование Конституционным Судом Российской Федерации континуума норм гражданского и уголовного законодательства, посвященных обязанностям нашедшего вещь¹, вновь привлекло внимание к не слишком модному юридическому факту – находке, приведя профессора А.В. Майфата даже к сформулированному им в социальной сети выводу о том, что в ГК РФ закреплены не субъективные юридические, а моральные обязанности².

Цивилистические категории, оставаясь долгое время без проработки и актуализации, теряют свою прозрачность как для студента, так и для практика. Поэтому регулярная ревизия даже самых простых на первый взгляд вопросов – это необходимое усло-

вие не только для поддержания лостойного уровня частнопредовой науки, но и для обеспечения определенности права. Несмотря на кажущийся простой, даже «школьный» характер института находки, можно выделить ряд дискуссионных вопросов, теоретических и практических проблем, указав на их предлагаемые решения, но оговорившись, что данный институт требует серьезных исследований монографического объема.

1. В одной из первых после принятия ГК РФ специальных работ о находке И.Г. Титов относит находку к бесхозяйным вещам³. Однако еще К.П. Победоносцев писал, что «потерянные вещи ни в каком случае не могут быть названы ничими, бесхозяйными, и потом найденная вещь не может быть

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова».

2. Майфат А.В. Гражданско-правовые обязанности в свете Постановления КС РФ // URL: https://zakon.ru/blog/2023/1/23/grazhdansko-pravovye_obyazannosti_v_sвете_postanovlenie_ks_rf (дата обращения – 10.11.2023).

3. Титов И.Г. Находка как первоначальный способ приобретения права собственности // Актуальные проблемы правоведения в современный период: сб. статей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 235.

присвоена нашедшим, потому только, что она найдена, но только тогда возникает основание присвоить ее нашедшему, когда становится возможным предположить, что настоящего хозяина нет или он отступился»⁴. Здесь нетрудно увидеть, что вторая точка зрения основана на представлении о динамике правового режима и принадлежности находки, а первая (более современная) — на буквальном толковании п. 2 ст. 225 ГК РФ. Несмотря на то, что позитивное право выступает естественным ограничением доктринального анализа, сложно однозначно отнести находку к бесхозным вещам. Напротив, все существо правового регулирования состоит в том, что предполагается, что у находки есть хозяин, поэтому не являются находкой брошенные или общедоступные для сбора вещи. Дальнейшее развитие событий во времени превращает находку сначала в бесхозную вещь, а потом в собственность нашедшего (и поэтому она является, на наш взгляд, именно *первоначальным* способом приобретения права собственности)

2. Терминологически находка является многозначной. И.Г. Титов, рассматривая по существу, но не разделяя эксплицитно, два значения термина «находка» (назовем их для ясности «нахождение» и «найденное»), выделяет видовые признаки для обоих понятий.

Для найденного это: находкой могут быть только вещи, при этом они должны быть индивидуально-определенными (не могут быть предметом находки, по мнению И.Г. Титова, деньги и документарные ценные бумаги на предъявителя), движимыми, неодушевленными⁵. В целом соглашаясь с этим набором признаков найденного, возразим на вывод об обязательной индивидуальной определенности находки. Процитированный автор аргументирует это тем, что на предполагаемом собственнике лежит бремя доказывания того, что вещь принадлежит ему, а для родовых вещей это кажется невозможным. Представляется, что все-таки в пред-

мет доказывания здесь включается факт потери и нахождения именно потерянного. Иное толкование хотя и следует из достаточно распространенного среди цивилистов убеждения, что подлинный объект права собственности индивидуально определен, но приведет к абсурдному выводу не только о том, что на случайно обороненные деньги теряются права, но и к тому, что на наличные деньги вообще не может быть права собственности. Если из последнего можно выйти абстрактными конструкциями обладания собственностью не на деньги как таковые, а на их платежные свойства (но тогда как расценивать действия по использованию купюры в качестве закладки для книги, показательному ее сжиганию, использованию монет в hand-made поделках и так далее?), то первый вывод совсем не находится в духе общих начал современного гражданского права, да и просто естественно-правовых начал: выпавшие на глазах у окружающих, например, у стоящего возле кассы или банкомата гражданина деньги придется признавать общедоступными для сбора вещами и признавать правило «что с возу упало, то пропало», а если «бывший» собственник поднимает эти деньги, то он снова становится собственником. Не лишняя красоты такая конструкция выхолащивает те самые основные начала гражданского права и права в целом, к которым относятся и идеи солидарности. Напротив, восприятие наличных денег и иных родовых вещей как объектов права собственности, как подходящих под признаки найденного, но отличающихся тем, что способом защиты по иску предполагаемого собственника здесь будет возврат аналогичной суммы, а не конкретных банкнот и монет, вполне соответствует как разнообразным юридическим теориям денег⁶ (поскольку даже если предполагать за собственником лишь право на платежную ценность, то именно ее такой иск и защищает), так и общему пониманию сути находки, которое нетрудно подчеркнуть, например, из процитированного

4. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В трех томах. Том 1. М.: Зерцало, 2003. С. 372.

5. Титов И.Г. Указ. соч. С. 235-236.

6. Петкилев П. И. Пределы делимости денег // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики: сборник статей XX Международной студенческой научно-практической конференции., Москва, 01–02 апреля 2021 года / Российский государственный университет правосудия. М: РГУП, 2022. С. 232-234.

ниже труда С.В. Пахмана. Кроме того, показателен пример из практики Верховного (Кассационного) суда Италии: найденное представляло собой сберегательную книжку на предъявителя⁷, т.е. документарную ценную бумагу, которую суды не только признали находкой, но и оценили, исходя из суммы, которую по ней можно получить. Здесь западноевропейская практика также опровергает приведенный выше пример И.Г. Титова, обусловленный, как представляется распространенным убеждением о полноценных и неполноценных правах собственности в зависимости от объекта.

Заметим также, что традиционное для европейских кодификаций помещение находки в систему оснований права собственности развенчивает миф о том, что объект полноценного права собственности в континентальной традиции — это недвижимость (земельный участок).

Согласимся с И.Г. Титовым в том, что находка — это вид оккупации (*occupatio*) как способ приобретения права собственности и перечислим приводимые им признаки находки как способа приобретения права собственности, т.е. нахождения как юридического факта вещного права: нашедший должен относиться к вещи как к чужой, ему должен быть неизвестен титульный владелец, необходимость фактического обладания найденным, случайный характер и факт потери найденного титульным владельцем.⁸

Хотя перечисленные признаки основаны именно на доктринальном (через призму категорий) анализе законодательства, они не учитывают, что из находки (нахождения) возникают также и определенные обязанности, при этом именно такое свойство находки связывает нормы гражданского законодательства с уголовным. Именно упуская, вероятно, обязательно-правовой эффект нахождения, И.Г. Титов и полагает, что указание в ГК РФ на обязанность вернуть находку известному нашедшему собственнику — это ошибка юридической техники. С этим нельзя согласиться не только по той причине, что тогда вне гражданско-правового регулирования

(вопреки прямому указанию законодателя) окажется правоотношение между потерявшим вещь и вернувшим ее свидетелем (хотя здесь налицо все признаки гражданских правоотношений и автономия воли учитывается потенциальным вознаграждением), но и будет упущено предусмотренное законодательством существо находки как случая возникновения обязательства *ex lege* (из закона), что является следующей проблемой.

3. Действительно, обязанности нашедшего, например, по хранению вещи относятся комментаторами Германского гражданского уложения (BGB) к обязательствам из закона — *obligatio ex lege*⁹, что в силу генетических связей правовых систем можно предположить и для российского права. Особенности возникающего из факта находки обязательства действительно значимым образом отличают его от более распространенных обязательств (договорных, деликтных, кондикционных). Нашедший становится обязанным неизвестному ему лицу, которое он зачастую не может идентифицировать, несмотря на то, что граждане выступают в обороте под своим именем, а юридические лица — под наименованием (в том числе фирменным). Само по себе это не крамольно, ведь идентификация контрагента даже по договорному обязательству возможна псевдонимом, чужим именем, внешним видом и иными признаками, но в случае с нахождением — это сопряжено со второй особенностью обязательства из нахождения: возникновению обязанностей независимо от воли нашедшего.

Трудность здесь связана и с противоречивостью самой категории обязательств из закона, как характерно показано в специально посвященной противоречивости этой категории диссертации: эти признаваемые еще таким вдохновителем современного западного права как Г. Гроций и Э. Потье, обязательства слишком разнообразны и в настоящее время к ним могут быть отнесены многочисленные обязанности профессионалов по отношению к непрофессионалам: в отношениях b2c (потребительских);

7. Cassazione civile, Sez. I, sentenza n. 6504 del 19 luglio 1996.

8. Титов И.Г. Указ. соч. С. 236-238.

9. Staake M. Gesetzliche Schuldverhältnisse. Springer, 2014. S. 571.

g2c (частноправовых между гражданами и государством) и g2b (частноправовых между бизнесом и государством), в том числе гарантийных обязательствах изготовителей или продавцов товаров¹⁰, то есть подобные обязательства существуют исторически, сохраняются и развиваются, но при этом остаются противоречивой и разнородной категорией.

Заметим, что в природе традиционной римской категории *obligatio ex lege* особая сложность состоит в том, что она сформировалась до разделения обязательства и обязанности, поэтому она может при первом приближении удачнее восприниматься современным читателем и как «обязанность из закона».

Проблемна природа и обязанности титульного владельца по вознаграждению нашедшего. Существует мнение, что она относится к еще одной редкой разновидности обязательств (и обязанностей, учитывая замечание выше) — *obligatio propter rem*¹¹, то есть обязанностей собственника в силу факта собственности (которым при этом могут приписывать в различных теоретических построениях как вещно-правовые, так и обязательственно-правовые черты). В общих чертах это можно описать так: собственник должен выплатить вознаграждение нашедшему именно по той причине, что он собственник, но это не обязательно его бремя как собственника, это относительная обязанность к конкретному лицу, возникшая у него, потому что он был собственником и случилась цепочка юридических фактов.

Перспективным для разработки видится вопрос о том, что коль скоро едва ли не главное свойство *obligatio propter rem*¹² — это следование за вещью, то возможно ли отчуждение потерянной вещи невладельцем собственником с переходом обязанности по вознаграждению?

Однако можно все-таки признать, что обязательственно-правовой эффект находки состоит, во-первых, в обязанностях нашедшего типов *facere*

и *dare*: хранить, проинформировать и вернуть (коль скоро это обязательство, то оно может защищаться со стороны титульного владельца обязательственным иском, в том числе, о возмещении убытков, если вещь повреждена, погибла, или была просрочка возврата), а, во-вторых, в обязанности титульного владельца уплатить вознаграждения. Для обеих обязанностей помимо закона и права собственности элементом сложного юридического состава выступает сам факт нахождения. Кстати, обязанность нашедшего проинформировать оказывается едва ли не древнейшей информационной обязанностью в частном праве, что также может быть важно для дальнейших исследований.

Дополнительно из действий нашедшего могут возникать и иные обязательственные субъективные права и обязанности, защищаемые разными исками. Так, Германии известен случай деликтного иска по отношению к нашедшему, который нашел вещь, оставленную в лесу в рамках игры по ориентированию, но в силу тяжести лишь переместил ее в более удачное место¹³.

Кроме того, если потерявший публично объявил награду, то обязательственное правоотношение возникает еще и из этого факта, а если нашедший и потерявший обсудили вопросы находки и вознаграждения, то уже можно ставить вопрос о квазидоговорном обязательстве.

4. Говоря о находке как обязательстве, нельзя не затронуть и потенциальный субъектный статус и здесь помимо сразу приходящих на ум сложностей с публично-правовым образованием в качестве нашедшего возникает и еще более глубокий вопрос: может ли быть нашедшим юридическое лицо? Этот вопрос обусловлен двумя проблемами: во-первых, неоднозначной природой действий юридического лица (они всегда являются действиями других лиц), а, во-вторых, тем, что деятельность юридического лица, как правило, носит профессиональный характер, что влечет для него ряд презумпций и фик-

¹⁰ Faillace S. La controversa categoria delle obbligazioni ex lege. Tesi di dottorato. Bologna, 2007. P. 182-190.

¹¹ Mussi C.A. Oneri reali, obbligazioni propter rem e vincoli reali atipici. Tesi di dottorato. Pavia, 2017. P. 71.

¹² Пономарева Э. С. *Obligatio propter rem*: проявление несвободы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 11. С. 57-100.

¹³ LG Heidelberg, Urteil vom 04.03.2013 – 5 S 61/12.

циональных вменений. Действительно, нетрудно представить себе гражданина, который после своей основной деятельности (скажем, чтения лекции) идет по улице домой и находит вещь. Но странно представить, что у банка есть время или обстоятельства, когда он перестает быть профессионалом экономического оборота (пусть даже в конкретном правоотношении он менее профессионален, чем другая сторона, что может иметь значение при применении толкования договора *contra proferentem*).

Показателен пример из немецкой судебной практики: 12 сентября 1984 г. гражданин посетил продовольственный отдел супермаркета в качестве покупателя. Там он обнаружил под полкой среди расставленных товаров купюру в тысячу немецких марок и передал ее администратору магазина. Банкнота была перемешана с другими наличными в кассе. Потерявший не объявился, и в марте 1985 года истец безуспешно требовал от ответчика возврата банкноты. Но магазин отказал, считая, что раз вещь находилась на полках, то она уже была во владении магазина, тем более, что подобная презумпция владения признавалась германским правом для органов публичной власти и транспортных организаций, следовательно, магазин считал себя нашедшим (первым завладевшим найденным) и приобретшим правом собственности. Однако суды встали на сторону покупателя, учитывая, кратко говоря, что никаких активных действий нашедшего магазин предпринять раньше покупателя не успел¹⁴.

5. Нельзя обойти вниманием природу находки в общей системе юридических фактов.

К.П. Победоносцев пишет, что находка по своему характеру — это «случайность с той и другой стороны», указывая, что если у собственника было намерение «положить» вещь или у нашедшего — «взять вещь со знанием, что она положена, то нет находки»¹⁵. О.А. Красавчиков относил находку к поступкам¹⁶, поскольку совершается действие, но воля не

направлена на юридический результат. Обоснование этого утверждения состоит в том, что без обладающего волей субъекта — нашедшего — находка (нахождение) как юридический факт невозможны. Но хрупкость конструкции состоит в том, что находка происходит вообще без приложения воли (в отличие от другого приводимого О.А. Красавчиковым примера — создания литературного произведения, когда воля автора направлена на появление творческого результата, но не на появление интеллектуальных прав) и поэтому можно согласиться с К.П. Победоносцевым, что она является случайностью, отнеся ее к событиям. Отсутствием какой-либо воли нахождение отличается от кладоискательства, где квалификация юридических фактов оказывается еще труднее.

Заметим, что, по мнению М.А. Рожковой, для возникновения права собственности нашедшего требуется (помимо нахождения) и определенный набор «отрицательных юридических фактов» (понимаемых ею самой небуквально и критично, а именно как установление отсутствия содержания определенных фактов¹⁷), из чего можно заключить, что юридические последствия находки всегда являются результатом сложного сочетания разных юридических фактов.

6. Небезынтересно оценить положения о находке и с точки зрения правовых обычаев. Исследовавший обычное право русских крестьян С.В. Пахман характеризовал находку как «особый и довольно сложный институт»¹⁸.

Понятно, что в условиях крестьянской жизни находка является достаточно частым явлением. Из приводимых им выдержек и выводов из практики волостных судов немало моментов интересны для оценки законодательного регулирования и сопоставления бытового и профессионального правосознания: нашедший нередко считал себя уже собственником всей вещи или по крайней мере ее поло-

¹⁴ Bundesgerichtshof – VIII ZR 379/86, Entscheidung vom 24.06.1987.

¹⁵ Победоносцев К.П. Курс гражданского права Том 1. М.: Зерцало, 2003. С. 375.

¹⁶ Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. Т.2. М.: Статут, 2005. С. 169.

¹⁷ Рожкова М.А.: Юридические факты в гражданском праве. Приложение к ежемесячному юридическому журналу «Хозяйство и право». 2006. № 7. С.32-33.

¹⁸ Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. М.: Зерцало, 2003. С. 39.

вины (хотя сами обычаи и практика волостных судов требовали для возникновения права собственности выполнения обязанностей по заявлению о находке, к тому же С.В. Пахман справедливо уличает утверждение крестьян о том, что они собственники в силу самого факта находки, в известном лукавстве: если нашедший считал себя собственником, то почему на этом основании он пытался скрыть от посторонних факт находки?). Разумным вознаграждением считалась сумма в четверть или треть стоимости вещи (что в любом случае больше установленных в настоящее время в п. 2 ст. 229 ГК РФ – 20 процентов), а если показания нашедшего и собственника расходились, то волостные суды применяли правило «грех пополам» и делили на два, например, заявленную соб-

ственником сумму, находившуюся в потерянном кошельке.¹⁹

Подведем некоторые итоги. Среди многочисленных проблем, связанных с институтом находки, немало обусловлены тем, что находка (нахождение) имеет вещно-правовой, так и обязательственно-правовой эффект, являясь элементом сложного юридического состава не только для возникновения права собственности, но и для обязательств *ex lege*. Объектом находки (найденным) могут быть вещи, причем не только индивидуально-определенные, как это ошибочно указывается в литературе. Права по обязательству между нашедшим и титульным владельцем могут защищаться деликтными и, по-видимому, квазидоговорными исками.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. Т.2. М.: Статут, 2005. 493 с.
2. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. М.: Зерцало, 2003. 700 с.
3. Петкилев П. И. Пределы делимости денег // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики: сборник статей XX Международной студенческой научно-практической конференции. Москва, 01– 02 апреля 2021 года / Российский государственный университет правосудия. М: РГУП, 2022. С. 232-234.
4. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В трех томах. Том 1. М.: Зерцало, 2003. 768 с.
5. Пономарева Э. С. *Obligatio propter rem*: проявление несвободы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 57-100.
6. Рожкова М.А. Юридические факты в гражданском праве. Приложение к ежемесячному юридическому журналу «Хозяйство и право». 2006. № 7. 78 с.
7. Титов И.Г. Находка как первоначальный способ приобретения права собственности // Актуальные проблемы правоповедения в современный период: сб. статей / под ред. В.Ф. Воловича. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 235-238.
8. Faillace S. *La controversa categoria delle obbligazioni ex lege*. Tesi di dottorato. Bologna, 2007. 221 p.
9. Mussi C.A. *Oneri reali, obbligazioni propter rem e vincoli reali atipici*. Tesi di dottorato. Pavia, 2017. 264 p.
10. Staake M. *Gesetzliche Schuldverhältnisse*. Springer, 2014. 673 S.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Krasavchikov O.A. *Kategorii nauki grazhdanskogo prava. Izbrannye trudy*. T.2. M.: Statut, 2005. 493 s.
2. Pahman S.V. *Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii*. M.: Zercalo, 2003. 700 s.
3. Petkilev P. I. *Predely delimosti deneg // Regulirovanie pravootnoshenij: problemy teorii i praktiki: sbornik statej HX Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, 01– 02 aprelja 2021 goda / Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudija. M: RGUP, 2022. S. 232-234.*
4. Pobedonoscev K.P. *Kurs grazhdanskogo prava: V treh tomah. Tom 1. M.: Zercalo, 2003. 768 s.*
5. Ponomareva Je. S. *Obligatio propter rem: projavlenie nesvobody // Vestnik jekonomicheskogo pravosudija Rossijskoj Federacii. 2020. № 1. S. 57-100.*
6. Rozhkova M.A. *Juridicheskie fakty v grazhdanskom prave. Prilozhenie k ezhemesjachnomu juridicheskomu zhurnalu «Hozjajstvo i pravo»*. 2006. № 7. 78 s.
7. Titov I.G. *Nahodka kak pervonachal'nyj sposob priobretenija prava sobstvennosti // Aktual'nye problemy pravovedenija v sovremennyj period: sb. statej / pod red. V.F. Volovicha. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1996. S. 235-238.*

¹⁹ Пахман С.В. Указ. соч. С. 39-41.

Ю.А. СВИРИН

Некоторые проблемы оспаривания сделок должника при банкротстве

АННОТАЦИЯ. Несмотря на то, что правовой механизм защиты прав кредиторов в банкротных отношениях существует давно, в доктрине не сложилось единого мнения относительно правовой природы оспаривания сделок должника, совершенных с третьими лицами. Доктриной выработано несколько теорий, имеющих как положительные, так и отрицательные черты. Отсутствие единой доктринальной правовой позиции детерминирует поляризацию судебского мнения по аналогичным делам. В статье автор проводит анализ различных теорий по исследуемой проблеме, а также анализ сделок и высказывает свое видение решения проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: банкротство, сделки должника, защита прав кредиторов.

СВИРИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), академик РАЕН, Почетный адвокат России (e-mail: usvirin@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7616-2637>).

Институт банкротства содержит в себе нормы, регулирующие механизм восстановления имущественных прав конкурсных кредиторов посредством оспаривания сделок должника, совершенных с третьими лицами. Несмотря на то, что данный механизм существует уже несколько лет, до настоящего времени не устранены некоторые проблемы, имеющие место в правоприменительной практике. Это прежде всего связано с тем, что нарушение имущественных прав кредиторов при банкротстве должника зачастую носит не прямой, т.е. опосредованный характер, поэтому восстановление прав кредитора происходит путем принуждения контрагента должника вернуть должнику все полученное по ранее совершенной сделке. Иными словами, права кредиторов должника нарушаются ранее совершенной сделкой, в которой кредитор не являлся стороной.

Защита нарушенных прав кредиторов в банкротных отношениях происходит посредством признания сделки недействительной, что влечет восстановление положения, которое существовало до нарушения права. Такая правовая конструкция была сконструирована законодателем для конкурсных правоотношений. Посредством данного механизма происходит признание стороной, не

участвующей в сделке, ранее совершенной сделки недействительной. Сами последствия признания сделки недействительной являются нетипичными для таких видов споров, поскольку не соответствуют общим положениям о последствиях недействительности сделок, предусмотренных статьей 167 ГК РФ.

На первый взгляд, правовая природа последствий недействительности сделок при банкротстве должника соответствует двухсторонней реституции. Однако, как справедливо указывает М.В. Столярчук, некорректно отождествлять положение ст. 61.6 закона о банкротстве с реституцией¹. Правовой механизм признания сделок недействительными по закону о банкротстве имеет разную правовую природу по сравнению с реституцией, поскольку у них разные цели и разные основания удовлетворения требований кредиторов. Применение двухсторонней реституции при восстановлении прав кредиторов может привести к двойному обогащению должника в банкротных отношениях. Например, когда суд признал сделку недействительной и решение суда вступило в законную силу, а после третье лицо погасило задолженность должника перед кредиторами. В этом случае должник получает двойную выгоду.

¹ Столярчук М.В. Правовая природа последствий недействительности сделок должника при банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7. С. 115-123.

Основанием, лежащим в основе оспаривания сделки должника, является нарушение имущественных прав кредиторов, не являющихся стороной сделки, поскольку такая сделка влечет уменьшение конкурсной массы. При этом формальным основанием признания соответствующих сделок недействительными является нарушение требований статьи 168 ГК РФ.

Учитывая неоднозначный подход законодателя относительно механизма восстановления прав кредиторов в банкротных отношениях, доктрина мимикрирует к сложившимся обстоятельствам. Поэтому в научной литературе выработаны различные концепции оспаривания сделок должника.

Так, согласно деликтной теории, основанием для опровержения сделки является нарушение права. Нарушение права кредитора совершает должник и его контрагент, при этом вред причиняется третьему лицу (кредитору в банкротных отношениях). Как полагал А.Х. Гольмстен, сторона, которая является стороной в сделке, является соучастницей гражданского правонарушения². Деликтная теория имеет как положительные стороны, так и отрицательные. По мнению Г.Ф. Шершеневича, теория деликта не предусматривает, что может быть оспорена безвозмездная сделка, т.е. оспариваемая сделка всегда должна быть возмездной³. Помимо этого, в данном случае ущемляются права кредиторов, которые не предполагают, что их право нарушено, а промежуток времени между нарушением права и тем, когда они узнали о таком нарушении, отрицательно сказывается на восстановлении права кредитора.

Теория квазиделикта направлена на устранение указанных негативных последствий для сторон, вытекающих из теории деликта. В соответствии с данной теорией, даже если в действиях лица отсутствует прямой злой умысел, они все же опро-

вержимы и должны рассматриваться судами как злонамеренные.

Легальная теория основана на том, что в интересах кредитора возникают обязательственные отношения между кредитором и лицом, которое приобрело имущество, как бы минуя должника. В таком случае, по мнению В.Г. Федорова, кредитор может требовать имущество, приобретенное третьим лицом на основе особого обязательственного правоотношения, именуемого *obligatio ex lege*⁴. При этом появляется новое обязательство, которое нельзя квалифицировать как договор или правонарушение, что противоречит правовой доктрине обязательственного права и, следовательно, является недостатком легальной теории.

Французская залоговая теория согласуется с легальной теорией, она допускает опровержение действий должника, поскольку нарушены вещные права кредитора. Поскольку праву кредиторов на имущество должника придается вещный характер, то французская теория не лишена пруденциальности.

В цивилистической науке также разработана теория исполнительной силы, сторонники которой отрицают обязательственные отношения между кредиторами и между третьими лицами. Теория исполнительной силы имеет практические корни, поскольку связана с принудительным исполнением путем обращения взыскания на имущество. Здесь право кредитора на опровержение сделки должника является более широким по сравнению с правом на взыскание в судебном порядке.

В юриспруденции имеют место и иные теории⁵.

При разнообразии выработанных теорий защиты прав кредитора в цивилистике предпочтение отдается деликтной теории, которая с точки зрения некоторых авторов имеет наибольший научный интерес. Однако, применение данной теории на

2. Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе. М., 1894. С. 20.

3. Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890. С. 269.

4. Федоров В.Г. Право опровержения действий, совершаемых должником в ущерб кредиторов. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1913. С. 18.

5. См.: подробнее: Кравченко Е.А. Проблемы защиты и реабилитации должника при несостоятельности (банкротстве) в Великобритании, Германии, США, Франции, России (сравнительно-правовой анализ): дис. ...канд. юрид. наук. М., 2003.

практике вряд ли целесообразно, поскольку не позволяет найти признаки деликта при совершении безвозмездной сделки, а, следовательно, такую теорию нельзя назвать универсальной.

Сделки, направленные на сокращение общей стоимости активов должника либо на сокрытие таких активов в пользу контролирующих должника лиц, выделены российским законодателем в отдельную норму права и названы подозрительными сделками.

Статья 61.2 закона о банкротстве содержит, по сути, два самостоятельных основания оспаривания сделок. Как отмечается в научной литературе, такие сделки делятся на два вида: неравноценные сделки и сделки с предпочтением.

Неравноценные сделки — это сделки с неравноценным встречным исполнением, когда имущество было реализовано должником по цене ниже рыночной. Таким образом, кредиторы могли получить больше денег, но не достигли этой цели в результате противоправных действий должника. Если бы должник реализовал актив по рыночной цене, кредиторы получили бы большее возмещение.

К сделкам с предпочтением следует отнести такие сделки, когда один из кредиторов получил больше, чем он мог получить в результате банкротства должника. Поэтому в рамках процедуры банкротства при оспаривании сделок необходимо устанавливать причины и предпосылки уменьшения имущества должника. Только после выявления причин и предпосылок имущественного состояния должника возможно аргументировать действия, которые обладают признаками недобросовестности должника и их последующего оспаривания.

В случаях преднамеренного и фиктивного банкротства должник стремится заблаговременно распорядиться своими обязательствами или совершить иные действия, влекущие банкротство. Например, должник может исказить финансовую отчетность. В результате таких действий должник получает неправомерную выгоду самой процеду-

рой банкротства, что, безусловно, идет вразрез с самой целью банкротства. В такой ситуации важно обосновать промежуток времени, в течение которого сделки должника могут быть поставлены под сомнение. Причем такое обоснование должно иметь доктринальные корни.

Н.Е. Волкова при квалификации оспариваемых сделок указывает на интервал между моментом заключения сделки и подачей заявления о признании должника банкротом. В связи с чем она выделяет следующие сделки:

- 1) сделки, заключенные за 1 месяц до принятия заявления о банкротстве судом;
- 2) сделки, заключенные с кредитором за 6 месяцев до принятия заявления, при условии, что кредитор располагал сведениями о возможном банкротстве компании-стороны сделки;
- 3) сделки, заключенные за 1 год до принятия заявления;
- 4) сделки, заключенные за 3 года до принятия заявления о банкротстве⁶.

Целесообразность такого деления сделок в настоящее время вызывает сомнение, поскольку в соответствии со ст. 61.2 п. 1 закона о банкротстве оспорить можно сделку, совершенную за один год до принятия заявления о признании должника банкротом, к тому же сама автор убедительно не аргументирует свою позицию.

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ предлагал классифицировать сделки должника, причиняющие вред кредитору, на три вида:

- 1) сделки, которые влекут уменьшение конкурсной массы должника. Это могут быть сделки с неравноценным встречным исполнением или безвозмездной передачей имущества. Сюда же можно отнести и сделки, когда имущество было реализовано по заниженной цене;
- 2) сделки, направленные на увеличение имущественных требований к должнику. Например, заключение не обоснованных договоров поручительства или совершение сделок, направленных на искусственное формирование кредиторской задолженности и др.;

6. Волкова Н. Е. Классификация оспариваемых при банкротстве сделок и соотношение по ним общих и специальных норм // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 63.

3) все иные сделки, которые влекут причинение вреда интересам кредиторов⁷.

Для определения вида недействительности сделок следует использовать положения статьи 168 ГК РФ.

Сделки, совершенные без согласия временного управляющего, имеют порок законности содержания. В статье 168 ГК РФ существенно изменено правовое регулирование недействительности сделок с пороками содержания. В прежней редакции такие сделки признавались ничтожными, если иное не было предусмотрено законом.

В действующей редакции статьи 168 ГК РФ незаконные по содержанию сделки признаются оспоримыми, кроме сделок, посягающих на публичные интересы. Такие сделки, как указывается в законе, признаются ничтожными сделками, если из закона не следует иное.

В гражданском законодательстве имеются специальные нормы, которые также могут быть использованы для определения вида недействительности сделок, совершенных в процедуре наблюдения.

Согласно положениям статьи 173.1 ГК РФ сделки являются оспоримыми, если из закона не следует иное. Поскольку в законе о банкротстве, для сделок, совершенных в процедуре наблюдения, отсутствует иное, постольку сделки, требующие согласия временного управляющего, совершенные или исполненные без такого согласия, следует признать оспоримыми. В связи с чем Т.П. Шишмарева справедливо указывает что, сделки, совершенные без согласия временного управляющего, посягают на права и охраняемые законом интересы третьих лиц – кредиторов неплатежеспособного должника, а потому могли быть признаны ничтожными в силу пункта 2 статьи 168 ГК РФ, однако, согласно статье 173.1 ГК РФ, являются оспоримыми⁸.

Однако, как нам представляется, наличие в

законе о банкротстве особых оснований для оспаривания сделок не препятствует суду определять сделку как ничтожную, если при ее совершении допущено злоупотребление правом. К сожалению, до настоящего времени как в судебной практике, так и законодателем не выработаны критерии разграничения общих и специальных оснований оспаривания. Указанный вакуум нарушает баланс интересов сторон банкротных отношений и не способствует реализации задач, стоящих перед институтом банкротства.

Суды в основном квалифицируют сделку как недействительную на основании пункта 2 статьи 61.2 закона о банкротстве и статей 10, 168 ГК РФ одновременно. Истцы, оспаривая сделку в рамках банкротных процедур, в основном ссылаются на максимальное количество оснований с тем, чтобы суд потом выбрал одно наиболее приемлемое.

В делах о банкротстве граждан указанная проблема еще более обостряется. Сделки, совершенные гражданами с целью причинить вред кредиторам, могут быть признаны недействительными в рамках статьи 10 ГК РФ. Поэтому такие сделки, признаются судами, совершенными со злоупотреблением правом. Зачастую положения статьи 10 ГК РФ используются для обхода правил о сроке давности по специальным основаниям оспаривания сделок. Так, срок исковой давности по общему порядку оспаривания составляет один год с момента, когда управляющий узнал или должен был узнать о наличии оснований для оспаривания сделки. Для оспаривания сделок по статьям 10 и 168 ГК РФ (как ничтожные сделки) срок давности составляет три года, исчисляемый либо со дня начала исполнения сделки, либо, если это делает третье лицо, с момента, когда оно узнало (должно было узнать) о начале ее исполнения, но не раньше введения первой процедуры банкротства.

С целью обхода обычного срока исковой давности оспаривания сделок недобросовестные участ-

7. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 14.04.2009 № 129 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами абзаца второго пункта 1 статьи 66 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // <http://publication.pravo.gov.ru/>.

8. Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018. С. 86.

ники процедуры банкротства оспаривают сделки по статьям 10 и 168 Гражданского кодекса. В связи с чем Верховный Суд РФ указал, что если оспаривание сделок проходит в процедуре банкротства, то, чтобы применить основания для оспаривания сделки, предусмотренные статьями 10 и 168 Гражданского кодекса, должны иметься факты, которые будут выходить за пределы диспозиции п. 2 ст. 61.2 закона о банкротстве. Таким образом, Верховный Суд РФ сформулировал правовую позицию, согласно которой основания признания сделок должника по нормам гражданского кодекса

и нормам закона о банкротстве являются самостоятельными механизмами защиты прав кредиторов.

В правоприменительной практике также нет единообразия по поводу выбора правового механизма оспаривания сделок, совершенных гражданином – индивидуальным предпринимателем. Как нам представляется, если физическое лицо на момент совершения сделки имело статус индивидуального предпринимателя, то сделки должны оспариваться по специальным основаниям закона о банкротстве, а не по нормам Гражданского кодекса РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волкова Н. Е. Классификация оспариваемых при банкротстве сделок и соотношение по ним общих и специальных норм // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 63-65.
2. Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе. М.: Типография М.М. Стасевича, 1894. 259 с.
3. Столярчук М.В. Правовая природа последствий недействительности сделок должника при банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7. С. 115-123.
4. Федоров В.Г. Право опровержения действий, совершаемых должником в ущерб кредиторов. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1913. 45 с.
5. Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань: тип. ун-та, 1890. 446 с.
6. Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут. 2018. 237 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

7. Volkova N. E. Klassifikacija osparivaemyh pri bankrotstve sdelok i sootnoshenie po nim obshhix i special'nyh norm // Juridicheskaja nauka. 2021. № 4. S. 63-65.
8. Gol'msten A. H. Uchenie o prave kreditora oprovergat' juridicheskie akty, sovershennye dolzhnikom v ego ushherb, v sovremennoj juridicheskoy literature. M.: Tipografija M.M. Stasevicha, 1894. 259 s.
9. Stoljarchuk M.V. Pravovaja priroda posledstvij nedejstvitel'nosti sdelok dolzhnika pri bankrotstve // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023. № 7. S. 115-123.
10. Fedorov V.G. Pravo oproverzhenija dejstvij, sovershaemyh dolzhnikom v ushherb kreditorov. SPb.: tip. t-va «Obshhestv. pol'za», 1913. 45 s.
11. Shershenevich G. F. Uchenie o nesostojatel'nosti. Kazan': tip. un-ta, 1890. 446 s.
12. Shishmareva T. P. Nedejstvitel'nost' sdelok i dejstvij v procedurah nesostojatel'nosti v Rossii i Germanii. M.: Statut. 2018. 237 s.

Л.А. БУКАЛЕРОВА, Н.В. КУЗНЕЦОВА

О месте конфискации имущества в системе мер уголовно-правового воздействия за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена особенностям уголовной ответственности за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). Выявлены недостатки правового регулирования, препятствующие применению института конфискации имущества за преступления в рассматриваемой сфере. Сформулированы предложения, способствующие решению указанной проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: внешнеэкономическая деятельность, преступление, уголовная ответственность, конфискации имущества, контрабанда, Евразийский экономический союз.

БУКАЛЕРОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор юридических наук, профессор, проректор Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: l_a_buka@mail.ru);

КУЗНЕЦОВА НАДЕЖДА ВЯЧЕСЛАВОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики ФСИН России (ВИПЭ ФСИН России) (e-mail: nadezda17041976@yandex.ru).

Институт конфискации имущества не является нововведением для современного отечественного уголовного законодательства, поскольку до 2003 года конфискация включалась в систему уголовных наказаний всех редакций уголовных кодексов страны. Ее повторному появлению в уголовном законе в статусе иной меры уголовно-правового характера способствовала ратификация РФ нескольких международных конвенций, посвященных вопросам противодействия коррупции¹, терроризму², транснациональной организованной преступности³, в тексте которых содержались пункты о наличии возможности конфискации доходов, имущества, полученного преступным путем, или иных средств, использовавшихся для совершения преступлений.

Цель исследования заключается в выявлении пробелов законодательного конструирования нормы, связанной с возможностью применения конфискации имущества за совершение внеш-

неэкономических преступлений, в обосновании необходимости внесения изменений в содержание ст. 104.1 УК РФ «Конфискация имущества», направленных на расширение возможности применения данного института для охраны внешнеэкономических отношений. Поиск путей решения осуществляется с использованием метода анкетирования, анализа, синтеза, методов сравнительно-правового, формально-юридического, статистического анализа.

В современных условиях практически любое государство испытывает потребность в международной экономической и иной интеграции ввиду больших выгод и преимуществ от сотрудничества на основе партнерских отношений. Данный процесс закономерен, поскольку в одиночку сложнее добиться экономического роста и развития, обеспечить собственную экономическую и национальную безопасность. Поэтому государ-

1. См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СЗ РФ.2006. № 26. Ст. 2780.

2. См.: Международная Конвенция по борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года // Бюллетень международных договоров. № 5.2003.

3. См.: Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // СЗ РФ.2004. № 40. Ст. 3882.

ства вступают в межгосударственные объединения, чему способствует географическая близость, исторически сложившиеся связи, а также общность экономических, политических, социальных и иных интересов. Существенным достижением во внешнеполитической деятельности стало создание Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС), деятельность которого направлена, прежде всего, на стабильное развитие экономик государств-участников: Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан и России. Таким образом, создание межгосударственных экономических союзов является перспективным направлением обеспечения национальной безопасности.

В настоящее время состояние внешнеторговых связей отражают статистические показатели Федеральной таможенной службы РФ, которые свидетельствуют об увеличении внешнеторгового оборота с иностранными партнерами, что благоприятным образом сказывается на пополнении федерального бюджета. Так в 2022 году, несмотря на санкционную политику недружественных стран, внешнеторговый оборот России увеличился на 8,1%, а доходы от внешнеэкономических операций в анализируемый период превысили 6 трл руб., что сопоставимо с показателями доходности до введения известных ограничений (2018–2021 г.г.)⁴.

Для благоприятного развития внешнеэкономических отношений государство обязано обеспечить наличие сбалансированного законодательства, которое будет выполнять не только регулятивную, но и охранительную функции. В таком случае стабильное развитие экономики позволит обеспечить безопасность и защитить национальные интересы страны⁵.

В настоящее время функционирование единого экономического пространства в рамках ЕАЭС связано со свободным перемещением товаров, работ и услуг, не применением отдельных таможенных

операций (контроля) в отношении товаров, произведенных в странах ЕАЭС. В то же время указанный фактор способствует и криминализации отношений в сфере внешнеэкономической деятельности, поскольку при минимальных затратах она традиционно приносит существенные доходы преступникам.

К числу уголовно наказуемых деяний, посягающих на внешнеэкономические отношения, в настоящее время можно отнести следующие преступления: ст. 189, 190, 193, 193¹, 194, 200¹, 200², 226¹, 229¹ УК РФ, поскольку все они обладают едиными специфическими признаками, позволяющими выделить их в отдельную классификационную группу. В частности, указанные общественно опасные деяния имеют схожий групповой объект, под которым понимаются общественные отношения, урегулированные нормами как национального, так и международного права. Участниками данных отношений выступают представители различных государств, деятельность которых направлена на систематическое получение прибыли. В качестве предмета отношений в рассматриваемой сфере выступают товары, работы и услуги, перемещаемые через таможенные (государственные) границы.

Общественная опасность рассматриваемых преступлений обусловлена не только не поступлением в бюджет страны доходов, администрируемых таможенными органами, но и причинением вреда общественной безопасности, здоровью населения, если, например, контрабандным путем перемещаются предметы, изъятые из свободного оборота. Так, только в 2022 году ущерб, причиненный РФ от неуплаты таможенных платежей, составил 6 млрд руб. В результате нарушения валютного законодательства не репатрировано резидентам более 19 млрд руб., с использованием подложных документов на счета нерезидентов незаконно перечислено свыше 10 млрд руб. Из свободного оборота таможенными органами изъято более 2 тонн

4. См.: Федеральная таможенная служба (официальный сайт) / Основные результаты деятельности ФТС России в 2022 году // URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2023-03/09/itog_doklad_2022.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

5. См.: Гусейнова А. А., Ткачева Ю. А. Международно-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности // Молодой ученый. 2014. № 21.2. С. 20.

наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, свыше 68 кг сильнодействующих веществ⁶.

Направленность на систематическое получение прибыли от незаконных действий в рассматриваемой сфере свидетельствует о необходимости назначения за внешнеэкономические преступления уголовных наказаний, применения иных мер, связанных преимущественно с негативным экономическим, трудовым либо имущественным воздействием на осужденного. Изучение соответствующих санкций УК РФ позволило сделать вывод о том, что отечественный законодатель в целом соблюдает данное правило.

Так, в качестве основных видов наказаний используются: штраф (ст. 189, 194, 200¹ УК РФ и др.), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 189 УК РФ), обязательные работы (ст. 194 УК РФ), ограничение свободы (ст. 200¹ УК РФ), принудительные работы (ст. 189, 190, 193, 194 УК РФ и др.), лишение свободы (ст. 193, 200² УК РФ и др.). В качестве дополнительных: штраф (ст. 189, ст. 190, 194 УК РФ и др.), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 189, 194 УК РФ), ограничение свободы (ст. 194, 200² УК РФ). Результаты изучения позволяют прийти к выводу о приоритете назначения штрафа и ограничения свободы. Подобный подход прослеживается и в национальных уголовных законах государств, входящих в ЕАЭС, а также странах, находящихся в статусе наблюдателей, например Молдова, или имеющих перспективы присоединения (Вьетнам, Китай, Иран, Сингапур, Сербия).

Помимо наказаний уголовная ответственность реализуется посредством применения и иных мер уголовно-правового характера, которые могут назначаться за совершение преступлений в сфе-

ре внешнеэкономической деятельности. К ним относится конфискация имущества, конфискация денежных средств или иного имущества при отсутствии предмета, подлежащего конфискации, а также судебный штраф.

К сожалению, законодатель при конструировании ст. 104.1 УК РФ предусмотрел конфискацию у виновных денег, ценностей, иного имущества, полученного незаконным путем в результате внешнеторговых операций только за совершение преступлений, предусмотренных ст. 189 УК РФ. Норма устанавливает ответственность за незаконный экспорт, передачу товаров, технологий, вооружения, военной техники или незаконное выполнение работ, оказание услуг, в отношении которых установлен экспортный контроль. В остальных случаях конфискации подлежит только предмет незаконного перемещения (ст. 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ). Однако и здесь преступник может избежать конфискации, указав, что перемещаемый незаконно товар ему не принадлежит⁷.

Так, изучение судебной практики о конфискации имущества или предмета преступления показало минимальные значения. В частности, за период с 2020 по 2022 г.г. по ст. 189 УК РФ осуждено всего 7 человек. Конфискация имущества согласно п. «а» ч.1 ст. 104.1 УК РФ не применялась⁸. Аналогичная ситуация с конфискацией предмета незаконного перемещения. Например, конфискация денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ) в 2020 г. производилась только в 10% случаев от общего количества осужденных (к 3 из 30), в 2021 г. 11,4% (к 4 из 35), в 2022 г. 12,1% (к 4 из 33). При этом количественные показатели о привлечении лиц к ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 198, 190, 193, 193.1, 194, 200.1, 200.2 УК РФ, показывают устойчивый рост. За последние три года показатель судимости фактически увеличился в 1,5 раза (2020 г. осуждено

6. См.: Федеральная таможенная служба (официальный сайт) / Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2022 год [Электронный ресурс] // URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravoohranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovaniy-i-doznaniya/document/376517> (дата обращения 01.07.2023).

7. См.: Колоколов Н. Контрабанда: конфискация имущества реанимирована? // ЭЖ-Юрист. 2015. № 47. С. 15.

8. См.: Судебный Департамент при Верховном суде (официальный сайт). Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020, 2021, 2022 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 11.08.2023).

150 человек, 2021 г. осуждено 204 человека, 2022 г. осуждено 220 человек)⁹.

При этом государства – участники ЕАЭС, а также иные страны, которые в будущем могут расширить союзное государство, предусматривают в национальных уголовных законах возможность применения конфискации за преступления, совершаемые во внешнеэкономической сфере. В этой связи интересен опыт Кыргызстана. При конструировании соответствующей нормы (с. 69 УК)¹⁰ законодатель отказался от перечисления отдельных составов преступлений, при совершении которых может быть назначена конфискация. Таким образом, конфискация может быть применена за совершение любого преступления, в том числе и во внешнеэкономической деятельности.

Так, например, законодатель Молдовы в гл. X уголовного кодекса¹¹ (ст. 106–106-1) определяет конфискацию как меру безопасности, фактически разделяя ее на два вида: специальную и расширенную. Их применение позволяет изымать имущество и иные активы, полученные не только вследствие противоправных деяний в рассматриваемой сфере, но и имущество, которое не использовалось виновным для совершения преступления, и не было приобретено в результате противоправной деятельности.

Перспективы расширения союзного государства указывают на необходимость унифицированного подхода к определению не только перечня преступлений, посягающих на внешнеэкономические отношения, но и к установлению наказаний, а также иных мер уголовно-правового воздействия, в том числе и к конфискации имущества, с учетом принципа независимости и суверенитета государств, входящих в ЕАЭС.

Отсутствие возможности применения конфискации имущества в РФ за все преступления в рассматриваемой сфере приводит к возникновению правового неравенства участников внешнеэкономической деятельности, применение к ним различных мер уголовно-правового воздействия за юридически идентичные нарушения. В целом, существование такого пробела снижает эффективность решения задач, поставленных перед ЕАЭС. Внешнеэкономическая деятельность, осуществляемая с нарушением установленных правил, направлена на достижение соответствующего результата – получение незаконного обогащения. По нашему мнению, для эффективного предупреждения рассматриваемых преступлений целесообразно воздействовать именно на имущественную сферу интересов виновного лица (78 % опрошенных лиц разделяют данную точку зрения).

На сегодняшний день относительно места конфискации имущества развернулись существенные споры¹². Высказываются предложения о концептуальном пересмотре данного института и возвращению конфискации имущества в систему уголовных наказаний¹³. Указанной позиции придерживаются 86% опрошенных, выступивших за отнесение конфискации имущества к уголовному наказанию. В существующих реалиях функционирования рассматриваемого института, считаем целесообразным изменить перечень преступлений Особой части, указанных в п. «а» ч.1 ст. 104.1 УК РФ путем включения ст. 190, 193, 193¹, 194, 200¹, 200² УК РФ.

Предложенные изменения позволят конфисковать имущество виновных в совершении внешнеэкономических преступлений, что обеспечит воздействие, прежде всего, на имущественные

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики: введен в действие с 1 января 2019 года в соответствии с Законом КР от 24.01.2017 № 10; в ред. Закона КР от 21.08.2020 № 137 // Параграф: информационно-правовой портал. – URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34350840 (дата обращения: 02.07.2023).

¹¹ См.: Уголовный кодекс Республики Молдовы: закон от 18.04.2002 № 985-XV // Параграф: информационно-правовой портал. – URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34350840 (дата обращения: 02.07.2023).

¹² См.: Тюшнякова О.В. Анализ конфискации имущества: история и современность // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 72. С. 85-90.

¹³ См.: Лаптев Д.В. Возможная интерпретация расширенной конфискации имущества в уголовном праве России // Российский судья. 2018. № 8. С. 41-43.

интересы осужденного, повысит результативность предупреждения указанных деяний, будет способствовать соблюдению принципов законности и справедливости при реализации уголовной ответственности за рассматриваемые общественно опасные деяния.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гусейнов, А.А., Ткачева Ю.А. Международно-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности // Молодой ученый. 2014. № 21.2. С. 20-23.
2. Колоколов Н.А. Контрабанда: конфискация имущества реанимирована? // ЭЖ-Юрист. 2015. № 47. С. 15-20.
3. Лаптев Д.В. Возможная интерпретация расширенной конфискации имущества в уголовном праве России // Российский судья. 2018. № 8. С. 41-43.
4. Тюшнякова О.В. Анализ конфискации имущества: история и современность // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 72. С. 85-90.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Gusejnov A.A., Tkacheva Yu.A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti // Molodoy uchenyj. 2014. № 21.2. S. 20-23.
2. Kolokolov N.A. Kontrabanda: konfiskaciya imushchestva reanimirovana? // EZH-YUrist. 2015. № 47. S. 15-20.
3. Laptev D.V. Vozmozhnaya interpretaciya rasshirennoj konfiskacii imushchestva v ugovnom prave Rossii // Rossijskij sud'ya. 2018. № 8. S. 41-43.
4. Tyushnyakova O.V. Analiz konfiskacii imushchestva: istoriya i sovremennost' // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2010. № 72. S. 85-90.

В.Ф. ДЖАФАРЛИ

Типология лиц, совершающих преступные посягательства с использованием инновационных технологий (часть 2)

АННОТАЦИЯ. Данная статья продолжает тематику типологии лиц, совершающих преступные посягательства с использованием инновационных технологий. Познание специфики поведения преступника позволяет вырабатывать эффективные методики предупреждения киберкриминальных проявлений.

Автор выносит на обсуждение научного сообщества новый подход к классификации преступников эпохи 6-го технологического уклада.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: криминологическая безопасность, криминологическая кибербезопасность, криминология кибербезопасности, информационно-коммуникационные технологии, кибертехнологии, личность преступника, личность киберпреступника, Инновационный центр «РГУК-безопасность».

ДЖАФАРЛИ ВУГАР ФУАД ОГЛЫ – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и адвокатуры Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина; профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: nizami.66@mail.ru).

Вопрос о типологии лиц, совершающих преступные посягательства с использованием кибертехнологий, неизменно вызывает дискуссию на различных научных и студенческих площадках, в том числе в рамках деятельности научно-образовательного центра исследований инновационных технологий безопасности Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина (Инновационный центр «РГУК-безопасность»).

В предыдущей статье нами произведено обращение к типологиям лиц, совершающих инновационные преступления, исходя от объектного подхода, а также от наличия/отсутствия особой киберквалификации. В целом было определено, что существует две следующие группы преступников, использующих кибертехнологии:

1. *Преступники, совершающие традиционные преступления с использованием кибертехнологий.* Такие лица активно используют изначально позитивные коммуникативные возможности IP-телефонии, мессенджеров или социальных сетей – доводят до самоубийства (ст. 110 УК РФ), склоняют к совершению самоубийства или содействуют совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ), организуют деятельность, направленную на побуждение

к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ), прибегают к клевете (ст. 128.1 УК РФ), развратным действиям (ст. 135 УК РФ), мошенничеству (ст. 159 УК РФ), вымогательству (ст. 163 УК РФ), заведомо ложным сообщениям об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), незаконному сбыту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228.1 УК РФ), обороту материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ), возбуждению ненависти либо вражды, а равно унижению человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) и пр. Как видно, совершение отмеченных преступных посягательств не сопряжено с наличием у преступников высокой квалификации, что не позволяет отнести таковые к киберпреступлениям.

2. *Киберпреступники.* Здесь информационными технологами-преступниками используется инновационное программно-аппаратное оборудование (ПАО), а в качестве способа совершения деяния выступает несанкционированный доступ («взлом» (крайнинг) компьютерной системы) частного или физического лица (ст. 272 УК РФ). Современные технологии дают возможность совершать преступные действия, реализация которых не непосред-

ственным образом еще недавно казалась фантастикой, например, совершить убийство¹.

Киберпреступники совершают кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (что образует совокупность п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 272 УК РФ), мошенничество, побуждая жертву пройти по предлагаемой ими ссылке, чем активизируются вредоносные (фишинговые или троянские) программы (что образует совокупность ст. ст. 159 и 272 УК РФ), вымогательство с использованием программ-вымогателей (совокупность ст. ст. 163 и 272 УК РФ), незаконное получение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (совокупность ст. ст. 183 и 272 УК РФ) и пр.

Таким образом, характерными являются действия преступников, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), и с созданием, распространением и использованием компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации (ст. 273 УК РФ). Такие действия сопряжены с наличием высокой киберквалификации у преступников, а также образуют квалификацию по совокупности с отмеченными традиционными посягательствами.

Нами, вместе с тем, отмечается фактическое наличие третьей группы лиц, использующих кибертехнологии при совершении криминальных посягательств. Речь идет о так называемых *цифровых преступниках*. Обозначение, конечно, весьма условное, а связано оно с неспособностью современных уголовно-правовых и иных правоохранительных инструментов квалифицировать совершаемые в огромном количестве цифровые преступления, нашедшие свое объективное отра-

жение в статистических выкладках, к примеру, Лаборатории Касперского, и подвергать наказанию *цифровых преступников*. Так, согласно данным глобальной облачной сети Kaspersky Security Network (KSN) за 2022 г., 15,37 % компьютеров интернет-пользователей подверглись веб-атакам класса Malware, а решениями ЛК было нейтрализовано 505879385 (!) кибератак (преступлений, по сути), при этом запуск вредоносного программного обеспечения для кражи цифровых финансовых активов фиксировался 376742 раз². Подчеркнем, что речь идет только о решениях Лаборатории Касперского, которым доверились частные лица и организации, причем есть и другие фирмы, разрабатывающие и реализующие системы охраны иных пользователей.

За каждой из этих цифровых атак стоит программист, использующий вредоносные программы, заведомо предназначенные для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации (ст. 273 УК РФ), а также предназначенные для неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, влекущие уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование такого рода информации (ст. 272 УК РФ). Такая статистика не нашла отражение в официальных полицейских и судебных данных (собственно, отсутствовала и ожидаемая реакция со стороны представителей соответствующих органов). Преступные действия с использованием кибертехнологий фактически нейтрализуются антивредоносными программами, при этом цифровые преступники не задерживаются и, соответственно, не могут быть привлечены к уголовной ответственности. Из-за беспомощности правоохранительных органов одни и те же лица обладают потенциалом к безнаказанному совершению криминальных деяний в киберпространстве.

1. См.: Борисов Т. Хакеры остановили сердце // Рос. газета. 2005. № 3693 / URL: <http://www.rg.ru/2005/02/08/e-prestupnost.html> (дата обращения: 24.10.2022). К слову, квалификация по российскому уголовному закону произведена была бы по совокупности ст. ст. 105 УК РФ (убийство), 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации) и 294 УК РФ (воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования).

2. См.: Kaspersky Security Bulletin 2022. Статистика // URL: <https://securelist.ru/ksb-2022-statistics/106227/> (дата обращения: 14.10.2023).

Возникает резонный вопрос: почему отмеченная категория лиц, стоящих за кибератаками, избегает уголовной ответственности? Самое тревожащее в этой ситуации – физическая невозможность задержания такого преступника с целью проведения в отношении него традиционной процедуры, предусмотренной уголовно-процессуальным законом.

К слову, учитывая гипердинамичное развитие нейросетей, следует отметить явную перспективу угроз со стороны программных систем искусственного интеллекта (ПС-ИИ) или киберфизических систем ИИ (КФС-ИИ) – роботов/дронов. Отмеченные системы изначально выступают в качестве средства или орудия совершения инновационного преступления, а затем, и этого исключать нельзя, при наделении такого ПАО правосубъектностью, могут выступать и субъектами преступлений, в особенности, когда эти системы понимаются в качестве цифрового, технологически-физического или биотехнологического образа реального инновационного преступника, его представителя – *аватара*. Аватар в таком понимании – цифровое, технологически-физическое и биотехнологическое отображение реального человека в виртуальном, физическом (реальном) и гибридном пространствах.

Практически каждый день появляются разработки крупных компаний, стремящихся создать коммерчески привлекательный нейросетевой продукт. Это максимально настораживает, поскольку жажда сверхприбыли глушит в бизнесменах здравый смысл и инстинкт самосохранения. Есть убежденность, что эксперименты с искусственным интеллектом будут иметь тенденцию к дальнейшему нарастанию, а на выходе – опасный для всего человечества «цифровой Голем»,³ который, вероятно, уже создан и ждет своего часа (или, скорее, своего покупателя). Актуальна общеизвестная

цитата, которую ошибочно приписывают Карлу Марксу, процитировавшему в «Капитале» британского профсоюзного деятеля Томаса Джозефа Даннинга: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10%, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»⁴.

На фоне утверждения таких неординарных личностей, как С. Хокинг, Б. Гейтс и И. Маск о *технологической сингулярности* – момента, когда компьютеры по всем параметрам превзойдут людей, отмеченная опасность не кажется пустым звуком, особенно, когда двое из авторов данного утверждения – действующие руководители мегакорпораций, разрабатывающих инновационную продукцию. Аналогичную позицию содержат публикации Р. Курцвейла, Н. Бострома, А. Сандберга и других авторитетных ученых.

Уместно привести следующий реальный факт. *В распространенном 31 мая 2021 г. посредством СМИ докладе группы экспертов Совета Безопасности ООН по Ливии указано, что впервые в истории боевым роботом было осуществлено выслеживание и уничтожение человека «по собственной инициативе и без участия оператора», а именно турецким беспилотником-квадрокоптером KARGU-2 весной 2020 г. был уничтожен боец ливийской национальной армии. Данный дрон представляет собой автономную вооруженную систему, запрограммированную на атаку цели без связи с оператором»⁵. Таким образом, возник прецедент с «умным» и самодостаточным роботом, способным выйти за рамки установленных для него правил, принять на себя функции*

3. Голем – мифический персонаж, воплощение предстоящего зла («искусственный человек делает то, что по закону неприлично или даже преступно для человека живого») // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Голем> (дата обращения: 26.10.2023).

4. См.: Сборник цитат. Томас Джозеф Даннинг // URL: <https://citaty.info/quote/419668> (дата обращения: 14.09.2023).

5. См.: Отчет ООН: Впервые в истории боевой робот выследил и ликвидировал бойца без команды оператора // URL: <https://topwar.ru/183548-otchet-oon-vpervye-v-istorii-boevoj-robot-vysledil-i-likvidiroval-bojca-bez-komandy-operatora.html> (дата обращения: 25.09.2023).

человека. Дальнейшие разработки потенциально опасных человекоподобных аватаров имеют тенденцию к нарастанию⁶.

К слову, феномен аватара не исчерпывается действиями лиц, сознательно их создавших в преступных целях. Каждый, кто имеет доступ к электронному устройству, сталкивается с необходимостью авторизации, создания аккаунта. При этом нередки случаи, когда пароль забывается, и тогда пользователь, не имея достаточных технологических навыков, «забрасывает» старый аккаунт и создает новый. Либо по требованию сайта возникает потребность в генерировании электронной цифровой подписи, после чего потребность в аккаунте исчезает. Постепенно в Сети сформировался и стремительно разрастается гигантский массив неструктурированной информации (больших данных), состоящий из заброшенных аккаунтов пользователей, которые даже не знают о правилах цифровой гигиены. Эти аккаунты являются цифровыми двойниками – аватарами лиц, которых можно причислить к потенциальным потерпевшим, конфиденциальными данными которых могут воспользоваться злоумышленники, поскольку любая информация, выложенная в киберпространстве, сохраняет цифровой след, а международно-правовой и технологический механизм, нацеленный на удаление нежелательных данных по просьбе заинтересованного лица, фактически отсутствует⁷.

Очевидная проблема заключается в том, что законодатели и правоприменители неверно оценивают потенциалы преступника будущего, истинные

масштабы его общественной опасности, игнорируют криминологические (прогностические), технологические и иные важные факторы. Отсутствуют реальные правовые и правоприменительные механизмы, законы, регулирующие новые правоотношения, не принимаются, лица, совершающие инновационные преступления или замышляющие их, пребывают в безмятежном состоянии правового нигилизма. Таким образом, дальнейшее развитие уголовного закона и соответствующего ему правоприменения должно пойти иным образом, отвечающим жизненным реалиям, с максимальным задействованием инновационно-технологического и криминологического потенциалов.

Необходима модернизация государственного правоохранительного ресурса, где уголовно-правовому обеспечению безопасности личности, общества и государства необходимо придать новый, отвечающий эпохе 6-го технологического уклада, импульс. Представляется, что в перспективе любое преступное поведение должно быть обречено на подверженность адекватной ему форме цифрового правоохранительного реагирования с момента обнаружения криминального деяния, его фиксации и вплоть до дня снятия или погашения судимости, т.е. в течение всего времени, относимого к периоду реализации уголовного судопроизводства по поводу персонифицированного контроля над уголовной ответственностью, должно сопровождаться различными правоохранительными процедурами, что максимально приблизит данный процесс к актуальным цивилизационным стандартам социальной справедливости.

6. К примеру: «Полубиологический компьютерный чип DishBrain, в электроды которого интегрированы 800 тыс. клеток мозга человека и мыши, выращенных в лабораторных условиях, научился играть в компьютерную игру Pong за пять минут. Эта технология со временем станет новым типом машинного интеллекта, способным учиться самостоятельно на протяжении всей своей жизни. Все как предсказывал Шваб – слияние цифрового, биологического и физического мира» // Чип с клетками мозга, способный к самообучению / URL: <https://vc.ru/u/1986849-neurotrends-neyroseti-chatgpt/778189-chip-s-kletkami-mozga-sposobnyu-k-samoobucheniyu> (дата обращения: 02.10.2023).

7. Отметим проект Постановления Европейской Комиссией «О защите данных» – General Data Protection Regulation (2012/0011 (COD)) от 25 января 2012 г. Данный нормативный акт непосредственно затрагивает интересы множества интернет-пользователей, направлен на ограничение возможностей по сбору и обработке их персональных данных. Одним из новшеств является закрепление права пользователя на «стирание» персональных данных в случае, если он отказывается от услуг того или иного сервиса (статья 17 Проекта). В тексте пояснительной записки оно прямо именуется как «право быть забытым и право на удаление» (data subject's right to be forgotten and to erasure). Статья 16 проекта закрепляет право субъекта на «исправление» (rectification) своих данных, иными словами – право указать актуальную на сегодняшний день информацию о себе при условии удаления ранее указанной информации. // См. Проект Постановления Европейской Комиссией «О защите данных» General Data Protection Regulation (2012/0011 (COD)) от 25 января 2012 г. // URL: http://ec.europa.eu/justice/data-protection/document/review2012-com_2012_11_en.pdf (дата обращения: 27.10.2023).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Борисов Т. Хакеры остановили сердце // Рос. газета. 2005. № 3693 / URL: <http://www.rg.ru/2005/02/08/e-prestupnost.html>.
2. Kaspersky Security Bulletin 2022. Статистика // URL: <https://securelist.ru/ksb-2022-statistics/106227/>.
3. Отчет ООН: Впервые в истории боевой робот выследил и ликвидировал бойца без команды оператора // URL: <https://topwar.ru/183548-otchet-onn-vpervye-v-istorii-boevoj-robot-vysledil-i-likvidiroval-bojca-bez-komandy-operatora.html>.
4. Чип с клетками мозга, способный к самообучению // URL: <https://vc.ru/u/1986849-neurotrends-neyroseti-chatgpt/778189-chip-s-kletkami-mozga-sposobnyy-k-samoobucheniyu>.
5. Проект Постановления Европейской Комиссии «О защите данных» General Data Protection Regulation (2012/0011 (COD)) от 25 января 2012 г. // URL: http://ec.europa.eu/justice/data-protection/document/review2012/-com_2012_11_en.pdf.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Borisov T. Hakery ostanovili serdce // Ros. gazeta. 2005. № 3693 / URL: <http://www.rg.ru/2005/02/08/e-prestupnost.html>.
2. Kaspersky Security Bulletin 2022. Statistika // URL: <https://securelist.ru/ksb-2022-statistics/106227/>.
3. Otchet OON: Vpervye v istorii boevoj robot vysledil i likvidiroval bojca bez komandy operatora // URL: <https://topwar.ru/183548-otchet-onn-vpervye-v-istorii-boevoj-robot-vysledil-i-likvidiroval-bojca-bez-komandy-operatora.html>.
4. CHip s kletkami mozga, sposobnyj k samoobucheniyu // URL: <https://vc.ru/u/1986849-neurotrends-neyroseti-chatgpt/778189-chip-s-kletkami-mozga-sposobnyy-k-samoobucheniyu>.
5. Proekt Postanovleniya Evropejskoj Komissii «O zashchite dannyh» General Data Protection Regulation (2012/0011 (COD)) ot 25 yanvarya 2012 g. // URL: http://ec.europa.eu/justice/data-protection/document/review2012/-com_2012_11_en.pdf.

И.С. КАМИНСКИЙ, Т.С. КАНДАБАРОВА

Необходимость изменения наднационального права Евразийского экономического союза в части установления общих подходов к уголовной ответственности за внешнеэкономические преступления

АННОТАЦИЯ. Вызовы современного мира обосновывают необходимость более тесного правового сотрудничества между государствами Евразийского экономического союза. В статье рассматриваются отдельные проблемы несогласованности норм национального уголовного права государств – членов ЕАЭС об ответственности за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности. В частности, анализируется определение экономической контрабанды и ее структуры, а так же установлению единообразного подхода к объективной стороне преступлений, в том числе указания места совершения преступления. В качестве решения заявленной проблемы авторы предлагают гармонизировать уголовное законодательство государств – членов ЕАЭС в сфере внешнеэкономической деятельности на основе Договора об особенностях уголовной и административной ответственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЕАЭС, уголовное законодательство, внешнеэкономические преступления, единообразия национального права, договор, санкции.

КАМИНСКИЙ ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ – начальник отдела доступа на внешние рынки и урегулирования торговых споров Департамента торговой политики Евразийской экономической комиссии (e-mail: il.kaminskiy@gmail.com);

КАНДАБАРОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики ФСИН России (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Вызовы современного мира, связанные с многочисленными нарушениями положений многосторонней международной торговли, а также особенности международной политики и соответствующее безосновательное введение ограничительных мер обосновывают необходимость более тесного правового сотрудничества между государствами евразийского региона, что обуславливает важность развития интеграционного объединения – Евразийского экономического союза.

Учитывая те вызовы, с которыми столкнулся ЕАЭС за все время с момента его создания, а именно экономические санкции, пандемия и значительное экономическое давление на Республику Беларусь и Российскую Федерацию с угрозой вве-

дения «вторичных» санкций на остальных государств-членов, особенно актуальным становится вопрос углубления интеграционных процессов, в том числе укрепления договорно-правовой базы, что, безусловно, сможет поспособствовать государствам-членам противостоять экономическому давлению со стороны стран Запада.

Международно-правовыми актами устанавливаются запреты и ограничения на экспорт и импорт различных объектов. Общим признаком таможенных преступлений является посягательство на установленный порядок перемещения товаров и иных предметов через таможенную границу. Преступлениями международного характера они становятся тогда, когда эти запреты и ограничения

1. Овчинников С. Н. Дефиниция таможенных правонарушений в международном праве // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. Том 2. Москва: Уфа: Ростов-на-Дону: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2015. С. 132-137.

определяются международным правом. Хотя, на уровне общего международного права речь идет, по сути дела, об одном и том же преступлении – контрабанде, различаются только предметы таковой.¹

Несогласованность норм национального уголовного права государств-членов ЕАЭС об ответственности за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности может привести к постановке хозяйствующих субъектов-представителей различных стран ЕАЭС в неравное правовое положение. Это в первую очередь противоречит ст. 2 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., предполагающая унификацию законодательств государств-членов, а также порождает разницу в подходах к оценке деяний в сфере внешнеэкономической деятельности, а также различные подходы к санкциям за их совершение.

В результате анализа научных работ можно выделить два основных подхода в решении проблемы выработки единых подходов к уголовной ответственности за внешнеэкономические преступления. Первым является подход, согласно которому в целях гармонизации уголовного законодательства государств-членов можно использовать положения Модельного уголовного кодекса, утвержденного на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств постановлением № 7-5 от 17 февраля 1996 года². Однако наряду с таким предложением экспертами в вопросе уголовного права государств – членов ЕАЭС было также выдвинуто предложение по созданию собственного Модельного уголовного кодекса для государств – членов ЕАЭС³.

Необходимо отметить, что положения Модельного уголовного кодекса СНГ уже были учтены в национальных законодательствах в том числе в государствах – членах ЕАЭС, когда после распада СССР они были взяты за основу в уголовном праве независимых государств. В настоящее время Модельный уголовный кодекс СНГ нецелесо-

образно рассматривать как перспективный акт для гармонизации законодательств государств – членов ЕАЭС, так как степень интеграции ЕАЭС намного выше, чем в СНГ, Союз более оперативно реагирует на внешние вызовы, будь то эпидемия новой коронавирусной инфекции COVID-19, либо санкционное давление со стороны западных стран, быстро создавая специальные Рабочие группы и принимая решения на самом высоком уровне. В результате чего и проблемы, которые поднимаются в исследовании, также должны основываться на нормативном правовом регулировании ЕАЭС. Помимо этого, за счет более узкого состава государств – членов ЕАЭС по сравнению с СНГ, объединить усилия и найти консенсус в утверждении общих подходов к уголовной ответственности за внешнеэкономические преступления.

Наряду с этим решение проблемы выработки единых подходов к уголовной ответственности за внешнеэкономические преступления посредством утверждения Модельного уголовного кодекса ЕАЭС также есть несколько слабых сторон. Несмотря на более простой процесс принятия решений в ЕАЭС по сравнению с СНГ за счет более узкого состава участников, государства – члены ЕАЭС все же обладают разным уровнем как экономического развития, так и политическим курсом. Несмотря на то, что охват модельного уголовного акта ЕАЭС подразумевает хоть и рекомендательное, но регулирование не только отношений, относящихся к наднациональной компетенции, например, в сфере таможенного, антимонопольного права, но и в сфере общественной жизни. Пересечение национальной и наднациональной компетенции в настоящее время воспринимается очень остро отдельными государствами – членами ЕАЭС. Помимо этого, политическое решение разработки такого глобального акта должно иметь свои предпосылки, например, в стратегических документах, но таких в настоящее время не принято.

2. Модельный Уголовный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств (с изменениями на 16 ноября 2006 года) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 11.11.22).

3. Кузнецова Н.В., Букалорова Л.А., Шагиева Р.В. Пути унификации национального уголовного законодательства государств – членов ЕАЭС // Ученые труды Российской академии и нотариата. 2021. № 1(60). С. 42-46.

Поддерживаем позицию Л.А. Букаловой, Н.В. Кузнецовой и Р.В. Шагиевой в том, что из всех норм, в которых устанавливается ответственность за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности, в унификации нуждаются только положения о контрабанде и уклонении от уплаты таможенных платежей. Иные посягательства на сферу внешнеэкономической деятельности в действительности не затрагивают общих интересов государств – членов ЕАЭС, а потому содержание соответствующих норм является внутренним делом каждой страны ЕАЭС⁴.

В качестве решения заявленной проблемы считаем целесообразным гармонизировать уголовное законодательство государств – членов ЕАЭС в сфере внешнеэкономической деятельности на основе Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза от 5 июля 2010 года.

Например, авторами предлагалось: из ст. 226.1 исключить контрабанду культурных ценностей и перенести в Главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» в виде отдельной статьи; особо ценные дикие животные и водные биоресурсы нужно перенести в Главу 26 «Экологические преступления», потому что именно в ней предусматриваются наказания за экологические преступления; сильнодействующие, отравляющие и ядовитые вещества возможно включить в Главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», так как данные вещества в первую очередь направлены на нанесение вреда здоровью граждан, а не против безопасности общества и государства⁵.

В принципе, такого же подхода придерживаются и руководители государств – членов ЕАЭС, включив соответствующий пункт 3.1.6 в Стратегических

направлениях развития евразийской интеграции до 2025 года, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. №12. Соответствующее положение в данном международном договоре определяет общие принципы и подходы к установлению ответственности за несоблюдение требований права Союза в сфере таможенного регулирования.⁶

В целях реализации указанных Стратегических направлений Распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии от 5 апреля 2021 г. № 4 принят План мероприятий по реализации стратегических направлений развития евразийской интеграции до 2025 года, которым предусмотрена реализация указанного пункта Стратегических направлений путем внесения изменения в Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза от 5 июля 2010 года до 31 декабря 2024 года.

Реализация данного пункта подразумевает гармонизацию принципов к установлению ответственности за внешнеэкономические преступления. Однако данное мероприятие решит лишь только часть проблем в части установления общих подходов к уголовной ответственности за внешнеэкономические преступления. Сам механизм внесения в действующие международные соглашения в рамках ЕАЭС довольно понятен и логичен, в результате чего следующим изменением данного международного договора может стать определение общих подходов к составу контрабанды и уплаты таможенных платежей в государствах-членах ЕАЭС. Однако процесс гармонизации уголовного законодательства государств – членов ЕАЭС и в целом темп интеграционных процессов является не таким быстрым, как хотелось.

При этом в настоящее время существуют пред-

4. Кузнецова Н.В., Букалова Л.А., Шагиева Р.В. Пути унификации национального уголовного законодательства государств – членов ЕАЭС // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2021. № 1(60). С. 42-46.

5. Балтаев А.Ю., Пак К.Е., Безотецкая И.П. Контрабанда товаров как уголовное преступление // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2021. Т. 2. С. 111-115.

6. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12.

посылки для внесения соответствующих изменений. В своем Обращении к главам государств – членов ЕАЭС по случаю председательства Российской Федерации в органах Союза в 2023 году Президент Российской Федерации Владимир Путин заявил о необходимости приступить к подготовке новых документов долгосрочного планирования, которые определяют основные векторы интеграционного взаимодействия на период до 2030 и 2045 годов⁷.

В связи с этим при разработке Стратегических направлений развития евразийской интеграции до 2030 года рекомендуется предусмотреть внесение изменений в Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза от 5 июля 2010 года соответствующих изменений по определению общих подходов к составу контрабанды и уплате таможенных платежей в государствах – членах ЕАЭС.

Кроме того, можно некоторые положения проекта Протокола внесения изменений в Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза от 5 июля 2010 года, подготовили основу к полноценной гармонизации национальных законодательств государств-членов в сфере установления единых подходов к уголовной ответственности за внешнеэкономические преступления.

Во-первых, в проекте указан единообразный подход к определению экономической контрабан-

ды и ее структуры. Это касается, в первую очередь, законодательства Российской Федерации, в котором данный состав был сначала исключен, однако в условиях экономического давления искусственно этот состав был возвращен в Уголовный кодекс.

Во-вторых, в проекте одной из целей заявлено определить единообразный подход к объективной стороне преступлений, в том числе определить место совершения преступления, под которым с учетом общих положений уголовного законодательства стран ЕАЭС следует понимать либо место начала, продолжения или окончания преступного деяния, либо место на территории государства – члена ЕАЭС, где находился один из соучастников преступления в период его совершения.

В дополнение уголовное законодательство государств – членов ЕАЭС должно охватывать любые противоправные деяния, совершаемые гражданами и лицами без гражданства, постоянно проживающими на территории государства – члена ЕАЭС. Это позволит исключить возможность виновного избежать уголовной ответственности, используя несогласованность уголовно-правовой регламентации национальных уголовных законов стран ЕАЭС.⁸

В заключение можно отметить, что в настоящее время созданы фактические и правовые предпосылки для более глубокой гармонизации уголовного законодательства в сфере внешнеэкономической деятельности в рамках интеграционного объединения с целью противодействия санкционной политике третьих стран в отношении отдельных государств – членов ЕАЭС.

7. Обращение Председателя Высшего Евразийского экономического совета, Президента Российской Федерации Владимира Путина к главам государств – членов ЕАЭС по случаю председательства России в органах Союза в 2023 году // URL: <https://eec.eaeunion.org/news/obrashchenie-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-vladimira-putina-k-glavam-gosudarstv-chlenov-eaes-po-s/>.

8. Распоряжение Коллегии ЕЭК от 14.11.2023 № 160 «О проекте Протокола о внесении изменений в Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов таможенного союза от 5 июля 2010 года» // URL: <https://docs.eaeunion.org/pages/displaydocument.aspx?s={e1f13d1d-5914-465c-835f-2aa3762eddda}&w=9260b414-defe-45cc-88a3-eb5c73238076&l={8a412e96-924f-4b3c-8321-0d5e767e5f91}&entityid=41995>.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Балтаев А.Ю., Пак К.Е., Безотецкая И.П. Контрабанда товаров как уголовное преступление // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2021. Т. 2. С. 111-115.
2. Кузнецова Н.В., Букалерова Л.А., Шагиева Р.В. Пути унификации национального уголовного законодательства государств – членов ЕАЭС // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2021. № 1(60). С. 42-46.
3. Овчинников С. Н. Дефиниция таможенных правонарушений в международном праве // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. Том 2. Москва: Уфа: Ростов-на-Дону: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2015. С. 132-137.
4. Обращение Председателя Высшего Евразийского экономического совета, Президента Российской Федерации Владимира Путина к главам государств – членов ЕАЭС по случаю председательства России в органах Союза в 2023 году // URL: <https://eec.eaeunion.org/news/obrashchenie-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-vladimira-putina-k-glavam-gosudarstv-chlenov-eaes-po-s/>.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Baltaev A.YU., Pak K.E., Bezotetskaya I.P. Kontrabanda tovarov kak ugovolnoe prestuplenie // Nauchno-tekhnicheskoe i ekonomicheskoe sotrudnichestvo stran ATR v XXI veke. 2021. T. 2. S. 111-115.
2. Kuznecova N.V., Bukaleroval L.A., SHagieva R.V. Puti unifikacii nacional'nogo ugovolnogo zakonodatel'stva gosudarstv – chlenov EAES // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2021. № 1(60). S. 42-46.
3. Ovchinnikov S. N. Definicija tamozhennyh pravonarushenij v mezhdunarodnom prave // Social'no-ekonomicheskie i gumanitarno-filosofskie problemy sovremennoj nauki. Tom 2. Moskva: Ufa: Rostov-na-Donu: Ufimskij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i servisa, 2015. S. 132-137.
4. Obrashchenie Predsedatelya Vysshego Evrazijskogo ekonomicheskogo soveta, Prezidenta Rossijskoj Federacii Vladimira Putina k glavam gosudarstv – chlenov EAES po sluchayu predsedatel'stva Rossii v organah Soyuzav v 2023 godu // URL: <https://eec.eaeunion.org/news/obrashchenie-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-vladimira-putina-k-glavam-gosudarstv-chlenov-eaes-po-s/>.

И.О. КОПЕНКИН

Защита персональных данных несовершеннолетних в Европейском Союзе

АННОТАЦИЯ. Актуальность темы исследования заключается в том, что день ото дня количество информации, ее обработка и способы доступа к ней заметно увеличиваются, в связи с чем все более актуальной становится проблема защиты персональных данных. При этом дополнительная защита должна быть предоставлена персональным данным несовершеннолетних как более уязвимой социальной группе, поскольку дети менее осведомлены о рисках и последствиях предоставления своих данных, а также о своих правах в этой сфере. Одним из самых развитых в плане защиты персональных данных, в том числе и несовершеннолетних, является Европейский союз (далее – ЕС, Союз), так как защита персональных данных и уважение частной жизни являются фундаментальными правами в Союзе. Исходя из этого, целью данного исследования является анализ законодательства ЕС в сфере защиты персональных данных несовершеннолетних. Основными исследовательскими методами, которые были использованы в ходе разработки темы, являются метод анализа и сравнительно-правовой метод. В результате научной разработки темы исследования выявлена целесообразность учета опыта ЕС в российском законодательном процессе и внедрения новых технологий по выявлению случаев нарушения конфиденциальности данных несовершеннолетних. Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что полученные результаты возможно применить в законодательной деятельности через совершенствование норм права, которые посвящены защите персональных данных детей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: персональные данные; несовершеннолетние; дети; защита информации; конфиденциальность; ЕС; Европейский союз.

КОПЕНКИН ИГОРЬ ОЛЕГОВИЧ – член коллегии адвокатов «Юков и партнеры», старший партнер, соискатель ученой степени кандидата юридических наук Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Основным законодательным актом ЕС, регламентирующим вопросы обработки конфиденциальной информации в общем и несовершеннолетних в частности, является Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза, принятый Постановлением № 679 в 2016 г. и вступивший в силу в 2018 г. (далее – Регламент).¹

В качестве персональных данных в ЕС, как и в Российской Федерации, признается «любая информация, относящаяся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу (субъекту данных)». В отдельную категорию выделена персональная информация, которая требует более серьезной защиты и обработка которой запрещена, так называемая «чувствительная информация». Она включает в себя информацию о расовом или этническом происхождении, поли-

тические взгляды, религиозные или философские убеждения, членство в профессиональном союзе, генетические и биометрические данные в целях однозначной идентификации физического лица, а также данные, касающиеся здоровья, половой жизни или сексуальной ориентации физического лица. Подобным образом в Российской Федерации утверждена специальная категория персональных данных за исключением членства в профессиональном союзе, генетических и биометрических данных, информации о сексуальной ориентации, в то же время включая информацию о судимости.²

Если же в Российской Федерации в функции операторов, помимо определения цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия (операции), совершаемые с персональными данными, входит

1. Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32016R0679> (дата обращения: 23.08.2023).

2. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/26edb2934b899bf9c74c3a8f7e574651c6565e6d/.

также и непосредственно сама обработка персональных данных, то в ЕС эти функции переданы двум разным субъектам: контролеру – утверждение целей и средств обработки персональных данных, процессору – обработка персональных данных от имени и по поручению контролера.

Несовершеннолетними могут быть признаны граждане ЕС в возрасте от 13 до 16 лет, где конкретный возрастной порог устанавливается национальным законодательством государства – члена ЕС. Таким образом, на территории Союза введены соответствующие ограничения на обработку персональных данных несовершеннолетних без согласия их родителей или законных представителей. При этом при получении согласия несовершеннолетнего на обработку его/ее персональных данных должны быть приложены все возможные усилия для проверки того, что согласие было дано родителем или законным представителем.

В девяти государствах – членах ЕС (Венгрия, Германия, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Польша, Румыния, Словакия, Хорватия) самостоятельно могут предоставить согласие на обработку их персональных данных граждане 16 лет, национальное законодательство восьми государств-членов установило соответствующий возраст в 13 лет по нижней границе, установленной Регламентом (Бельгия, Дания, Латвия, Мальта, Португалия, Финляндия, Швеция, Эстония), в шести государствах-членах в 14 лет (Австрия, Болгария, Испания, Италия, Кипр, Литва), в четырех – в 15 лет (Греция, Словения, Франция, Чехия).³

Отдельно в Союзе установлено, что согласие на обработку персональных данных, предоставляемое несовершеннолетним, должно быть изложено в понятной форме с использованием простого стиля написания и лексики, доступных ребенку.⁴

Так, в 2021 г. Управление Нидерландов по

защите данных (DPA) наложило штраф на TikTok за нарушение Регламента при обработке персональных данных детей в размере 750 тыс. евро. Указанная социальная сеть при регистрации прилагала согласие об обработке конфиденциальных данных на английском языке, в результате чего условия и положения данного документа не всегда были понятны населению, говорящему на голландском языке. Таким образом, было выявлено нарушение принципа, согласно которому пользователи всегда должны иметь четкое представление о том, что происходит с их личными данными.⁵

Кроме того, Регламент (ст. 17) закрепляет понятие право на удаление, так называемое «право быть забытым» или «право на забвение», которое дает субъектам персональных данных право требовать от контролеров удаления ссылок в результате поисковых запросов, содержащих персональные данные о себе, которые не соответствуют действительности или потеряли актуальность при соблюдении определенных условий. Одним из таких условий могут служить случаи, когда личная информация была собрана в процессе предоставления информационных услуг непосредственно ребенку и согласие на обработку его данных было дано несовершеннолетним, но он или она не были полностью осведомлены о рисках, связанных с их обработкой. Это право также может быть реализовано, если субъект данных является уже совершеннолетним. Таким образом, операторы поисковых систем в Интернете обязаны прекращать выдавать ссылки на информацию о пользователях, обратившихся к ним с соответствующим требованием.

Российская Федерация такое право закрепила на год раньше Регламента.⁶ При получении мотивированного отказа удалять информацию гражданин может обратиться в суд⁷. В случае, если суд сочтет такой отказ неправомерным, а поисковая система

3. URL: <https://resourcehub.bakermckenzie.com/en/resources/data-privacy-security>.

4. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/article29/items/622227/en>.

5. European Data Protection Board: Dutch DPA: TikTok fined for violating children's privacy. 22 July 2021 // URL: https://edpb.europa.eu/news/national-news/2021/dutch-dpa-tiktok-fined-violating-childrens-privacy_en (Дата обращения: 16.04.2023).

6. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=law&n=182637&dst=#7zNNwnTEz6qYbEs4>.

7. Пашенко И.Ю. Проблемы нормативного регулирования «Права быть забытым» в сети Интернет // Евразийская адвокатура. 2016. № 3 (22). Стр. 106-113.

откажется выполнить судебное решение, Кодекс об административных правонарушениях предусматривает штраф до 4 млн руб.⁸

Наиболее травмирующим для несовершеннолетних может быть распространение информации и/или изображений сексуального характера как частного случая утечки персональных данных. В этом вопросе в ЕС в 2020 г. была принята Стратегия ЕС по более эффективной борьбе с сексуальным насилием над детьми, которая предлагает основу для комплексного реагирования на растущую угрозу сексуального насилия над детьми, как онлайн, так и в офлайн. Эта стратегия должна была стать основой для действий ЕС в борьбе с этими преступлениями в период 2020–2025 гг.⁹

В рамках ее развития с 2021 г. в ЕС регламентирован один из механизмов борьбы с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних в ЕС. Он заключается в том, что операторы мессенджеров при определенных условиях и в установленном порядке наделяются правом анализировать переписку пользователей (в общем случае в автоматическом режиме, но с правом пересмотра человеком), при условии, что такой анализ и соответствующая обработка персональных данных пользователей осуществляется исключительно для целей обнаружения и удаления материалов, представляющих сексуальную эксплуатацию детей, а также для сообщения о них в уполномоченный орган или организацию. Примечательно, что данный механизм выявления распространится не только на изображения, но также и на груминг (то есть процесс выстраивания доверительных отношений с детьми и подростками с целью совершения насилия над ним). Однако такое право было предоставлено на временной основе и продлится до середины 2024 г.¹⁰

При этом если в пределах одной и той же обработки или же нескольких связанных друг с другом

операций обработки контролер или процессор умышленно или по неосторожности нарушает несколько положений Регламента, общая сумма административного штрафа не должна превышать сумму штрафа за наиболее серьезное нарушение. Более того, в определенных случаях за нарушение предусмотрен административный штраф в размере до 20 млн евро, а в случае субъекта хозяйствования – до 4% от общего годового глобального дохода за предыдущий финансовый год, в зависимости от того, что выше. Данное положение может быть имплементировано в национальное законодательство в полном объеме или на усмотрение государства-члена.

Один из самых больших на данный момент штрафов предъявлен компании за нарушение положений Регламента именно в части, касающейся защиты персональных данных несовершеннолетних. В 2022 г. Ирландская комиссия по защите данных (DPC) оштрафовала Instagram (социальная сеть принадлежит Meta, признанной в Российской Федерации экстремистской организацией; деятельность компании и социальной сети запрещена) на 405 млн евро, так как персональные данные подростков в возрасте от 13 до 17 лет, в частности, номера телефонов и адреса электронной почты, указанные при регистрации, по умолчанию становились публичными.¹¹

При этом ответственность за нарушение конфиденциальности персональных данных как в ЕС, так и в Российской Федерации не предусматривает отягчающего обстоятельства в случаях, когда объектом преступления является информация о несовершеннолетнем. Однако в Российской Федерации более серьезное наказание за преступление предусмотрено в случаях, когда несовершеннолетний (до 16 лет) выступает потерпевшим по уголовному делу, либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступле-

8. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/b4266811be0cfdef4f881b403ba832644e2d939f/.

9. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0607>.

10. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32021R1232>.

11. Reuters: Ireland fines Instagram a record \$400 mln over children's data. September 6, 2022 // URL: <https://www.reuters.com/technology/irish-regulator-fines-instagram-400-million-over-childrens-data-2022-09-05/> (Дата обращения: 16.04.2023).

нием физических или нравственных страданий, повлекшее причинение вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическое расстройство несовершеннолетнего, или иные тяжкие последствия.¹²

Подводя итог, можно говорить о том, что вопрос защиты персональных данных несовершеннолетних является весьма чувствительным, так как зачастую обществом он воспринимается довольно эмоционально. Стремление защитить детей в информационном пространстве требует соблюдения не всегда устойчивого баланса с правом на неприкосновенность частной жизни. Это особенно остро проявляется в наделении компаний доступом к частной переписке, даже с целью выявления детской порнографии. Помимо прочего, также создается риск использования подобных технологий для усиления цензуры в любой сфере.

Помимо этого, еще одной проблемой защиты персональных данных несовершеннолетних является достоверность предоставляемых данных при оказании информационных услуг. Несмотря на уже выработанные механизмы проверки подлинности возраста пользователя и предоставляемого родителем или законным представителем согласия на обработку персональных данных несовершеннолетнего, риск предоставления ложной информации все же остается.

В российском законодательстве одним из неточ-

ных аспектов защиты персональных данных является размытый возраст несовершеннолетних, до наступления которого согласие на обработку своих персональных данных должен предоставлять его официальный опекун. Соответствующее положение в российском законодательстве указывает на отсутствие права выражать свое согласие на обработку сведений о себе у недееспособных лиц, однако несовершеннолетние таковыми не являются (если только если обратное не признано судом), а они наделены частичной дееспособностью. Так, в Российской Федерации, с одной стороны, в общем смысле возрастная граница совершеннолетия установлена в 18 лет, однако до 14 лет сделки совершают законные представители детей.¹³ В возрасте же от 14 до 18 лет дети могут самостоятельно распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами, вносят вклады в кредитные организации и распоряжаются ими, совершают мелкие бытовые сделки и пр.¹⁴ Однако четкого ответа, может ли несовершеннолетний в таком возрасте давать согласие на обработку персональных данных, нет.

Таким образом, Российская Федерация имеет сходные основные положения в сфере защиты персональных данных несовершеннолетних, но в то же время, несомненно, целесообразно обмениваться опытом с ЕС, особенно в части технологического выявления правонарушений, связанных с нарушением конфиденциальности сведений детей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Пашченко И.Ю. Проблемы нормативного регулирования «Права быть забытым» в сети Интернет // Евразийская адвокатура. 2016. №3 (22). Стр. 106-113.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Pashchenko I.YU. Problemy normativnogo regulirovaniya «Prava byt' zabytym» v seti Internet // Evrazijskaya advokatura. 2016. №3 (22). Str. 106-113.

¹² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/4234a27af714cc608ea71b7bae9400f3613c8f60/.

¹³ Ст. 28 ГК РФ.

¹⁴ Ст. 26 ГК РФ.

Д.В. МИРОШНИЧЕНКО

Общественная опасность как онтологическая категория уголовного права

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется категория общественной опасности как онтологическая (базовая), исходной основой для которой является понятие вреда. Вред раскрывается с позиции парадигмы ответственности и безопасности. В парадигме ответственности вред самооткровенен и определяет преступность деяния посредством легитимации трансцендентными основаниями правопорядка; в парадигме безопасности значение вреда находится в социальном слое общественных отношений, в связи с чем вред воспринимается в значении общественной опасности. Общественная опасность должна быть обнаружена в контексте социальной ситуации на микро- и макроуровнях восприятия социального значения деяния. Какое бы значение вред не получал, он константен как мысль о необходимости реакции на него, что образует онтологическое обоснование категории «общественная опасность деяния».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преступление, преступное поведение, И. Бентам, общественная опасность, парадигма, значение.

МИРОШНИЧЕНКО ДАНИИЛ ВИКТОРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: d.v.miroshnichenko@yandex.ru).

Общественная опасность в настоящее время выступает одной из основных категорий уголовного права и законодательства, которая участвует в образовании практически всех основных институтов и положений¹. Ее фундаментальность следует рассматривать не только в юридической плоскости, но преимущественно в социальном измерении. Как категория общественная опасность образует основу мышления о вреде человеческих поступков и необходимости реакции на них со стороны общества, в том числе уголовно-правовыми средствами.

В связи с этим важными являются вопросы о том, как общественная опасность оказывается категорией мышления о вреде, что представляет собой вред, и как он оказывается социальной категорией.

В первую очередь, следует отметить, что на заре

формирования концепции общественной опасности в Новое время, задолго до того, как она появилась как юридически оформленное понятие, общественная опасность использовалась социологами – утилитаристами для обоснования воздействия вреда, причиненного отдельному индивиду, на общество. Так, И. Бентам был одним из первых, кто использовал категорию общественной опасности (*danger*) для характеристики вторичной ветви вреда². Свойство публичности деяние приобретает от способа взаимодействия личности и общества. Если другие не видят в причиненном вреде ничего, что могло бы у них вызвать какое-то социальное чувство (сострадание, тревогу, опасность и т.д.), то никакого значения этот поступок не имеет для социальных отношений. Деяние остается частной обидой (оскорблением). Но общество объединяется посредством единства психологических и

1. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989. С. 20.

2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 183-184.

социальных качеств индивидов, в связи с чем ни одно вредное деяние не проходит бесследно. Это сродни импульсу, получаемому телом от какого-то предмета, когда чувства от него ощущаются не локально, а также всем телом. Но это нервная ткань должна получить социальную трактовку. Бентам находит единое чувство, объединяющее разрозненных индивидов в опасности как вероятности того, что данное вредное деяние, которое случилось с одним, может случиться с каждым. Индивидуальный вред становится опасным, когда он может повториться от действий этого же лица или, когда повторяется деяние как получающее повсеместное распространение явление. Таким образом, опасность вреда становится понятием, имеющим значение публичного основания для общественной реакции с тем, чтобы предупредить опасное поведение со стороны виновного и предупредить распространение этого явления, условно говоря, как болезни, которой могут заразиться другие индивиды. Речь идет о специальной и общей превенции, которая возникает только в момент, когда вред начинает мыслиться как опасный. Поводом для этой мысли становится социальный аспект взаимодействия личности и общества. Можно сказать, что это коммуникативный аспект в характеристике категории «вред». Способ объединения общества (его склейка) есть та соединительная ткань, посредством которой страдания одного индивида становятся страданием общества.

Следовательно, общество, когда вред опасен, образуется под знаком обеспечения безопасности. Только в форме безопасности как некой исходной цели, которая обеспечивает социальное движение и прогресс, может зародиться идея социальной защиты, инструментом которой является уголовное право. Если обратить внимание на многие социальные концепции общества, в первую очередь идеологов Просвещения, то несложно обнаружить, что безопасность являлась основным

мотивом объединения индивидов в общественные союзы, для которых государство выступало гарантом поддержания правопорядка под угрозой уголовного наказания за его нарушение³.

Бентам использовал конструкцию общественной опасности как объединяющую первичный и вторичный ветви вреда для обоснования преступления, каковым должно являться деяние, если оно действительно причиняет вред обществу.

Противоположностью конструкции Бентама является концепция вреда от деяния, который образует смысл преступления. Этот вред является самим по себе разумеющимся, благодаря чему отдельные поступки объявляются преступными. Смысл поступков как преступных формируется в основном на основе неких внешних правил и условий, благодаря соблюдению которых общество стремится поддерживать существующий правопорядок. Эти правила могут иметь трансцендентный характер, могут быть легитимной основой социального подчинения на основе воли суверена, разума, природы, Бога. Стремясь воплотить жизненно необходимые в отдельных условиях времени и пространства правила, общество объединяется, поскольку эти правила становятся обязательными не только по воле людей, но по воле внешних (трансцендентных) сущностей.

Сравнивая эти подходы, которые можно условно обозначить как парадигму ответственности и парадигму безопасности⁴, следует указать на их отличительные черты. Парадигма ответственности концентрирует внимание на поступках людей, определяя смысл их действий в соответствии с волей, источник которой носит, как правило, сакральный характер. Таким образом, деяния становятся преступлениями под влиянием этой воли, которая не оспаривается и не подвергается сомнению. Можно сказать, что деяние как обозначение деяния совпадает с социальным значением этого деяния. Деяние преступно, потому, что преступно (*malum in se*). В парадигме безопасности значе-

3. См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Трактаты. М., 1969. С. 175; Локк Дж. Два трактата о правлении. М.; Челябинск, 2020. С. 225-230.

4. См. более подробно: Мирошниченко Д.В. Социокультурные основания уголовно-правовой парадигмы // *Lex russica*. 2023. Том 76. № 7 (200). С. 60-75; Мирошниченко Д.В. Критика уголовно-правовой онтологии. М.: Юрлитинформ, 2023. 400 с.

ние деяния определяется не трансцендентальной волей (хотя и не отрицается воля государства и закона), а необходимостью социальной реальности, поддержанной большинством населения, которое руководствуется земными потребностями, первейшей из которых является безопасность. Значение деяния как преступления следует искать в социальной действительности, а не во внешних не доступных человеческому разуму сущностях. Вместе с тем изменяется источник легитимации уголовного закона. Если ранее он покоился на самотождественном трансцендентном основании, то с Нового времени этот источник приобретает социальные очертания в рамках действующего правопорядка.

Таким образом, понятие вреда из статичной категории (в парадигме ответственности) становится динамичной категорией (в парадигме безопасности). В парадигме ответственности вред как значение социального акта отождествляется с преступлением, в парадигме безопасности вред понимается в значении общественной опасности и не является тождественным преступлению. Это порождает необходимость поиска значения деяний, как представляющих общественную опасность. Деяния признаются общественно опасными, если это значение найдено. Поиск значения следует понимать, как обнаружение условий, обстоятельств, при которых деяние является общественно опасным. Эти условия образуют контекст, поэтому в одном контексте одно и то же деяние может являться опасным, а в другом контексте нет (так умышленное причинение смерти в контексте необходимой обороны не является убийством, поскольку не образует общественной опасности). Таким образом, поиск общественной опасности всегда сопряжен с обнаружением контекста, в котором вред рассматривается в значении общественно опасного.

Следует отметить, что контекст познается как на микросоциальном, так и макросоциальном уровнях. Микросоциальный уровень сопряжен с исследованием обстоятельств совершенного деяния для определения его общественной опасности. Макросоциальный контекст сопряжен с социокультурными условиями, в которых само деяние

становится общественно опасным явлением, с чем связана законодательная деятельность по формулированию уголовно-правового запрета.

Правоприменитель находится одновременно как на макросоциальном уровне, так и на макросоциальном, когда оперирует понятиями совести, нравственности и другими социальными ценностями, составляющими коммуникативную среду данного общества. Поэтому каждым индивидом поддерживаются условия правопорядка, в рамках которого он взаимодействует с другими индивидами. Этот уровень нельзя не учитывать, поскольку он влияет на формирование как общего, так и частного мировоззрения. Игнорирование ценностей совершением вредного деяния поэтому всегда рассматривается как социальный вред, который становится при определенных условиях преступлением. На микросоциальном уровне общественная опасность приобретает более конкретные черты при уголовно-правовой оценке совершенного деяния. В этом случае значение конкретного деяния как преступления зависит от поведения лица, его оценки как способного причинить новый вред в совокупности с оценкой нарушенной ценности и характера общественно опасного поведения. В зависимости от оценки общественной опасности в контексте уголовно-релевантной ситуации деяние становится или не становится преступлением. Оно не является преступлением, если формально подпадает под признаки совершенного деяния, но общественная опасность его не обнаружена (ч. 2 ст. 14 УК РФ); оно становится преступлением, когда формальные признаки совпадают с убеждением, что в данной конкретной ситуации деяние является общественно опасным (ч. 1 ст. 14 УК РФ). При этом вывод о преступлении является оценочным и юридико-моральным суждением о лице, совершившем общественно опасное деяние как заслуживающим справедливого наказания.

Таким образом, следует отметить, что общественная опасность есть значение деяния, основой для оценки которого выступают общественные отношения, социальный уровень взаимодействия. Таким образом, категория «общественная опасность» носит коммуникативный характер. Коммуницируя, человек способен воспринимать

чужие действия как вред, формирующий потребность в поддержании общественной безопасности. Реакция на этот вред должна соответствовать значению общественной опасности, а именно: учитываться общественные ценности, которым причиняется вред (характер общественной опасности), и обстоятельства самого деяния (степень общественной опасности), а также личность виновного.

Общественная опасность является онтологической категорией, поскольку в основе ее лежит представление о вреде, причиняемом социальным ценностям, одновременно являющимися личными

ценностями для каждого (жизнь, здоровье, свобода и т.д.). В связи с этим преступление осознается также онтологически и непосредственно, на основании фактов нарушения ценностей (ценностное суждение) со стороны других виновных в этом индивидов, которые вызывают ответную реакцию. В значении общественной опасности вред становится публичным, поскольку воспринимается как возможность его повторения и распространения. На основе общественной опасности создается и укрепляется механизм предупреждения преступлений и общественного воспитания в духе соблюдения законности и уважения прав человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. 415 с.
2. Локк Дж. Два трактата о правлении. М.; Челябинск, 2020. 496 с.
3. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989. 120 с.
4. Мирошниченко Д.В. Критика уголовно-правовой онтологии. М.: Юрлитинформ, 2023. 400 с.
5. Мирошниченко Д.В. Социокультурные основания уголовно-правовой парадигмы // Lex russica. 2023. Том 76. №7 (200). С. 60-75;
6. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Трактаты. М., 1969. 710 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Bentam I. Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva. M., 1998. 415 s.
2. Lокk Dzh. Dva traktata o pravlenii. M.; Chelyabinsk, 2020. 496 s.
3. Lyapunov YU.I. Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak universal'naya kategoriya sovetskogo ugovolnogo prava. M., 1989. 120 s.
4. Miroshnichenko D.V. Kritika ugovolno-pravovoj ontologii. M.: YUrlitinform, 2023. 400 s.
5. Miroshnichenko D.V. Sociokul'turnye osnovaniya ugovolno-pravovoj paradigmy // Lex russica. 2023. Tom 76. №7 (200). S. 60-75;
6. Russo ZH.-ZH. Ob obshchestvennom dogovore, ili Principy politicheskogo prava // Traktaty. M., 1969. 710 s.

М.В. ЗАВИДОВА

Взаимосвязь составов преступлений с административной преюдицией с составами преступлений с признаком лица, имеющего судимость

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье рассматривается вопрос о соотношении составов преступлений с административной преюдицией с составами преступлений, содержащими признак лица, имеющего судимость. Отмечается их схожая социально-правовая природа и функция: предупреждение общественно опасного поведения лиц, ранее совершавшим административные правонарушения или преступления. Социальный критерий определил вектор развития уголовного законодательства на дальнейшее применение указанного признака (лица, имеющего судимость) вследствие некоторых легализующих в конституционно-правовом смысле решений правоприменителя. Автором также отмечено, что для установления преюдиции (как административной, так и уголовной) необходим критерий, которым может и должна выступать характеристика действительности общественной опасности деяний и общественно опасного поведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преюдиция, уголовное право, преступление, лицо, имеющее судимость, административная преюдиция, наказание, общественно опасное поведение.

ЗАВИДОВА МИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – соискатель кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: Marina@zavidova.ru).

В уголовном законодательстве имеется ряд составов преступлений, содержащих административную преюдицию, – формально-логическую конструкцию, которой обеспечивается межотраслевое взаимодействие норм административно-деликтного и уголовного права. Эта связь обеспечивается, с одной стороны, связкой «совершение деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние». Эту связку можно обнаружить в различных составах деяний, посредством которых законодатель усиливает правовую ответственность (в первую очередь за счет наказания) лиц, повторно совершающих административный проступок. Нет необходимости вступать в дискуссию относительно вопроса о правомерности (неправомерности) самого использования законодательного приема административной преюдиции. Важно отметить ту роль, которую она выполняет и какие последствия для уголовного права из нее вытекают, в частности, когда речь идет о смежной уголовно-правовой конструкции, в которой используется аналогичная логическая связка, (признак) «лицо, имеющее судимость».

Для ответов на поставленные вопросы следует выделить общие и отличительные черты административной преюдиции и составов с признаком лица, имеющего судимость.

Их общими, объединяющими чертами являются: 1) совершение лицом повторного аналогичного деяния; 2) наличие специального статуса судимости (административной наказанности); 3) время, в течение которого лицо считается судимым (административно наказанным). Данные общие черты можно отнести к числу формальных, поскольку они являются аналогичными в способах учета предшествующего антисоциального поведения лица юридическим средствами.

Объединяющей чертой, которую следует охарактеризовать как социальную (социальный критерий), является антисоциальная направленность личности, иначе говоря, общественно опасное поведение, которое познается посредством повторности уголовно наказуемых деяний.

К отличительным чертам административной преюдиции и составов с признаком лица, имеющего судимость, следует отнести следующие:

1) составы с признаком лица, имеющим судимость, в отличие от составов с административной преюдицией направлены на усиление уголовной ответственности: основание для такого усиления всегда связано с предшествующим фактом преступления; составы с административной преюдицией могут быть связаны как с усилением, так и ослаблением уголовной ответственности, т.е. либо в связи с декриминализацией деяния и его перехода в административно-деликтное законодательство (ст. 158¹ УК РФ), либо вследствие конструирования нового состава уголовно наказуемого деяния с целью усиления ответственности за административные правонарушения (ст. 212¹ УК РФ); 2) составы с административной преюдицией образованы тождественными деяниями, последнее из которых представлено как состав преступления; составы с признаком лица, имеющим судимость могут быть образованы как за счет тождественных, так и однородных деяний; 3) преюдициальный факт административной наказанности выступает всегда в качестве криминообразующего; преюдициальный факт судимости как в качестве криминообразующего, так и в качестве квалифицирующего признака состава¹.

Все указанные различия, как не сложно заметить, происходят из специфики законодательного формулирования составов с административной преюдицией или с признаком лица, имеющего судимость. По сути, эти разночтения носят формальный характер и подчиняются простым правилам формальной логики и юридической техники. Например, судимость является сугубо уголовным понятием и выступает институтом уголовного права. Следовательно, ее учет может происходить только в рамках уголовно-правовых отношений и только как признак, с наличием которого связано усиление ответственности за ранее совершенное аналогичное деяние. Это означает, что уже должен быть состав преступления, который выполняет преюдициальную функцию по отношению к составу, в котором эта преюдиция учитывается. Например, составы половых преступлений,

содержащих признак лица, имеющего судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности (п. «а» ч. 5 ст. 131-132 УК РФ), предполагают ранее совершение любого из преступления против половой неприкосновенности. По этому признаку (п. «а») лицо привлекается к ответственности как в случае ранее совершенного деяния впервые, так и в случае, когда оно уже было осуждено по п. «а» ч. 5 ст. 131-132 УК РФ). Пункты «а» выступают как законодательные пределы ответственности за повторные преступления против половой неприкосновенности. Иначе говоря, они занимают самую высокую позицию в лестнице мер уголовно-правового воздействия при повторных деяниях, требующих усиления уголовной ответственности в целях предупреждения общественно опасного поведения. Можно, конечно, выделить повторность деяний за нарушение половой неприкосновенности в отдельный состав, но так или иначе он будет зависеть от ранее совершенного предикатного тождественного или однородного преступления. Такие составы не будут являться самостоятельными с точки зрения отражения в них социального аспекта общественной опасности. Эта категория (общественная опасность) будет зависеть от факта предшествующего общественно опасного поведения.

Вместе с тем, в иных случаях признак лица, имеющего судимость, зачастую образован логикой законодательной регламентации составов с административной преюдицией и становится зависимым не от исходного уголовного преступления, а от административного правонарушения, в связи с которым лицо, при повторном его совершении, привлекают к уголовной ответственности. Логика здесь продиктована самим законодательным способом регламентации составов с административной преюдицией и выглядит следующим образом. Например, на основании административного состава правонарушения, предусматривающего ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения сформулирован состав ст. 264¹ УК РФ. Поскольку в основание

¹. Мирошниченко Д.В. Преюдиция в уголовном праве России: теоретико-прикладное исследование. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 141-142.

данного состава находится повторность деяния, которая указывает на социальный критерий, увеличивающий наказание за счет средств уголовного права, возникает закономерный вопрос: как быть, если лицо, допустившее нарушение ст. 264¹ УК РФ, вновь совершает аналогичное деяние, уже будучи судимым? Ответом будет являться уголовная преюдиция, т.е. законодательное установление признака лица, имеющего судимость за совершение этого же или тождественного преступления, который с учетом социального критерия (антиобщественной установки), проявляемого в ситуации наличия судимости более выражено и интенсивно, становится отягчающим обстоятельством в составах с административной преюдицией. Так, образуется ч. 2 ст. 264¹ УК РФ или другие подобные составы: ч. 2 ст. 116.1, ч. 2 ст. ст. 264.2- 264.3 УК РФ.

В связи с этим важное значение для законодательного распространения и признака судимости как отягчающего обстоятельства имела позиция Пленума Конституционного Суда РФ², в соответствии с которой ст. 116¹ УК РФ, предусматривающая ответственность за побои лицами, ранее привлеченными к административной ответственности за аналогичный административный проступок, была признана неконституционной в той мере, в какой она не обеспечивала соразмерную уголовно-правовую защиту права на личную неприкосновенность и права на охрану достоинства личности от насилия. Суть позиции состоит в том, что до законодательных изменений ст. 116¹ УК РФ лицо, привлеченное к уголовной ответственности за побои и повторно их совершившее при условии истечения срока административной наказанности, но продолжения течения срока судимости по ст. 116¹ УК РФ не могло быть привлечено к уголовной ответственности по данной статье (в отсутствие признака лица, имеющего судимость), а потому это лицо вновь привлекалось только к административной ответственности. При

этом Конституционным Судом РФ отмечено, что «общественная опасность повторного деяния — в связи с предшествующим привлечением уже не к административной, а к уголовной ответственности — нанесении побоев, не может оцениваться как снизившаяся. Напротив, повторность указывает на устойчивость поведения виновного, склонность к разрешению конфликтов насильственным путем... что дает конституционно значимые основания для применения государством наиболее строгих — уголовно-правовых — средств защиты личности»³.

Таким образом, Конституционный Суд РФ своим решением легитимировал признак лица, имеющего судимость в преюдициальных составах в качестве необходимого и квалифицирующего в целях соблюдения принципа равенства и справедливости, и реализации задач уголовного права. Принципиальным выводом из данного решения является то, что лицо, имеющее судимость и вновь совершающее аналогичное преступление, несет повышенную уголовную ответственность, вследствие увеличения его общественной опасности. Как при применении составов с административной преюдицией, так и уголовной преюдицией, суды ориентируются в первую очередь на признаки состава преступления, характеризующие его субъекта как лицо, которое на момент совершения этого деяния было подвергнуто административному наказанию (или имеющего судимость)⁴.

Таким образом, если ранее признак судимости после реформы 2003 г. применялся законодателем sporadически в основном при формулировании наиболее тяжких составов (как половые преступления против половой неприкосновенности), то с раскрытием Конституционным Судом РФ правового смысла социального признака, которым выступает субъект преступления, уголовная преюдиция получает сильный импульс к своему распространению в Особенной части УК РФ.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

3. Там же.

4. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

Дело состоит в логике изложения соответствующих преюдициальных запретов, основное назначение которых состоит в противодействии общественно опасному поведению, а проще говоря, общественной опасности лица, которая проявляется в повторности поступков. Правовая позиция, которую занял Конституционный Суд РФ, является логичным исходом мышления о преступлении сквозь призму социальной опасности личности, которая проявляется ступенчатым образом: от проступка к преступлению (административная преюдиция), от преступления с административной преюдицией к преступлению уголовной преюдицией. Посредством конструкции преюдиции, можно сказать, произошел законодательный запуск усиления уголовной ответственности за устойчивое антисоциальное поведение, когда деяния в онтологическом смысле (чисто уголовно-правовом или чисто административно-деликтном) становятся второстепенными и на передний план выступает лицо, представляющее общественную опасность.

Таким образом, признак лица, имеющего судимость, выступает как следствие стремления усилить ответственность уголовно-правовым способом за наиболее опасное социальное поведение. Этот способ появляется либо чистым волеизъявлением законодателя, как реакцией на наиболее опасные преступления, так и логическим способом конструирования и дифференциации составов преступлений с учетом принципов справедливости и равенства, как в случае с административной преюдицией.

Данная ситуация дала повод одним авторам говорить о возвращении концепции опасного состояния⁵, другим – о возвращении неоднократности как разновидности множественности деяний⁶. Полагаем, что ни в первом, ни втором случае никакого возвращения не происходит, по двум причинам. Во-первых, Конституционный

Суд РФ, хотя в несколько двусмысленном виде, но, тем не менее, сформулировал в одном из своих решений (речь идет о казусе И. Дадина) принципиальную позицию, которая может служить основанием для препятствования неконтролируемому распространению административной преюдиции. В частности, при решении вопроса о конституционности положений ст. 212.1 УК РФ суд отметил, что при установлении уголовной ответственности за повторное (неоднократное) нарушение тех или иных запретов нельзя не учитывать природу таких правонарушений, исключая отнесение к преступлениям деяний хотя и противоправных, но не обладающих действительной общественной опасностью (*malum prohibitum*)⁷. То есть деяния, предусмотренные КоАП РФ, чтобы стать уголовно-правовым запретом, должны быть действительно общественно опасными (*malum in se*). Как видится, здесь есть основания для создания концепции ограничения законодателя во введении административной преюдиции. Во-вторых, неоднократность, как известно, является видом множественности преступлений, при этом основания ее выделения носят объективный характер: неоднократность образуется из ряда тождественных деяний, ни за одно, из которых лицо не было привлечено к уголовной ответственности. Но в случае с преюдицией (административной и уголовной), лицо совершает только одно (единичное) деяние. Учет предыдущего криминального опыта в рамках сроков судимости (административной наказанности) производится для учета общественной опасности лица, которая отнюдь не является произвольной оценкой личности виновного, ангажированной политическими или иными аспектами, а связана с действительными фактами ранее совершенных им преступлений или иных правонарушений, которые невозможно не учитывать.

5. Иванов Н.Г. Общественная опасность как онтологическая основа криминализации. М.: Проспект, 2016. С. 66.

6. Куликов О.В. Уголовная неоднократность: отрицание отрицания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1 С. 127-135.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

Таким образом, социальный критерий (анти-общественная направленность личности) является характеристикой, объединяющей административную преюдицию и уголовную преюдицию (составы преступлений с признаком лица, имеющим судимость). Их различие заключается в формальных основаниях и способах построения законодательных конструкций преюдициальных составов с учетом отраслевых институтов, с которыми они связаны. Социальный критерий легитимирует распространение преюдиции на уровне уголовного закона, в связи с чем необходимо предложить

средство для сдерживания такого распространения — действительность общественной опасности (*malum in se*) и распространить его как на административные проступки, так и на преступления. Преюдиция как способ воздействия на общественно опасную личность является действенным средством сдерживания антиобщественных установок, которые могут развиваться в преступление. Поэтому ее (преюдиции) законодательный учет может быть объективно связан только с такими формами поведения, которые действительно являются общественно опасными.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Иванов Н.Г. Общественная опасность как онтологическая основа криминализации. М.: Проспект, 2016. 80 с.
2. Куликов О.В. Уголовная неоднократность: отрицание отрицания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 127-135.
3. Мирошниченко Д.В. Преюдиция в уголовном праве России: теоретико-прикладное исследование. М.: Юрлитинформ, 2022. 208 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Ivanov N.G. Obshchestvennaya opasnost' kak ontologicheskaya osnova kriminalizacii. M.: Prospekt, 2016. 80 s.
2. Kulikov O.V. Ugolovnaya neodnokratnost': otricanie otricaniya // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2023. № 1. S. 127-135.
3. Miroshnichenko D.V. Preyudiciya v ugovnom prave Rossii: teoretiko-prikladnoe issledovanie. M.: YUrlitinform, 2022. 208 s.

Б.С. ИВАНОВ

Основные изменения организации и деятельности нотариата России в период реформы 1993 года

АННОТАЦИЯ. В 1993 году в России произошли существенные изменения организации и деятельности нотариата. В статье представлены наиболее важные итоги проведенной реформы: изменение задач института нотариата, правового статуса нотариуса и принципов финансирования нотариальной деятельности, появление нотариусов, занимающихся частной практикой, а также нотариальных палат, увеличение видов нотариальных действий, совершаемых нотариусами. Автором сделан вывод о том, что Основы законодательства Российской Федерации о нотариате несмотря на более чем тридцатилетнюю историю и многочисленные изменения и редакции по-прежнему являются законодательной базой для функционирования и успешного развития нотариата, как уникального правового института, где частнопрактикующий нотариус осуществляет публично-правовые функции от имени государства, является единственным профессиональным участником рынка недвижимости, который несет полную имущественную ответственность и решает все новые и новые задачи, поставленные государством.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нотариус, реформа нотариата, нотариальная палата, финансирование нотариуса, частнопрактикующий нотариус, виды нотариальных действий, задачи нотариата.

ИВАНОВ БОРИС СЕРГЕЕВИЧ – аспирант 1 года очной формы обучения кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права Российской академии адвокатуры и нотариата, нотариус города Москвы (e-mail: 5421963@gmail.com);

ФОМИН ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент кафедры адвокатуры и нотариата Российской академии адвокатуры и нотариата, нотариус города Москвы.

В феврале 2023 года с момента начала реформы нотариата России 1993 года и принятия Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, прошло более 30 лет – период истории, по итогам которого можно проанализировать цели и задачи и сделать выводы о результатах произошедших изменений в области организации нотариальной деятельности в нашей стране. Важность принятия Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, как важнейшего события для развития института нотариата в целом и внебюджетного нотариата в частности на современном этапе своего развития нельзя недооценить – на смену системе государственного нотариата советского периода появилась другая, новая, революционная в определенном смысле система организации и деятельности нотариата.

Большое практическое значение имеет исследование изменений российского законодательства в области нотариата в период реформы 1993 года. Использование модели передачи части публично-правовых функций государством частнопрактику-

ющим специалистам на примере нотариата может быть в дальнейшем использовано и востребовано с целью развития институтов гражданского общества, профессиональных корпораций, снижения государственных и муниципальных бюджетных расходов, повышения конкуренции и удовлетворенности общества государственным управлением, снижения административных барьеров для граждан и бизнеса.

Одним из важных преобразований является смена ориентиров, задач самого института, установленных государством. Если целями нотариата в советский период была охрана социалистической собственности и только потом прав и законных интересов граждан и различных юридических лиц, то с переходом к рыночным механизмам в экономике и демократическим принципам государственного регулирования новой задачей становится именно защита законных интересов и прав граждан, а также юридических лиц. Это полностью соотносится с положениями основного закона – Конституции Российской Федерации, согласно которой права

и свободы человека являются высшей ценностью. Таким образом, по итогам реформы нотариат стал связующим звеном между государством, обществом, отдельными людьми, их объединениями, иными субъектами правоотношений.¹

Пожалуй, одной из важнейших новелл реформы нотариата 1993 года было появление наряду с нотариусами, работающими в государственных нотариальных конторах, частнопрактикующих нотариусов. При этом за редким исключением, прямо указанным в законе, независимо от того, работали ли нотариусы в государственной нотариальной конторе или были частнопрактикующими, они несли одинаковые обязанности, а также обладали равными правами. Если в законе СССР от 19.07.1973 № 4537-VIII «О государственном нотариате» имелось положение, что в отдельных случаях, предусмотренных законодательством союзных республик, на должность государственного нотариуса могли назначаться лица, вообще не имеющие высшего юридического образования, то по новому закону его наличие, как критерия получения статуса нотариуса, стало строго обязательным. Таким образом, во-первых, в законе были установлены единые повышенные требования к уровню образования кандидатов, претендующих на должность и, во-вторых, при обращении к нотариусу заявители могли быть уверены, что нотариус точно обладает высоким уровнем грамотности в области права, что безусловно важно при совершении нотариальных действий от имени государства и развития гражданского оборота в условиях рыночной экономики. Отмечу, что законодательно непосредственно в Основах была определена процедура получения статуса нотариуса, которая в редакции закона, действовавшего на момент его принятия, состояла из нескольких этапов: прохождения годичной стажировки под руководством частнопрактикующего нотариуса или в стенах государственной нотариальной конторы, при возможности ее сокращения на основании совместного решения нотариальной палаты и органов юстиции лицам, у которых имелся юридический опыт работы не менее трех лет, этапа сдачи

квалификационного экзамена и получения лицензии на право нотариальной деятельности. В дальнейшем процедура получения статуса нотариуса неоднократно уточнялась и усложнялась с целью допуска в профессию наиболее подготовленных в профессиональном плане представителей общества и прозрачности проведения отборочных конкурсных процедур.

Произошли существенные изменения в статусе нотариуса, закрепленном в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате в сравнении с законом СССР от 19.07.1973 № 4537-VIII «О государственном нотариате». В качестве гарантий нотариуса впервые в отечественном законодательстве был сформулирован принцип независимости, а также беспристрастности при осуществлении им своей профессиональной деятельности. Среди документов, которыми нотариус должен был руководствоваться помимо главного закона страны – Конституции, федерального и регионального законодательства, появились в качестве источника регулирования международные договоры. Ограничения в деятельности нотариуса были установлены законодателем в виде запрета заниматься предпринимательской, а также другой оплачиваемой деятельностью, а разрешенная деятельность, которую одновременно можно было совмещать с осуществлением нотариальной помимо преподавательской и научной, дополнена широким понятием «иной творческой». Помимо этого, впервые в законодательстве Российской Федерации были детально, в отдельных статьях, прописаны ответственность, права и обязанности нотариуса. Уже в первой редакции Основ законодательства содержалось нововведение для отечественного законодательства о нотариате – имущественная ответственность для должностного лица, осуществляющего публично-правовые функции от имени государства: ответственность частнопрактикующего нотариуса по возмещению им причиненного ущерба в случае, если он совершит противоречащее законодательству нотариальное действие или умышленно разгласит сведения о совершенном нотариальном действии.

¹ Корсик К. А. Значение нотариата для правовой системы общества // Lex russica. 2021. Т. 74. № 3. С. 9-15.

Новеллой законодательства было и изменение подхода в решении вопроса финансирования деятельности частнопрактикующих нотариусов. В отличие от системы бюджетного финансирования и хозрасчета советского периода был введен принцип самофинансирования деятельности нотариусов, занимающихся частной практикой. Так, Основы законодательства Российской Федерации о нотариате установили в качестве источника финансирования деятельности частнопрактикующего нотариуса денежные средства, полученные им вследствие совершения нотариальных действий, а также оказания услуг правового и технического характера, и поступившие благодаря иным финансовым поступлениям, которые не нарушают закон. При этом после уплаты налогов, а также других обязательных в соответствии с законом платежей все полученные нотариусом, занимающимся частной практикой, такие денежные средства, поступают в собственность непосредственно самого нотариуса и расходуются им по своему усмотрению. Отмечу, что вопрос тарификации услуг нотариуса неоднократно уточнялся и корректировался на протяжении всего рассматриваемого тридцатилетнего периода существования Основ законодательства о нотариате, являлся дискуссионным, но в то же время никто из критиков не оспаривает правильность избранного в 1993 году пути внебюджетного финансирования института частнопрактикующего нотариата России, по этой причине достойный уровень оплаты труда высококвалифицированного юриста-нотариуса — это путь для успешного дальнейшего развития данного правового института.

В процессе реформирования нотариата России в 1993 году была создана двухуровневая система нотариальных палат. Возглавляет эту систему Федеральная нотариальная палата, которая имеет статус некоммерческой организации, профессионального объединения нотариальных палат субъектов, входящих в состав Российской Федерации.

Среди функций Федеральной нотариальной палаты можно выделить: координацию — для целей обеспечения согласованности действий в субъектах России региональных нотариальных палат, а также поддержания и сохранения эффективности их работы, контрольную — проверка их деятельности в субъектах Российской Федерации в части соблюдения ими законодательства и уставным целям, организация публично-правовой деятельности самих нотариусов по обеспечению защиты законных интересов, а также прав организаций и граждан, своевременности и полноты выполнения обязанности нотариальных палат по уплате членских взносов, а также иных платежей; организационную — участие в проведении различного рода экспертиз законопроектов, касающихся нотариальной деятельности, обеспечение процедуры страхования деятельности нотариусов, формирование специального целевого компенсационного фонда; создание программ по поддержке и социальной помощи нотариату в малонаселенных, а также труднодоступных местностях; представительскую — участие нотариальных палат в работе различных международных организациях, а также в органах государственной власти разного уровня, местного самоуправления, в отношениях с гражданами и организациями, правозащитную — принятие мер для охраны профессиональных, а также и социальных прав частнопрактикующих нотариусов.²

Нотариальные палаты на уровне субъектов России также имеют статус некоммерческих организаций, профессиональных объединений частнопрактикующих нотариусов, для которых участие в соответствующей региональной нотариальной палате является обязательным. Нотариальные палаты субъектов Российской Федерации также имеют статус юридических лиц, организующих свою работу на принципах самоуправления. Их правовое регулирование осуществляется федеральным и региональным законодательством. Так, в

² Устав Федеральной нотариальной палаты (утв. ФНП 22.09.1993) (ред. от 30.10.2018) // Федеральная нотариальная палата / URL: https://notariat.ru/media/filer_public/81/fb/81fb25e2-414e-4d51-bde6-8eece86eae4/ustav_fnp_red_ot_30102018.pdf (дата обращения 11.04.2023).

городе Москве Московская городская нотариальная палата защищает интересы частнопрактикующих нотариусов столицы и представляет их во взаимоотношениях с органами власти, организациями и гражданами, оказывает им высококвалифицированную методическую помощь путем проведения обучающих лекций, семинаров, обобщения правоприменительной практики, издания методических рекомендаций и писем, оказывает различное содействие в осуществлении нотариальной деятельности, в том числе помогает с централизованным приобретением реестров и специальных книг, иных расходных материалов, архивном хранении; организует стажировку и оказывает помощь в её прохождении лицам, изъявившим желание и имеющим необходимые знания для осуществления нотариальной деятельности, включая проведение обучающих лекций для стажеров нотариусов, организации приема вступительных испытаний, а также повышения профессиональной квалификации представителей нотариального сообщества, включая нотариусов, их помощников, а также лиц, обеспечивающих деятельность нотариуса; направляет наиболее опытных членов палаты для участия в составе конкурсной и квалификационной комиссии; осуществляет, контролирует надлежащее исполнение нотариусами МГНП в пределах предоставленной законом компетенции их профессиональных обязанностей и обязанностей члена палаты; проводит организационные мероприятия для страхования профессиональной ответственности нотариусов и некоторые другие.³

В отечественной науке существуют разные подходы к правовому статусу нотариальных палат, которые появились в результате реформы нотариата России в 1993 году. Существуют две основные точки зрения ученых относительно вопроса о необходимости появления в законодательстве особого правового статуса нотариальных палат, отличающего их среди других некоммерческих

организаций. Одна группа представителей науки (Г.Г. Черемных, С.В. Смирнов) предлагала ввести в законодательство особую организационно-правовую форму некоммерческих организаций для нотариальных палат.⁴ Вторая группа ученых (Е.А. Суханов, Л.Ю. Малинина) считает, что нотариальные палаты явной правовой спецификой не обладают, что не требует появления в отечественном законодательстве отдельной формы некоммерческих организаций.⁵ Тридцатилетний опыт деятельности нотариальных палат показал, что отсутствие в законодательстве о некоммерческих организациях отдельной формы для нотариальных палат не влияет на возможность их эффективного функционирования и успешной работы. Вместе с тем однозначно можно сделать вывод, что, создав многоуровневую систему профессиональных объединений нотариусов, построенную на принципах самоуправления, государство передало часть значимых вопросов регулирования организации и деятельности нотариата в руки профессиональных участников нотариальной корпорации, показавших высокие результаты в вопросах своего ведения.

Однако было ли существенное увеличение значения корпорации в регулировании нотариальной деятельности новеллой именно российской правовой системы? Нет, поскольку профессиональные объединения нотариусов были известны еще в Древнем Риме периода империи, позднее в Византии, а также и в странах средневековой Европы, которые восприняли римское право. Например, во второй половине XIII века руководил нотариусами Болоньи совет, который состоял из шести консулов под председательством проконсула. Корпорация контролировала ее членов в этот период путем проведения надзора за поведением ее членов и их действиями. Иными словами, контроль осуществлялся за профессиональными действиями нотариусов и их деятельностью как в рабочее время, так и в период отдыха. Корпорация

3. Закон города Москвы Об организации и деятельности нотариата в городе Москве (В редакции законов Москвы от 02.04.2008 № 15, от 06.06.2018 № 18, от 22.07.2020 № 15) // Тверская, 13. 2006. 4 мая.

4. Черемных г. Г. Нотариат как институт предупредительного (превентивного) правосудия // Нотариус. 1998. № 5/6. С 73-75.

5. Малинина Л. Ю. Организационно-правовая форма и другие вопросы деятельности нотариальных палат в Российской Федерации // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Соц.-экон. и правовые исслед. 2017. Т. 3. № 2. С. 130-142.

также имела право суда: рассматривала споры между членами нотариальной корпорации, а также разрешала конфликты между нотариусом и теми, кто обращался за совершением нотариальных действия. Корпорация также осуществляла и командирование нотариусов в суд, производила в случаях, указанных в законе, созыв важнейшего органа управления — общего собрания представителей нотариальной корпорации соответствующего города. Наконец, корпорация отвечала за сохранность архива нотариуса после его смерти, в том числе договоров, протоколов и прочих документов, а также давала согласия на назначение на должность конкретного претендента на должность, а также создание статуты, которые были обязательны для применения с целью регулирования порядка реализации нотариальной функции, а также деятельности самой корпорации.⁶

Стоит отметить, что и в отечественной истории до реформы 1993 года имелся опыт существования нотариальных корпораций. Артель площадных подъячих с круговой порукой друг за друга существовала уже в XVII веке. Их количество было довольно значительным для того периода времени. Например, уже в конце XVII века в городе Москва трудились 24 писца, а в иных больших городах их число составляло 12 человек. Оружейная палата давала обязательные для исполнения поручения, находившейся в подчинении Московской корпорации писцов, а в других городах этот вопрос был прерогативой местного дворянства.⁷ Значительно позднее, в конце XIX — начале XX века, до Октябрьской революции, в Киеве, Нижнем Новгороде, Петрограде и ряде иных крупных городов работали профессиональные региональные корпоративные организации.⁸

По итогам реформы нотариата России 1993 года произошло расширение видов нотариальных действий, совершаемых нотариусами. Нотариусы, занимающиеся частной практикой и работающие

в государственных нотариальных конторах, стали свидетельствовать верность перевода документов с одного языка на другой и обеспечивать доказательство. Оба новых нотариальных действия стали востребованы среди заявителей и неслучайно. С расширением международной торговли, увеличением внешнеэкономических связей кратно выросло количество документов, требующих перевода, при этом появились нотариусы, владеющие такими языками на профессиональном уровне. Среди заявителей стало востребовано и такое нотариальное действие, как обеспечение доказательств. Оно может быть совершено в случае наличия оснований полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным, а их наличие необходимо для последующего представления в суд или административный орган для разрешения дела по существу. В ранее действовавшей на момент принятия Основ законодательства Российской Федерации о нотариате статье, касающейся обеспечения доказательств, нотариус не мог обеспечивать доказательства по делам, которые в момент обращения заинтересованных лиц к нотариусу уже находились в производстве суда или на рассмотрении уполномоченного административного органа. Позднее эти положения закона были отменены, что позволило значительно увеличить количество обращений к нотариусам с данным нотариальным действием, упростило процедуру сбора и представления сторонами дела материалов дела для отстаивания своих интересов в суде. Отметим, что в редакции Основ законодательства Российской Федерации о нотариате на момент их принятия существовали различия в видах нотариальных действий, совершаемых нотариусами, занимающимися частной практикой и работающими в государственных нотариальных конторах. Так, первые не имели полномочия по выдаче свидетельств о праве на наследство и принятию мер к охране наследствен-

6. Еременко А.А. Двадцать лет возрожденному нотариату. История ФНП. М.: Фонд развития правовой культуры, 2013. С. 18.

7. Шаповалова Л.Л. Становление и развитие института нотариуса в России (историко-правовой аспект): дис. ...канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С 30.

8. Еременко А.А. Двадцать лет возрожденному нотариату. История ФНП. М.: Фонд развития правовой культуры, 2013. С. 22.

ного имущества, однако позднее такое различие было искоренено ввиду оправдавшегося доверия государства к профессионализму частнопрактикующих нотариусов и сокращения количества государственных нотариальных контор.

По итогам рассмотрения основных изменений в организации и деятельности нотариата России в период реформы 1993 года можно согласиться с утверждением Сазоновой М.И., что Основы законодательства РФ о нотариате, стали правовой платформой, фундаментом для кардинального изменения, перевода нотариата на новую организационно-правовую форму – внебюджетного, самофинансируемого нотариата, с новыми функциями, новыми правами и ответственностью.⁹ Определение в качестве основной задачи института нотариата – защиту прав и законных интересов граждан и организаций, появление наряду с государственными нотариусами, нотариусов, занимающихся частной практикой, организующих свою работу на принципах самофинансирования, прямое указание в законе положений о правах, обязанностях и ответственности нотариуса, создание двухуровневой системы нотариальных палат – являются основными изменениями организации и деятельности нотариата России в период реформы 1993 года. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, несмотря на более тридцатилетнюю историю и многочисленные изменения и редакции, по-прежнему являются законодательной базой для функционирования и успешного развития нотариата, как уникального правового института, где частнопрактикующий нотариус осуществляет публично-правовые функции от имени государства, является единственным профессиональным участником рынка недвижимости, который несет полную имущественную ответственность и решает все новые и новые задачи поставленные государством. Возникает волна

рейдерских захватов бизнеса – нотариат успешно решает эту проблему, кропотливо рассматривая все документы при удостоверении сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью. Суды перегружены исками по сделкам с долями в праве на недвижимость, после введения обязательной нотариальной формы кратно снижается количество таких дел в суде. Появляются мошенничества с автомобилями в залоге у банков – нотариат предлагает, внедряет и успешно вносит сведения в реестр залогов движимого имущества для защиты добросовестных покупателей автотранспорта и соблюдения интересов кредиторов. В указанных и многих других поставленных государством задачах нотариат России показывал свою эффективность благодаря правовой базе создателей внебюджетного нотариата 1993 года. Высокий профессионализм авторов Основ законодательства Российской Федерации о нотариате в части написания данного закона в сжатые сроки позволил более чем в течение тридцати лет после его принятия дополнять, уточнять отдельные статьи и положения с учетом запросов общества и государства, не принимая новый закон и не меняя первоначальную редакцию до неузнаваемости, что является для отечественного законодательства достаточно редким случаем.¹⁰ Соглашусь с позицией Гуреева В.А, что дальнейшее развитие института нотариата, неразрывно связано с решением вопроса о том, насколько будет сильна роль государства в его становлении, учитывая, что в России нотариат построен по примеру латинской модели с национальными особенностями.¹¹ Однако участие государства в регулировании нотариальной деятельности не должно, по нашему мнению, сокращать те успехи, которых достиг частнопрактикующий нотариат России на текущий момент, базируясь на принципах саморегулирования и самофинансирования.

⁹ М.И. Сазонова. Реформа нотариата. Нотариат как правовой институт при оказании содействия судам в снижении спорности гражданского оборота // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 2. С. 124-128.

¹⁰ Балашкина И.В., Яцурик К.А. Развитие отечественного нотариата: некоторые аспекты // Аллея науки. 2020. №2 (41). С. 558-563.

¹¹ Гуреев В.А. Роль государства в становлении и развитии института нотариата // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 4. С. 36-39.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Балашкина И.В., Яцурик К.А. Развитие отечественного нотариата: некоторые аспекты // Аллея науки. 2020. №2 (41). С. 558-563.
2. Гуреев В.А. Роль государства в становлении и развитии института нотариата // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 4. С. 36-39.
3. Еременко А.А. Двадцать лет возрожденному нотариату. История ФНП. М.: Фонд развития правовой культуры, 2013. 232 С.
4. Корсик К. А. Значение нотариата для правовой системы общества // Lex russica. 2021. Т. 74. №3. С. 9-15.
5. Малинина Л.Ю. Организационно-правовая форма и другие вопросы деятельности нотариальных палат в Российской Федерации // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Соц.-экон. и правовые исслед. 2017. Т. 3. № 2. С. 130-142.
6. Сазонова М.И. Реформа нотариата. Нотариат как правовой институт при оказании содействия судам в снижении спорности гражданского оборота. // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 2. С. 124-128.
7. Черемных Г.Г. Нотариат как институт предупредительного (превентивного) правосудия // Нотариус.1998. № 5/6. С 73-75.
8. Шаповалова Л.Л. Становление и развитие института нотариуса в России (историко-правовой аспект): дис. ...канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. 176 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Balashkina I.V., YAcurik K.A. Razvitie otechestvennogo notariata: nekotorye aspekty // Alleya nauki. 2020. №2 (41). S. 558-563.
2. Gureev V.A. Rol' gosudarstva v stanovlenii i razviii instituta notariata // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2022. № 4. S. 36-39.
3. Eremenko A.A. Dvadcat' let vozrozhdennomu notariatu. Istoriya FNP. M.: Fond razvitiya pravovoj kul'tury, 2013. 232 S.
4. Korsik K. A. Znachenie notariata dlya pravovoj sistemy obshchestva // Lex russica. 2021. Т. 74. №3. S. 9-15.
5. Malinina L.YU. Organizacionno-ppavovaya fopma i dpygie vopposy deyatel'nocti notarial'nyx palat v Poccijkoj Fedepacii // Bectn. Tyum. gos. yn-ta. Soc.-ekon. i ppavovye iccled. 2017. Т. 3. № 2. С. 130-142.
6. Sazonova M.I. Reforma notariata. Notariat kak pravovoj institut pri okazanii sodejstvviya sudam v snizhenii spornosti grazhdanskogo oborota. // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2018. № 2. S. 124-128.
7. CHepemnyx G.G. Notapiat kak incitityt ppedyppeditel'nogo (ppreventivnogo) ppavocydiya // Hotapiyc.1998. № 5/6. C 73-75.
8. SHapovalova L.L. Stanovlenie i razvitie instituta notariusa v Rossii (istoriko-pravovoj aspekt): dis.... kand. yurid. nauk. stavropol', 2000. 176 s.

С.Е. КАСЬЯНОВ

Принцип справедливости как основа уголовного права

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется справедливость в контексте определения природы уголовного права. Утверждается, что справедливость составляет основу уголовного права, поскольку участвует в образовании представления как о наказуемости (необходимости наказания), так и преступности деяния (как содержащего признак общественной опасности). Констатация общественной опасности есть основание моральной упречности деяния, когда оно заслуживает соответствующего наказания при наличии вины лица, его совершившего. Таким образом, принцип справедливости участвует одновременно и в образовании представления о наказуемости и преступности содеянного, которые составляют основу уголовного права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: справедливость, уголовное право, наказание, преступление, индивид, общество, общественные отношения, мораль.

КАСЬЯНОВ СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – аспирант кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: Advokat.SKasyanov@gmail.com).

В теории права принцип справедливости является фундаментальным. На нем покоится социальное представление о правовых началах общественных отношений, гармонически сочетающих возможности и способы достижения каждым из индивидов личных интересов. Несправедливость есть в своем роде диссонанс, образуемый в процессе реализации личных интересов и потребностей неправовыми средствами, когда происходит вмешательство либо в действующий порядок (законодательство), либо совершается противоправное деяние в рамках действующего порядка, влекущее причинение вреда правам и законным интересам других лиц. Вред в этом смысле есть противоположность общественным отношениям, основанным на справедливости. Справедливость – это оптимальное сочетание интересов отдельных индивидов, групп и общества (государства) в целом, а также степень защищенности их интересов¹. В противоположность отдельным взглядам², справедливость следует считать правовой категорией, участвующей в правильном распределении

социальных благ и реализации личных интересов.

Первый вариант (несправедливость закона) ставит вопрос о поддержании справедливости на уровне законодательства; второй вариант – на уровне реализации конкретных правоотношений. Так, несправедливо, когда при одних и тех же условиях интересы одних индивидов обеспечены уголовным законом, а других – нет, или отсутствуют равные возможности для привлечения к уголовной ответственности. В этом случае справедливость связывается с принципом равенства, гуманизма. Второй обозначенный выше вариант предполагает несправедливость как нарушение прав и интересов других лиц по воле виновного лица, за что это лицо подлежит наказанию. Гегель по этому поводу писал: «В абсолютной связи с преступлением находится справедливость возмездия. Здесь мы имеем дело с абсолютной необходимостью, которая их связывает, ибо одно есть противоположное другому»³.

В данной работе в первую очередь интересуется этот второй вариант, поскольку он открывает путь

1. Оленин Н.Н. Принцип справедливости и право РФ // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 111.

2. Городнова О.Н. Справедливость уголовного закона и наказания: законодательство и практика // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 145; Тихонов В.И. Принцип справедливости в уголовном праве и его содержание // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27. (вып. 6). С. 145.

3. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Политиздат, 1978. С. 213.

к познанию отраслевых аспектов справедливости, в том числе в уголовном праве.

Несправедливость в уголовном праве определяется через специфику определения преступлений — круга противоправных деяний, обладающих свойством общественной опасности и вызывающих необходимость применения наиболее строгой меры правового воздействия — уголовного наказания. В уголовном законодательстве принцип справедливости установлен в ст. 6 УК РФ, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. В этом положении в общем смысле справедливость определяется посредством соразмерности преступления и наказания. Таким образом, возникает впечатление, что законодатель не распространяет понятие справедливости на само понятие преступления. Подтверждение этому можно найти в уголовно-процессуальном законодательстве, где в силу ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ несправедливый приговор является предметом апелляционного обжалования. Таковым законодатель признает приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные статьей Особенной части УК РФ, но по своему виду и размеру являются несправедливыми как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости.

Вместе с тем, думается, что принцип справедливости реализуется не только в наказании, но и одновременно в признании деяния несправедливым — преступным. Можно, конечно, утверждать, что этот вопрос не входит в компетенцию суда, а остается в сфере законодательных полномочий, что подтверждается принципом законности, согласно которому преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК РФ (ч. 1 ст. 3 УК РФ). Принцип справедливости, взаимодействуя с принципом законности, позво-

ляет правоприменителю назначать наказание в пределах, установленных уголовным законом. Но для этого необходимо констатировать, что общественная опасность в конкретном деянии имеет место, характер и степень ее таковы, что наказание в определенном законом пределе является справедливой мерой, удовлетворяющей целям наказания и задачам, стоящим перед уголовным правом.

Отсюда следует, что суд в первую очередь должен убедиться в том, что деяние содержит общественную опасность, и вынести итоговое решение о виновности лица (приговор), которым утверждается факт того, что общественная опасность характеризует содеянное как преступление. Таким образом, приговор является результатом определения содеянного как преступления, а также, признания этого содеянного заслуживающим соответствующего наказания. При этом оба эти направления суждений (о справедливости в признании содеянного преступлением и справедливости наказания за это содеянное) диалектически взаимосвязаны. Определяет эту взаимосвязь моральный акт суждения — социально-этическое осуждение поступка, которое происходит в сознании судьи. Этот этический акт провоцируется по меньшей мере двумя факторами, влияющими на реализацию справедливости в уголовном праве: это наказуемость и обстоятельства совершенного деяния.

Наказуемость является одним из свойств преступления, определяющих его природу. Уголовные наказания, как известно, наиболее репрессивны, по сравнению с другими формами юридической ответственности. Этот факт оказывает влияние на ответственный подход судьи к оценке общественной опасности с точки зрения достаточности, чтобы утверждать, что деяние справедливо заслуживает наказания, как реакции государства на уголовно-противоправное поведение, которым санкционируется применение наказания в той мере, в которой оно определено законом. Сама по себе ответственность создает некую ситуацию напряжения усилий правоприменителя к тому, чтобы ответить на вопрос об общественной опасности, которая бы коррелировала выводу о справедливости наказания.

Второй фактор — это ситуация совершенно-

го деяния, в котором имеются признаки состава преступления. Эта ситуация, в контексте которой складывается общая картина произошедшего события, позволяющая дать ей этическую оценку, взвесив общественную опасность в соответствии с критериями, на познание и учет которых ориентирует Верховный Суд РФ в постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»⁴. При определении характера общественной опасности учитываются охраняемые законом социальные ценности и причиненный им вред. При определении степени общественной опасности учету подлежат конкретные обстоятельства содеянного. Таким образом, принимая в расчет фактор наказуемости и совершения деяния, содержащего признаки состава преступления, справедливость становится суждением, которым определяется как представление о преступлении, так и представление о наказуемости. В связи с этим сложно определить, что конкретно является первичным: преступление или наказание, поскольку только наказуемость обращает внимание правоприменителя на оценку содеянного, которое только тогда становится преступлением,

когда оно справедливо заслуживает наказания. Если деяние по убеждению суда не заслуживает наказания с учетом обстоятельств содеянного, моральный упрек не возникает, то содеянное оказывается малозначительным, т.е. при наличии признаков состава преступления в нем отсутствует общественная опасность (ч. 2 ст. 14 УК РФ). В таком случае отсутствующий моральный упрек не позволяет констатировать справедливость наказания и справедливость того, чтобы считать, что содеянное является преступлением, заслуживающим наказания.

Таким образом, справедливость составляет основу уголовного права, поскольку участвует в образовании представления о наказуемости (необходимости наказания), так и преступности деяния (как содержащего признак общественной опасности). Констатация общественной опасности есть основание моральной упречности деяния, когда оно заслуживает соответствующего наказания при наличии вины лица, его совершившего. Таким образом, принцип справедливости участвует одновременно и в созидании представления о наказуемости и преступности содеянного, которые образуют основу уголовного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Политиздат, 1978. 367 с.
2. Городнова О.Н. Справедливость уголовного закона и наказания: законодательство и практика // Пробелы в российском законодательстве. 2011. №1. С. 143-147.
3. Оленин Н.Н. Принцип справедливости и право РФ // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 111-112.
4. Тихонов В.И. Принцип справедливости в уголовном праве и его содержание // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27. (вып. 6). С. 145-149.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Gegel' G.V.F. Politicheskie proizvedeniya. M.: Politizdat, 1978. 367 s.
2. Gorodnova O.N. Spravedlivost' ugovovnogo zakona i nakazaniya: zakonodatel'stvo i praktika // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2011. №1. S. 143-147.
3. Olenin N.N. Princip spravedlivosti i pravo RF // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 332. S. 111-112.
4. Tihonov V.I. Princip spravedlivosti v ugovolnom prave i ego sodержanie // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2017. T. 27. (vyp. 6). S. 145-149.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

Л. С. КРИМЕР

Косвенные доказательства по уголовным делам: особенности применения

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье автор исследует проблему применения косвенных доказательств по уголовным делам. В частности, отсутствие на законодательном уровне четкой классификации косвенных доказательств, применяемых в уголовном процессе, а также отсутствие механизма выделения наиболее приоритетных качеств и критериев косвенных доказательств, с одной стороны, дает возможность их разработки на уровне научной доктрины, с другой стороны, дает возможность правоприменителю использовать расширительное или узкое толкование предложенного в УПК РФ перечня доказательств. В статье проводится анализ научных точек зрения на предмет приоритетности использования прямых и косвенных доказательств, исследуется важность косвенных доказательств для всестороннего установления фактов дела. В завершение исследования автор, опираясь на положения научной доктрины, формулирует вывод о том, что в рассматриваемой сфере имеющиеся положения о косвенных доказательствах имеют как сильные, так и слабые стороны и требуют современной детальной проработки и классификации, что поможет в развитии научного знания в целом о доказательственном процессе, в совершенствовании законодательства и правоприменительной практики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уголовный процесс, доказательство, расследование, прямые доказательства, косвенные доказательства, уголовный закон, правонарушение.

КРИМЕР ЛЕОНИД СЕМЕHOVИЧ – аспирант кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Перечень доказательств как любых сведений, благодаря которым дознаватели, суды, прокуроры могут установить отсутствие или наличие обстоятельств по уголовным делам, законодательно закреплен в ст. 74 УПК РФ. Причем первая часть статьи конкретизирует, что это могут быть «любые сведения», вторая часть дополняет перечень того, что допускается в качестве доказательств, в их числе — и «иные документы». Данное говорит о расширительном толковании понятия и перечня доказательств, а это может стать причиной недооценки или переоценки значения прямых и косвенных доказательств.

Как верно отмечает М.С. Ремизова, Конституция Российской Федерации в ч. 2 ст. 50 при отправлении правосудия в России устанавливает императивный запрет на исполь-

зование доказательств, получение которых сопряжено с нарушением федерального закона, что нашло отражение в ч. 3 ст. 75 УПК РФ¹.

Проблематика наличия следственных и судебных ошибок при оценке доказательств по уголовным делам свидетельствует о субъективном факторе данного процессуального действия, так В.В. Конин считает, что доказывание по уголовным делам сопоставимо с механизмом, объединяющим правовое и общественное значение, так как обществу важно, чтобы виновный субъект испытал негативные последствия из-за совершенного деяния и пережил заслуженную меру наказания, а каждый невиновный имел гарантированность в защите от возможной следственной и судебной ошибки². Также проблематика заключается в самой классификации доказательств, а точнее

1. Ремизова М.С. Моделирование юридической категории недопустимого доказательства в уголовно-процессуальном праве России // Адвокатская практика. 2023. № 1. С. 14.

2. Конин В.В. Производные доказательства в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2016. № 6. С. 5.

в отсутствии единообразного подхода к самой привязке основания классификации — к главному факту или предмету доказывания.

Поэтому самой общепринятой классификацией доказательств является группировка таковых на прямые и косвенные. Доказывание по уголовным делам осуществляется через доказательство, императивно характеризующееся свойствами допустимости, достаточности, относимости, достоверности.

Одна из имеющихся классификаций доказательств в уголовно-процессуальной науке, это группировка их на прямые, прямо изобличающие лицо в совершении преступлении с четким и определенным выводом об искомом факте, и косвенные, дающие возможность заключить более одного предположительного вывода о факте.

Пример косвенных доказательств конкретизируется судами, например, приводится в пункте 13 Постановлении Пленума ВС от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», это хранение, изготовление, переработка, перевозка, размещение в фасовке говорит об умысле на сбыт указанных средств³.

Проблемность и сложность установления косвенных доказательств заключается в том, что нужно определить связь их содержания с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, помимо установления качественности источников данных доказательств и достоверности составляющих их содержание сведений. Как следствие уголовный процесс при помощи косвенных доказательств в доказывании приобретает усложненный характер по срав-

нению с доказыванием при помощи прямых доказательств. Непосредственно проблемность кроется в том, что каждое косвенное доказательство предполагает неоднозначность толкования его значения для вывода в отношении доказываемых обстоятельств, только в своей общей массе косвенные доказательства должны дать возможность сделать однозначный вывод о предмете доказывания и событии преступления.

Некоторые ученые считают, что приоритет к использованию таковых должен отдаваться первоначальным доказательствам, например, М.С. Строгович указывает, что «органы следствия и суда не должны использовать производное доказательство, если первоначальное доказательство не является для них недоступным, хотя бы его получение было связано с трудностями для следствия и суда»⁴.

При этом некоторые ученые и вовсе отвергают ценность использования косвенных доказательств, например, советский ученый М.М. Гродзинский⁵. В свою очередь, Т.Н. Добровольская отмечает, что следователи и судьи по возможности должны пользоваться при этом первоначальными доказательствами для изучения и понимания фактов⁶. Г.Е. Беседин также указывает, что следствию и суду необходимо пользоваться преимущественно первоначальными доказательствами, а к производным прибегать либо когда достоверно установлено, что использование первоначального доказательства крайне затруднено или невозможно, или когда есть необходимость проверить первоначальное доказательство и, если следствие, прокуратура, суд ориентироваться лишь на производные доказательства и не предпринимать попытки достоверно

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8, август.

4. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 107.

5. Гродзинский М.М. Улики в советском уголовном процессе. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. С. 80.

6. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. Вопросы теории и практики. М., 1971. С. 175.

выяснить причины отсутствия первоначальных доказательств, то достоверность данных производных доказательств может вызывать серьезные сомнения⁷.

Отметим, что нередким случаем является факт установления обстоятельств совершения правонарушения в отсутствии прямых доказательств только с наличием единственного средства установления обстоятельств в виде косвенных доказательств. И отсутствие классификации косвенных доказательств зачастую приводит к сложностям в расследовании правонарушений, а именно преступлений.

Крайне значимая попытка в науке и весьма успешная по классификации косвенных доказательств была осуществлена А.С. Жиряевым еще в 19 веке, в частности, ученый разделил косвенные доказательства на частные и общие, на обвинительные и оправдательные, а также применял критерий классификации — по форме появления⁸.

Считаем, что такой критерий по форме появления весьма удачен и может подразделяться в современном уголовном процессе на личную форму, например поведение, а также личностные характеристики, присущие личности потенциального правонарушителя ввиду состояния здоровья — близорукость, дальновидность, разность в размере ступней, разность длины ног или рук, или отсутствие частей тела, масса тела и вещественную форму — следы крови, характерные определенной группе крови, следы обуви.

Качества косвенных доказательств представляется возможным связать с имеющимся в уголовно-процессуальной науке составом правонарушения, а именно с объективной стороной и объектом, субъективной стороной и субъектом, а среди критериев косвенных доказательств назвать мотив совершения право-

нарушения, а также обстановку совершенного деяния, что позволит комплексно оценить факт наличия способности к совершению преступления, наличия возможности такого совершения и непосредственной или опосредованной причастности к совершению преступления.

Стоит отметить, что современной истории уголовного судопроизводства известны случаи, когда суды выносили обвинительные приговоры, руководствуясь исключительно совокупностью косвенных доказательств. Так, широкую известность обрело дело об убийстве Джени Чеок в Сингапуре, следствие по которому проходило в 1964-1965 году. Резонансным оно стало еще и потому, что по обвинительному приговору подсудимый Санни Энг был приговорен к смертной казни, причем вышестоящие судебные инстанции, а также президент страны отказали осужденному в смягчении наказания и помиловании⁹.

Рассматриваемое дело был необычным, поскольку тело жертвы так и не было найдено, а версия обвинения была основана исключительно на косвенных доказательствах и связи между доказательствами.

Из обстоятельств дела следовало, что вскоре после того, как осужденный встретил потерпевшую, Энг начал оформлять на ее имя страховые полисы, по которым выплаты шли его матери. Он также отвел потерпевшую к адвокату, чтобы тот составил завещание, оставив все ее имущество его матери, которую она плохо знала. На момент исчезновения у потерпевшей была страховка от несчастных случаев на сумму 450 000 сингапурских долларов. Срок действия одного из полисов истек накануне, однако осужденный продлил его на пять дней всего за три часа до исчезновения потерпевшей. Среди основных доказательств были стра-

7. Беседин Г.Е. О соотношении производных доказательств и принципа непосредственности в уголовном процессе России // Российский судья. 2022. № 8. С.14.

8. Жиряев А.С. Теория улик. Дерпт: Тип. г. Лаакманна, 1855. С. 43-44.

9. The Sunny Ang murder case [Электронный ресурс] // URL: https://eresources.nlb.gov.sg/infopedia/articles/SIP_1789_2011-09-26.html (дата обращения: 21.04.2023).

ховые полисы и завещание жертвы, финансовое положение подсудимого и его поведение в день инцидента и после него. Так, в день исчезновения Чеок (пара посещала пляж) Энг не предпринимал никаких попыток по поиску потерпевшей, не выражал обеспокоенности по поводу исчезновения возлюбленной и не предпринял никаких действий для поиска пропавшей. Однако, менее чем через 24 часа после инцидента он уведомил страховые компании о несчастном случае в отношении Чеок и попытался предъявить претензии для получения денежной компенсации.

В современной российской судебной практике также встречаются дела, когда суд опирается преимущественно на совокупность косвенных доказательств, при этом соотношение количества и качества должны безусловно подчеркивать факт совершения преступления подсудимым, чтобы суд мог вынести обвинительный приговор. Так, в апелляционном производстве Курского областного суда находилось дело, в ходе которого осужденный оспаривал решение первой инстанции, ссылаясь на то обстоятельство, что суд опирался в основном на косвенные доказательства, которые доказывали лишь факт обнаружения трупа со следами насильственной смерти, однако не устанавливали причинно-следственной связи между личностью осужденного, его действиями и общественно опасными последствиями. При этом апелляционная инстанция вновь постановила обвинительный приговор, основываясь при вынесении решения на следующих обстоятельствах: наличии множества свидетельских показаний, характеризующих личность осужденного и его отношение к потерпевшей в негативном ключе, нахождение осужденного в момент совершения преступления в одном помещении с потерпевшей, протоколы судеб-

но-медицинской экспертизы, подтверждающие, во-первых, факт причинения телесных повреждений жертве другим лицом, во-вторых, наличие следов крови и клеток эпителия потерпевшей на руках осужденного¹⁰.

Как следует из приведенных примеров, косвенные доказательства позволяют всесторонне оценить фактические обстоятельства дела, максимальным образом сконструировать событие преступления и проследить причинно-следственную связь между преступным деянием и общественно опасным последствием.

Таким образом, проведенное нами исследование применения косвенных и производных доказательств по уголовным делам позволяет сделать следующие выводы:

1. Косвенные доказательства по совокупности и правильном применении служат основанием достоверности выводов по уголовным делам.

2. Нет обоснованной необходимости устанавливать исчерпывающий перечень косвенных доказательств.

3. Представляется полезным установить качественные свойства косвенных доказательств, а также выделить ведущие критерии косвенных доказательств.

4. Качественные свойства косвенных доказательств напрямую связаны с объективной стороной и объектом, субъективной стороной и субъектом, а ведущим критерием косвенного доказательства выступает мотив, подвигнувший к совершению правонарушения.

5. Косвенные доказательства не являются фундаментом обвинения в совершении преступления для субъекта, как и не могут обосновывать обвинительный приговор ввиду отсутствия самостоятельности в подтверждении самого факта события преступления, а значит существует вероятность искажения информации.

¹⁰ Приговор Курского областного суда по делу № 22-665/2020 от 17 июня 2020 г. [Электронный ресурс] // URL: https://eresources.nlb.gov.sg/infopedia/articles/SIP_1789_2011-09-26.html (дата обращения: 21.04.2023).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беседин Г.Е. О соотношении производных доказательств и принципа непосредственности в уголовном процессе России // Российский судья. 2022. № 8. С. 13-17.
2. Гродзинский М.М. Улики в советском уголовном процессе. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. 123 с.
3. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. Вопросы теории и практики. М.: Юрид. лит, 1971. 199 с.
4. Жиряев А.С. Теория улик. Дерпт: Тип. г. Лаакманна, 1855. 216 с.
5. Конин В.В. Производные доказательства в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2016. № 6. С. 5-8.
6. Ремизова М.С. Моделирование юридической категории недопустимого доказательства в уголовно-процессуальном праве России // Адвокатская практика. 2023. № 1. С. 14-20.
7. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 384 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Besedin G.E. O sootnoshenii proizvodnyh dokazatel'stv i principa neposredstvennosti v ugovnom processe Rossii // Rossijskij sud'ya. 2022. № 8. S. 13-17.
2. Grodzinskii M.M. Uliki v sovetskom ugovnom processe. M.: YUrid. izd-vo NKYU SSSR, 1944. 123 s.
3. Dobovol'skaya T.N. Principy sovetskogo ugovnogo processa. Voprosy teorii i praktiki. M.: YUrid. lit, 1971. 199 s.
4. ZHiryayev A.S. Teoriya ulik. Derpt: Tip. G. Laakmanna, 1855. 216 s.
5. Konin V.V. Proizvodnye dokazatel'stva v ugovnom sudoproizvodstve // Advokat. 2016. № 6. S. 5-8.
6. Remizova M.S. Modelirovanie yuridicheskoy kategorii nedopustimogo dokazatel'stva v ugovno-processual'nom prave Rossii // Advokatskaya praktika. 2023. № 1. S. 14-20.
7. Strogovich M.S. Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugovnom processe. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. 384 s.

С.А. ОРУДЖОВА

Актуальные проблемы противодействия киберпреступности на примере незаконного оборота наркотических средств: международно-правовые аспекты

АННОТАЦИЯ. Киберпреступность – актуальная и обостряющаяся проблема во всем мире. Различные виды киберпреступлений и различные формы финансового мошенничества приобрели массовый характер. В статье рассматриваются актуальные проблемы киберпреступности на международном уровне, в частности, в качестве примера автор приводит случаи наркоторговли с помощью криптовалюты и пути противодействия этим опасным преступлениям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: криптовалюта, киберпреступность, информационная безопасность, наркоторговля.

ОРУДЖОВА САБИНА АСАФОВНА – студентка 4-го курса бакалавриата международно-правового института Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, помощник адвоката (e-mail: ms.sabiwbabiw@mail.ru).

На сегодняшний день наблюдается достаточно активное развитие интернет-преступлений на международной арене. «Интернет-преступление», или, иными словами, так называемое «киберпреступление», представляет собой широкий спектр противоправных действий в сфере именно информационных технологий, включая в себя преступления, совершенные с помощью компьютеров, или те преступления, в которых как раз объектом являются сами компьютеры, компьютерные сети и хранящаяся в них информация. Говоря иными словами, киберпреступность – это любая противоправная деятельность в виртуальном пространстве, которая осуществляется с помощью сети Интернет или другой компьютерной сети. В рекомендациях экспертов ООН также содержится определение киберпреступлений, а именно: киберпреступностью являются любые преступления, которые

совершаются с помощью компьютерных систем или сетей, в рамках компьютерных систем или сетей или против компьютерных систем или сетей¹.

Однако разработанные на сегодняшний день международные документы о киберпреступности играют важную роль в раскрытии стандартов допустимого поведения в отрасли информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Документы не только устанавливают социально-правовые санкции за киберпреступления, но также обеспечивают проведение расследования и уголовного преследования в отношении преступлений, которые ежедневно совершаются в виртуальном пространстве.

Усилия международного сообщества привели к разработке Конвенции о компьютерных преступлениях в Будапеште 23 ноября 2001 года (Будапештской конвенции 2001 года)² и Второй

1. Доклад X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями / URL: <https://digitallibrary.un.org/> (дата обращения: 09.10.2023).

2. Конвенция о компьютерных преступлениях (Конвенция Совета Европы о киберпреступности, Convention on Cybercrime CETS № 185) (Будапешт, 23 ноября 2001 года) // URL: <https://rm.coe.int/1680081580/> (дата обращения: 20.10.2023).

Дополнительный протокол к ней, направленный на расширение сотрудничества и раскрытие электронных доказательств. Конвенция является самым первым международным договором о преступлениях, совершенных через Интернет и другие компьютерные сети. Настоящая Конвенция разработана с целью предотвращения действий, которые направлены против конфиденциальности и общедоступности компьютерных систем и данных. Кроме того, при ее разработке предполагалось, что Конвенция будет направлена на борьбу с компьютерной преступностью, установление уголовной ответственности за такие преступления и предоставление необходимых полномочий для эффективного пресечения дальнейших правонарушений. Необходимо еще добавить, что разработанный документ способствует выявлению, расследованию и судебному преследованию киберпреступности на внутригосударственном и международном уровнях, путем оперативного и надежного международного сотрудничества³.

Обеспокоенность по вопросам киберпреступлений выражает и Европейский Совет. В конце декабря 2022 в Официальном журнале Европейского Союза был опубликован текст новой Директивы о кибербезопасности⁴ (The NIS 2 Directive), которую принял Европарламент и Совет ЕС. Директива предусматривает более строгие надзорные меры для национальных органов, более жесткие требования к правоприменению и направлена на гармонизацию режимов санкций в государствах-членах, а также регламентирует новые правила кибербезопасности для государств – членов Европейского Союза. Директива, являющаяся одним из веду-

щих документов стратегии кибербезопасности Европейского Союза, для достижения высокого уровня готовности государств – членов требует от них принятия национальной стратегии по обеспечению безопасности сетевых и информационных систем. Государства – члены, в свою очередь, также обязуются назначить национальные группы реагирования на инциденты компьютерной безопасности (англ. Computer Security Incident Response Team – CSIRT) и установить компетентный национальный орган по сетям и информационным системам (NIS), который будут нести ответственность за обработку рисков и инцидентов в компьютерной сфере (статья 9 Директивы⁵).

Вышеупомянутая сообщество CSIRT – это группа экспертов в области компьютерной безопасности, предоставляющая организациям услуги и поддержку по оценке, управлению и предотвращению чрезвычайных ситуаций, связанных с кибербезопасностью, а также по координации действий по ликвидации последствий инцидентов. Основная задача CSIRT выражается в быстром и эффективном реагировании на инциденты компьютерной безопасности, восстанавливая контроль и минимизируя ущерб. Основные обязанности Группы будут заключаться в создании и обновлении планов реагирования на инциденты, поддержании и передаче информации внутренним и внешним структурам, выявлении, оценке и анализе инцидентов, координации и передаче информации о мерах реагирования, а также в устранении последствий инцидентов, составлении отчетов об инцидентах, управлении аудиторскими проверками, пересмотром политики безопасности

3. Конвенция о компьютерных преступлениях (Конвенция Совета Европы о киберпреступности, Convention on Cybercrime CETS № 185) (Будапешт, 23 ноября 2001 года) // URL: <https://rm.coe.int/1680081580/> (дата обращения: 20.10.2023).

4. Directive (EU) 2022/2555 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on measures for a high common level of cybersecurity across the Union, amending Regulation (EU) № 910/2014 and Directive (EU) 2018/1972, and repealing Directive (EU) 2016/1148 (NIS 2 Directive). Директива (ЕС) 2022/2555 Европейского парламента и Совета от 14 декабря 2022 года о мерах по обеспечению высокого уровня кибербезопасности на территории Союза, вносящая поправки в Регламент (ЕС) № 910/2014 и Директиву (ЕС) 2018/1972 и отменяющая Директиву (ЕС) 2016/1148 (Директива NIS 2) // URL: <https://www.nis-2-directive.com/> (дата обращения: 11.11.2023).

5. Directive (EU) 2022/2555 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on measures for a high common level of cybersecurity across the Union, amending Regulation (EU) № 910/2014 and Directive (EU) 2018/1972, and repealing Directive (EU) 2016/1148 (NIS 2 Directive). Директива (ЕС) 2022/2555 Европейского парламента и Совета от 14 декабря 2022 года о мерах по обеспечению высокого уровня кибербезопасности на территории Союза, вносящая поправки в Регламент (ЕС) № 910/2014 и Директиву (ЕС) 2018/1972 и отменяющая Директиву (ЕС) 2016/1148 (Директива NIS 2) // URL: <https://www.nis-2-directive.com/> (дата обращения: 11.11.2023).

и рекомендациях по предотвращению будущих инцидентов.

Стоит отметить, что количество киберпреступлений год за годом возрастает и в странах Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). К значимому для Организации событию текущего года следует отнести, что на очередном заседании Совета Парламентской Ассамблеи ОДКБ было принято решение о том, что уже к концу 2023 года Россия, Беларусь, Армения, Казахстан, Киргизия и Таджикистан планируют разработать Модельный законопроект «О защите информации и кибербезопасности», который будет касаться деятельности всех государственных органов, частных компаний и организаций стран ОДКБ. Законопроект проработан для создания общей системы защиты критической информационной инфраструктуры. Членами Организации было предложено установить единые понятия и правила для IT-сферы, чтобы предотвратить кибератаки и другие информационные угрозы.

Необходимо упомянуть и роль правового регулирования на национальном уровне. Неоднократно Президентом Российской Федерации В.В. Путиным была отмечена важность противодействия киберпреступности. Хотелось бы отметить два важных документа в данной сфере — Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и Указ Президента от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». Данные указы нацелены на защиту национальных интересов Российской Федерации и обеспечение безопасности личности, общества и государства.

В тексте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации выделена отдельная глава, посвященная информационной безопас-

ности. Особое внимание привлекает пункт 54, в котором можно заметить, что использование информационно-коммуникативных технологий с целью поддержания анонимности только облегчает совершение преступлений, расширяя и упрощая перспективы для легализации незаконно полученных доходов, финансирования терроризма и распространения наркотических средств и психотропных веществ⁶.

Стратегическая цель вышеупомянутой Доктрины заключается в обеспечении информационной безопасности в области обороны страны, государственной и общественной безопасности, экономики, науки, технологий и образования и так далее (Глава IV)⁷.

Однако, несмотря на крепкую нормативную базу, по статистике мировых кибератак, представленных Лабораторией Касперского⁸, во втором квартале 2023 года были обнаружены 801 934 281 атака с интернет-ресурсов, размещенных по всему миру. Согласно статистическим данным, одной из атакуемых сфер оказались валюты в цифровой форме или, иными словами, «криптовалюты».

Прежде всего, обратим внимание, что криптовалюта — это цифровая платежная система, в которой транзакции осуществляются вне участия банков в этих операциях. Такая система осуществляется с помощью равноправных участников и позволяет абсолютно любому пользователю отправлять и получать платежи, независимо от места его нахождения. Стоит отметить, что криптовалютные платежи значительно повлияли на экономический статус многих стран мира по причине того, что многие известные компании и многие известные личности в последнее время довольно часто используют ее в финансовых операциях.

Популярность криптовалюты выражена в ее преимуществах — таких, как децентрализация и неза-

6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

7. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

8. «Лаборатория Касперского» — международная компания, работающая в сфере информационной безопасности и цифровой приватности с 1997 года // URL: <http://www.kaspersky.ru/> (дата обращения: 21.11.2023).

висимость, приватность и безопасность, низкие комиссии, инвестиционный потенциал, новые технологии, расширение границ, устойчивость к инфляции и так далее. Но следует отметить, что вышеизложенные преимущества новой технологии не могут быть оценены в полном объеме из-за числа рисков их использования. О возможных рисках использования продуктов технологии блокчейн впервые внимание мирного сообщества обратил Европол. В своем отчете за 2015 г.⁹ он детально предоставил информацию о тенденциях оборота криптовалюты и резюмировал, что современные финансовые инструменты все чаще используются в криминальной сфере, включая коррупцию, наркоторговлю и порнографию.

Незаконный сбыт с использованием интернет-ресурсов характеризуется минимальным риском обнаружения и прослеживания, а к политике так называемой маскировки относится процесс приобретения наркотических средств и взаимодействия участников преступной группы (сообщества). Крупные магазины (например, «КВЕСТ», Stuff store, «Хим.Пром», «Хэп-пиЛэнд», Express, ХТС) вовлекают в свою деятельность множество людей, количество которых достигает несколько сотен человек («закладчики», «операторы», «кассиры», «курьеры», «менеджеры» по регионам, «финансовые директора» и даже специалисты в области информационной безопасности.) Для управления денежными операциями по оплате наркотических средств или выплате «заработной платы» участники преступных организаций используют электронные платежные системы с применением банковских карт, которые оформляются на «подставных» лиц.

Как же устроена наркоторговля с использованием криптовалюты? В 2013 году в журнале Forbes была опубликована статья «Короли наркотрафика: как устроена онлайн-торговля наркотиками»¹⁰ об Росе Уильяме Ульбрихте (также известном как

«Dread Pirate Roberts»), владельце анонимной торговой площадки Silk Road, в которой подробно описаны нелегальные кибероперации по продаже наркотиков. Операция, на первый взгляд, довольно проста, для начала необходимо скачать и установить «специальный браузер» (например, Tor Browser). После установки на компьютер данного браузера с использованием домена ссылки, которая заранее известна пользователю, происходит автоматическое подключение к сайту, а на самом деле происходит соединение с удаленным сервером и подгружается с него интерфейс площадки. Поменяв доллары или евро на цифровую криптовалюту Bitcoin, а затем познакомившись с ассортиментом, покупатель делает заказ, и оплачивает его биткоинами, однако участились случаи, когда пользователь так и не получает свой товар. Кроме того, в ряде случаев криптовалюта исчезала сразу после перевода на внутренний кошелек браузера. Последним шагом является перевод наркоторговцем криптовалюты в привычную нам денежную единицу. Таким «прозрачным» образом и происходит отмывание денег.

Киберпреступность — это такое глобальное преступление современного мира, что может быть совершена абсолютно в любой точке земного шара и способна затронуть жертв по всему миру. С учетом того, что угрозы в киберпространстве несут сложный характер и стремительно развиваются, важно в целях предупреждения дальнейшего развития киберпреступности подготовить особую модель правового регулирования оборота, направленную на решение сразу двух актуальных задач: предотвращение совершения корыстных преступлений и поддержание инновационного совершенствования международных отношений.

В то время как киберпреступность растет, а сложность получения электронных доказательств, которые могут храниться в иностранных, многочисленных, смещающихся или неизвестных юрис-

⁹ Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2015 год (E/INCB/2015/1) // URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2015/Russian/AR_2015_R.pdf / (дата обращения 23.11.2023).

¹⁰ Э. Гринберг. Короли наркотрафика: как устроена онлайн-торговля наркотиками // Forbes. 29.08.2013 г. / URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/internet-i-svyaz/243975-koroli-narkotrafika-kak-ustroena-torgovlya-narkotikami-v-internete/> / (дата обращения 23.11.2023).

дикциях, увеличивается, полномочия правоохранительных органов по-прежнему ограничены территориальными границами. Иначе говоря, правоохранительным органам не хватает законодательной базы, оборудования и специалистов для эффективного противодействия киберпреступности на международном уровне. В результате лишь очень небольшая доля киберпреступлений, о которых сообщается органам уголовного правосудия, приводит к возбуждению уголовных дел или вынесению судебных решений. Поэтому одной из самых больших проблем в борьбе с интернет-преступностью и сбором электронных доказательств является сбор доказательств через условные границы стран в рекордном темпе, поскольку электронные доказательства изменчивы. Для успешной борьбы с киберпреступностью необходимо

объединить все имеющиеся усилия и обеспечить эффективную борьбу с киберпреступниками и неотвратимость их наказания. В этой связи следует продолжать осуществление непрерывной и эффективной работы между государствами, выраженной, например, во взаимной правовой помощи – это особый юридический процесс, в рамках которого государства оказывают друг другу помощь в проведении уголовных расследований. Вместе с тем, требуется разработать межправительственные документы о недопущении различных инцидентов на информационном поле (киберпространстве), составленные по аналогии с иными международными договорами. Осуществлять борьбу против киберпреступности возможно и более эффективно на основе объединения всех международных усилий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гринберг Э. Короли наркотрафика: как устроена онлайн-торговля наркотиками // Forbes. 29.08.2013 г. / URL: <http://www.forbes.ru/tekhnologii/internet-i-svyaz/243975-koroli-narkotrafika-kak-ustroena-torgovlya-narkotikami-v-interne/> (дата обращения 23.11.2023).

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Grinberg E. Koroli narkotrafika: kak ustroena onlajn-torgovlya narkotikami // Forbes. 29.08.2013 g. / URL: <http://www.forbes.ru/tekhnologii/internet-i-svyaz/243975-koroli-narkotrafika-kak-ustroena-torgovlya-narkotikami-v-interne/> (data obrashcheniya 23.11.2023).

А.Н. РАБОТА

Уголовно-правовая политика в сфере противодействия организованной преступности: российский и зарубежный опыт

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье автор исследует проблему развития уголовно-правовой политики в сфере противодействия организованной преступности. В частности, дается определение уголовно-правовой политики, выявляются признаки, отличающие уголовно-правовую политику от уголовной политики, исследуется законодательный опыт проведения уголовно-правовой политики в сфере противодействия организованной преступности в других странах на примере Грузии, КНР, Индии, Австрии и других стран. В завершение исследования автор, опираясь на положения доктрины, формулирует направления совершенствования уголовно-правовой политики в рассматриваемой сфере, основанные на программно-целевом подходе и интеграции научного знания в законодательство и правоприменительную практику.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уголовно-правовая политика, организованная преступность, лидер преступного сообщества, уголовный закон, стратегия борьбы с организованной преступностью.

РАБОТА АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – аспирант кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

В отечественной правоохранительной сфере вопрос борьбы с организованной преступностью обострился в середине 1980-х годов, когда на государственном уровне такое негативное явление общественной жизни было признано официально.

За этим последовали конкретные организационно-правовые шаги: в структуре органов внутренних дел были учреждены специализированные подразделения по борьбе с организованной преступностью (в 1988 году – как 6-е управление по борьбе с организованной преступностью, в феврале 1991 года – уже как Главное управление МВД СССР по борьбе с наиболее опасными преступлениями, организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом, с 1993 года и до 2001 года как РУБОП – региональные управления по борьбе с организованной преступностью)¹.

В 1999 году на федеральном уровне разработана и принята федеральная программа по борьбе с преступностью, включавшая, в частности, и

отдельно вопросы противодействия организованной преступности. Векторы, заданные в том документе, сохранили актуальность и в наши дни, поскольку находят свое воплощение в сфере реализации права и научной концептуализации уголовно-правовых мер противодействия организованной преступности.

В частности, были определены следующие направления:

- совершенствование законодательства на основе отечественной и иностранной правоприменительной практики;
- развитие организационной структуры, налаживание оперативной координации между правоохранительными подразделениями;
- введение наиболее эффективных, в том числе нетрадиционных, средств пресечения деятельности организованных преступных группировок;
- расширение международного сотрудничества;
- обеспечение защиты жизни и здоровья лиц, оказывающих правоохранительным органам

¹ Некрасов В.Ф. МВД России: энциклопедия / гл. ред. В.Ф. Некрасов. М.: Объединенная редакция МВД России; ОЛМА-Пресс, 2002. 624 с.

содействие в противодействии преступным сообществам².

Указанные выше факторы формируют комплекс уголовной политики, которую в науке определяют через единство общей и специальной профилактики, мер уголовно-правового воздействия, их исполнения и ресоциализации личности на постпенитенциарном этапе³.

Мы солидаризируемся с позицией разграничения понятий «уголовная политика» и «уголовно-правовая политика», которой придерживаются некоторые авторы. Неслучайно в последнем случае указан правовой компонент такой политики, что взаимоувязывает все элементы политики с правовыми средствами противодействия общественно опасному явлению.

Кроме того, правоохранительная деятельность включает в себя совокупность правовых, экономических, психологических, технических средств обеспечения правопорядка, вследствие чего и уголовная политика как ядро в сфере противодействия преступности включает в себя не только правовые, но и специальные средства (технические, психолого-педагогические и т.д.), что отражено в рассмотренной нами ранее федеральной целевой программе. В дополнение к данному отметим, что уголовная политика по отношению к уголовно-правовой политике выступает как целое в противовес частному, поскольку первое включает в себя и последнее, а также криминологическую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную политики⁴.

Именно поэтому под уголовно-правовой политикой в сфере противодействия организованной

преступности мы, опираясь на точку зрения Г.М. Миньковского, предлагаем понимать логическое единство концепции, законодательства и правоприменительной практики в сфере уголовно-правового противодействия организованной преступности⁵.

В Российской Федерации в последние годы уголовно-правовой политике в сфере противодействия организованной преступности уделяется особое внимание. Так, напомним, в 2019 году принят Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)», в соответствии с которым впервые была установлена ответственность за факт лидерства лица в преступной организации⁶. Данная норма установлена в развитие состава, введенного в 2009 году, в рамках которого введено понятие и установлена уголовная ответственность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Однако ответственность наступала только в случае, если лидер преступной организации совершает общественно опасное деяние, предусмотренное частью первой статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации⁷.

Кроме того, из части первой статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации выделена в самостоятельную часть норма, касающаяся участия в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях координации действий организованных групп, создания устой-

2. Постановление Правительства РФ от 10.03.1999 № 270 (ред. от 30.12.2000) «О Федеральной целевой программе по усилению борьбы с преступностью на 1999–2000 годы» // СЗ РФ. 1999. № 12. Ст. 1484.

3. Дроздова Е.А., Волкова О.В. К вопросу уголовной политики // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 1. С. 29.

4. Дроздова Е.А. Указ.соч. С. 31.

5. Миньковский Г.М. Направления разработки и реализации уголовно-правовой политики // Профилактика правонарушений. 1978. № 6. С. 26.

6. Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // СЗ РФ. 2019. № 14 (часть I). Ст. 1459.

7. Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)» [Электронный ресурс] // URL: www.consultant.ru (дата обращения: 31.03.2023).

чивых связей между ними, разработки планов и создания условий для совершения преступлений, раздела сфер преступного влияния и преступных доходов между преступными сообществами (преступными организациями) и их участниками.

Безусловно, такие строгие меры ответственности соответствуют тенденциям ужесточения противодействия преступным сообществам во всем мире. Так, например, в Грузии с 2005 года действует специализированный Закон «Об организованной преступности и рэкете», сфера воздействия которого охватывает не только участника и лидера преступного сообщества (также отдельно выделена категория «вора в законе»), но и членов семьи преступника (в части конфискации у них имущества, добытого преступным путем)⁸. Технико-юридической особенностью данного закона является введение понятий «вор в законе» — лицо, которое в соответствии со специальными правилами воровского сообщества в любой форме управляет таким сообществом или группой лиц; воровская «разборка» — разрешение членом воровского сообщества спора между двумя и более лицами, сопровождающееся угрозами, устрашением и иными деяниями; «лица, связанные с рэкетиром или членом воровского сообщества» — лица, владеющие имуществом, которое получено в результате рэкета или деятельности преступного сообщества, на что указывают достаточные доказательства. Такое понятийное многообразие позволяет персонализировать и диверсифицировать ответственность всех участников преступной деятельности, в соответствии с их ролями в преступной организации и, кроме того, устранить возможности для сокрытия преступных доходов за счет родственников и других аффилированных лиц.

В Китайской Народной Республике в настоящий момент действует новый специализированный Закон «О борьбе с организованной преступностью», принятый 24 декабря 2021 года,

которым также предусмотрен специальный понятийный аппарат, раскрывающий специфику преступных организаций⁹.

В соответствии с данным законом, под «организованной преступностью» понимается преступление по созданию, руководству или участию в организации бандитского характера, как это определено в статье 294 Уголовного закона Китайской Народной Республики, или преступления, совершенные организацией бандитского характера или порочная организация.

Также введено понятие «порочная организация», которое означает преступную организацию, объединяющую своих членов для совершения преступных или иных незаконных действий в определенной сфере или отрасли с применением насилия, угроз или иных средств, совершающую всевозможные злодеяния, запугивания и угнетает народ, нарушает общественный и экономический порядок, и оказывающую значительное дурное общественное влияние, но при этом не развившуюся в организацию бандитского характера.

Настоящий Закон применяется и к зарубежным преступным группировкам, которые вербуют членов или совершают преступления на территории Китайской Народной Республики либо совершают преступления против Китайской Народной Республики или ее граждан за пределами территории Китайской Народной Республики.

Принятый в Китае закон укладывается в понятие уголовной политики, поскольку декларируется комплексная работа по борьбе с организованной преступностью, которая должна придерживаться целостного представления о национальной безопасности, всесторонне применять правовые, экономические, научно-технические, культурные, образовательные и другие средства, а также создавать и совершенствовать рабочие механизмы, а также системы предупреждения и управления против организованной преступности.

Работа по борьбе с организованной преступ-

8. Козловская М.Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2018. № 2 (55). С. 176-177.

9. Антонова Е.Ю., Манцуров А.Ю. Понятие и признаки организованной преступности по законодательству Китайской Народной Республики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. № 2. С. 102.

ностью должна сочетать специализированную работу и массовую линию, а также сочетание специализированного управления и систематического управления. Работа должна сочетаться с работой по борьбе с коррупцией и с укреплением организаций на начальном уровне, уделяя равное внимание наказанию и предупреждению, а также устранению как симптомов, так и коренных причин организованной преступности

Кроме того, предусматривается высокая степень межведомственного взаимодействия на всех уровнях: надзорные органы, народные суды, народные прокуратуры, органы общественной безопасности, судебные административные органы и другие соответствующие государственные органы в соответствии с распределением обязанностей взаимодействуют друг с другом и проверяют друг друга для надлежащего проведения работы по борьбе с организованной преступностью в соответствии с законом.

Соответствующие ведомства мобилизируют и опираются на комитеты сельских жителей, комитеты жителей, предприятия, общественные учреждения и общественные организации для совместной работы по борьбе с организованной преступностью.

Любое юридическое или физическое лицо обязано оказывать помощь и сотрудничать с соответствующими ведомствами в проведении работы по борьбе с организованной преступностью.

Государство защищает юридических и физических лиц, которые помогают и сотрудничают в борьбе с организованной преступностью в соответствии с законом.

Государство поощряет юридические и физические лица сообщать об организованных преступлениях¹⁰.

Причиной принятия нового закона послужила эволюция и разрастание масштабов преступной деятельности, распространение экономического

характера организованной преступности, проникновение мафиозных структур в деятельность органов государственной власти, фактическое сращивание политического и криминального ресурсов¹¹.

Как мы видим, китайский закон о противодействии организованной преступности выдержан в духе социализма, нормы сформулированы таким образом, что они носят как программно-идеологический, так и организационно-правовой характер, вследствие чего рассматриваемый закон формирует собой не только систему правовых средств, но и выступает декларацией, идеологическим инструментом борьбы с организованной преступностью, что укладывается к концепцию уголовной политики как системного и всестороннего противодействия общественно опасным явлениям.

В ЮАР также действует специализированный закон. В соответствии с разделом 1 Закона о предупреждении организованной преступности № 121 от 1998 года в Южной Африке преступная группировка включает в себя любую формальную или неформальную организацию, ассоциацию или группу из трех или более лиц, одним из видов деятельности которых является совершение одного или нескольких уголовных преступлений. Преступления, которые имеют идентифицируемое название или символ, и члены которых индивидуально или коллективно участвуют или участвовали в преступной групповой деятельности.

Закон предусматривает следующие направления: ввести меры по борьбе с организованной преступностью, отмыванием денег и деятельностью преступных группировок; запретить определенные действия, связанные с рэкетом; предусмотреть запрет на отмывание денег и обязательство сообщать определенную информацию; ввести уголовную ответственность за некоторые виды деятельности, связанные с бандами; обеспечить возврат доходов от незаконной деятельности; для гражданской конфискации преступ-

¹⁰ Закон Китайской Народной Республики о борьбе с организованной преступностью (Принят на 32-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 24 декабря 2021 г.) // Сайт Всекитайского собрания народных представителей КНР [Электронный ресурс] / URL: <http://www.npc.gov.cn> (дата обращения: 31.03.2023).

¹¹ Цзюнь Ц., Дунмэй П. Уголовно-правовое противодействие организованной преступности (преступности мафиозного характера) в Китае. Обзор I форума уголовного правосудия «Чжон-юань» // Юридическая наука в Китае и России. 2020. № 3. С. 9-10.

ных активов, которые были использованы для совершения преступления или активов, которые являются доходами от незаконной деятельности; предусмотреть создание счета для возврата преступных активов. Уголовная ответственность за непосредственное участие в деятельности ОПГ предусматривает альтернативные виды наказания: значительную сумму штрафа или лишение свободы вплоть до пожизненного заключения¹².

Уголовно-процессуальный кодекс Словении разрешает полиции применять специальные меры, которые могут быть назначены следственным судьей по мотивированному ходатайству государственного обвинителя. Особое внимание уделяется специализации и профессионализму следователей по расследованию организованной преступности. В Управлении уголовных расследований Министерства внутренних дел был создан специальный сектор по расследованию организованной преступности. Этот специальный сектор делится на торговлю наркотиками, борьбу с терроризмом и общую организованную преступность. Для борьбы с организованной преступностью в Бюро криминальной службы были введены специальные подразделения. На уровне местных полицейских участков некоторые полицейские в форме прошли обучение, чтобы стать детективами, и они присоединились к местным подразделениям уголовного розыска. Их задача заключается не в расследовании организованной преступности, а в контроле наиболее важных мест, где собираются преступники или где чаще всего совершаются правонарушения. Большое внимание также уделяется созданию аналитической поддержки как в тактическом, так и в стратегическом плане. В связи с этим ни одно крупное дело не расследуется без помощи аналитика. Многие полицейские также отправляются на международные курсы в Федеральное бюро расследований (ФБР), Агентство по борьбе с наркотиками (DEA), Международное агентство по обеспечению соблюдения законов (ILEA) и Центрально-европейскую полицейскую академию (MEPA), чтобы получить

больше знаний, обучения и опыта в расследовании дел об организованной преступности¹³.

В Индии в целях борьбы с организованной преступностью функционируют как государственные, так и негосударственные институты.

Во-первых, это институты исполнительной власти, которые реализуют стратегию правоохранительной деятельности, они объединяют различные правительственные ведомства, такие как Управление налоговой разведки, Бюро по контролю над наркотиками, Управление правоприменения, Таможню и отделы пограничного контроля для борьбы с преступностью. контрабанда и другими организованными преступными синдикатами.

Другие институты – так называемые «неисполнительные форумы», в которые входят различные неправительственные организации (НПО), народные движения, возникшие для борьбы с организованной преступностью. Одним из таких неисполнительных форумов являются правозащитные группы, которые дали людям возможность сопротивляться вымогательству и злоупотреблениям со стороны организованных синдикатов и добились значительных успехов в борьбе с кабальным трудом или рабством, особенно детей в ковровой промышленности. Правительство Индии предоставило привлекательные стимулы для поощрения офицеров полиции к борьбе с организованной преступностью. Должностные лица, ответственные за конфискацию товаров у синдикатов организованной преступности, претендуют на определенный процент конфискованных товаров в качестве вознаграждения за их усилия, и, следовательно, количество и стоимость конфискаций значительно возросли, в то же время контролируя коррупцию в рядах агентств. Другие виды поощрений включают ускоренное продвижение по службе, предоставление работы членам семьи в случае несчастного случая или смерти дежурного офицера и надбавки за обучение для тех, кто готов пройти специальную подготовку.

¹² Prevention Of Organised Crime Act № 121 of 24.11.1998 [Электронный ресурс] // URL: <https://static.pmg.org.za/docs/2003/appendices/030828act121-98.htm> (дата обращения: 31.03.2023).

¹³ Govender D. A Conceptual Analysis of Strategies to Combat Organised Crime in South Africa // *Insight on Africa*. № 7(2). Pp. 125.

Для борьбы с незаконным оборотом наркотиков правительство Колумбии через Национальный совет по наркотикам разработало национальный план, цель которого состоит в том, чтобы систематически бороться с причинами и проявлениями этой проблемы и бороться с ними. Этот план помог нанести удар по сути проблемы — колумбийским картелям, разрушив системы распространения наркотиков через различные сетевые организации.

В Новой Зеландии преступные группировки, синдикаты и организованные преступные группы подвергаются терпимому преследованию в рамках закона. Стратегия заключается в том, чтобы расследовать деятельность преступных группировок, синдикатов и организованных преступных групп в обычном контексте правоохранительных органов, а не преследовать их и пытаться уничтожить. Наиболее вероятным последствием стратегии репрессий было бы принуждение банд к подполью, что затруднило бы контроль за их действиями. Однако, если незаконный профиль банды становится неприемлемо высоким или банда считается представляющей общественную угрозу, предпринимаются строгие краткосрочные операции по преследованию.

Как мы видим, уголовная, в частности, уголовно-правовая, политика и в России, и в других государствах представляет собой целенаправленную деятельность по борьбе с организованной преступностью, включающую в себя систему специальных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм. При этом для повышения качества такой политики в юридической науке выработаны следующие направления, которые законодателю и правоохранительным органам следует учитывать при выработке мер по противодействию организованной преступности.

Во-первых, как отмечает Ю.Г. Васин, «одним из условий совершенствования и обеспечения эффективного функционирования системы борьбы с организованной преступностью долж-

на являться стабильная конструкция уголовно-правовых запретов в данной сфере при наличии комплекса сил и средств, позволяющих оперативно реагировать на организованные преступные деяния, законодательно закрепленного в рамках соответствующей государственной программы или ее самостоятельного раздела»¹⁴. В этой связи следует отметить, что из 221 редакции уголовного закона, только с 2017 года было принято 66 поправок, что в целом говорит об отсутствии стабильности, в то время как такой признак, как совершение деяние организованной группой, включен в составы всех глав Уголовного кодекса, за исключением главы «Преступления против мира и безопасности человечества»¹⁵.

Во-вторых, для законодательного обеспечения уголовно-правовой политики необходимо возобновление выработки и реализации федеральной программы (по образцу Программы 1999-2000 годов), в рамках которой целесообразно предусмотреть методологию противодействия организованной преступности, опирающуюся на мониторинг правоприменения, создание сетевого партнерства между научными организациями системы РАН, Минобрнауки России, ведомственными научно-исследовательскими учреждениями и негосударственными научно-практическими центрами. Также представляется возможным развивать политику противодействия организованной преступности на федеральном и региональном уровнях: на первом уровне — решать вопросы законодательного и программно-целевого обеспечения, на втором — осуществлять оперативное управление силами и средствами противодействия, сбор эмпирического материала для мониторинга.

Таким образом, проведенное исследование позволило сформировать представление о направлениях совершенствования уголовно-правовой политики противодействия организованной преступности в соответствии с актуальными мировыми тенденциями.

¹⁴ Васин Ю.Г. О тенденциях уголовно-правовой политики противодействия организованной преступности // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 136.

¹⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонова Е.Ю., Манцуров А.Ю. Понятие и признаки организованной преступности по законодательству Китайской Народной Республики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. №2. С. 99-110.
2. Васин Ю.Г. О тенденциях уголовно-правовой политики противодействия организованной преступности // Актуальные проблемы российского права. 2017. №10. С. 131-139.
3. Дроздова Е.А., Волкова О.В. К вопросу уголовной политики // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 1. С. 29-33.
4. Козловская М.Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2018. №2 (55). С. 175-179.
5. Миньковский Г.М. Направления разработки и реализации уголовно-правовой политики // Профилактика правонарушений. 1978. № 6. С. 25-30.
6. Некрасов В.Ф. МВД России: энциклопедия / гл. ред. В.Ф. Некрасов. М.: Объединенная редакция МВД России; ОЛМА-Пресс, 2002. 624 с.
7. Цзюнь Ц., Дунмэй П. Уголовно-правовое противодействие организованной преступности (преступности мафиозного характера) в Китае. Обзор I форума уголовного правосудия «Чжон-юань» // Юридическая наука в Китае и России. 2020. № 3. С. 9-12.
8. Govender D. A Conceptual Analysis of Strategies to Combat Organised Crime in South Africa // Insight on Africa. № 7(2). Pp. 120-136.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Antonova E.YU., Mancurov A.YU. Ponyatie i priznaki organizovanoj prestupnosti po zakonodatel'stvu Kitajskoj Narodnoj Respubliki // Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo. 2022. №2. S. 99-110.
2. Vasin YU.G. O tendenciyah ugovolno-pravovoj politiki protivodejstviya organizovanoj prestupnosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. №10. S. 131-139.
3. Drozdova E.A., Volkova O.V. K voprosu ugovolnoj politiki // Ugovolno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2019. № 1. S. 29-33.
4. Kozlovskaya M.G. Opyt bor'by s organizovanoj prestupnost'yu v Gruzii // Vestnik OmGU. Seriya. Pravo. 2018. №2 (55). S. 175-179.
5. Min'kovskij G.M. Napravleniya razrabotki i realizacii ugovolno-pravovoj politiki // Profilaktika pravonarushenij. 1978. № 6. S. 25-30.
6. Nekrasov V.F. MVD Rossii: enciklopediya / gl. red. V.F. Nekrasov. M.: Ob»edinennaya redakciya MVD Rossii; OLMA-Press, 2002. 624 s.
7. Czyun' C., Dunmej P. Ugovolno-pravovoe protivodejstvie organizovanoj prestupnosti (prestupnosti mafioznogo haraktera) v Kitae. Obzor I foruma ugovolnogo pravosudiya «CHzhon-yuan'» // YUridicheskaya nauka v Kitae i Rossii. 2020. № 3. S. 9-12.

М.Я. САЖИН

Криминалистическая характеристика квартирных краж в современном мегаполисе (на примере г. Москвы)

АННОТАЦИЯ. Кража является одним из наиболее распространенных преступлений, совершаемых на территории Российской Федерации. Численность и значительная плотность проживания населения в Москве, ее специфическая экономическая и политико-географическая характеристика является значительным фактором, обуславливающим распространенность квартирных краж на территории субъекта. В связи с этим в целях оптимизации деятельности правоохранительных органов по расследованию и раскрытию данного вида преступления представляется необходимым рассмотреть вопрос его криминалистической характеристики с опорой на актуальную судебную практику.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кража, квартирная кража, преступление против собственности, криминалистическая характеристика, элементы криминалистической характеристики, криминалистическая характеристика квартирной кражи.

САЖИН МИЛАН ЯНОВИЧ – аспирант кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

На сегодняшний день Москва представляет собой административный, транспортный, политический и финансово-экономический центр страны и Центрального федерального округа, является столицей Российской Федерации и ее отдельным субъектом – городом федерального значения¹. В совокупности данные факторы обуславливают статус Москвы как города-мегаполиса, характеризующегося крупнейшим по численности городским населением в стране (12 414 695 человек)².

Специфика инфраструктуры, деятельности правоохранительных органов, экономическое расслоение и плотность населения, а также потребность в постоянном наращивании жилищного фонда на территории города служат объективными причинами для формирования особенной криминоген-

ной обстановки, влияющей на способы и частоту совершения преступлений против собственности, в частности, краж в мегаполисе, совершаемых с проникновением в жилище. Учитывая, что значительную часть жилищного фонда в столице составляют квартиры, рассмотрение краж, совершаемых из данного вида помещения, представляет наибольший практический интерес.

Согласно данным Министерства внутренних дел Российской Федерации о состоянии преступности в России за январь-декабрь 2022 года³, каждое 73 (семьдесят третье) зарегистрированное по стране преступление является квартирной кражей, что составляет 2% от общего числа преступлений, совершенных за рассматриваемый период⁴. Рассматривая период с 2017 по 2019 годы, с неза-

1. Воронцов А.В. Особенности криминальной среды современного мегаполиса (на примере г. Москвы) / А.В. Воронцов, Б.П. Михайлов, Е.Н. Хазов // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 64.

2. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. Статистический бюллетень. РОССТАТ. Москва. 2022. С.8.

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // Официальный сайт МВД РФ / URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения 29.03.2023).

4. В январе – декабре 2022 года зарегистрировано 1966,8 тыс. преступлений на территории Российской Федерации (данные предоставлены без учета Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей), из них зарегистрировано 27195 краж с незаконным проникновением в квартиры. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // Официальный сайт МВД РФ / URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/34307225/> (дата запроса 29.03.2023).

конным проникновением в жилище или иное хранилище, была сопряжена каждая четвертая кража⁵, в 2020 году почти каждая пятая кража⁶, а в 2021 году – каждая шестая кража⁷.

В свою очередь, в Москве за 2022 год из 138,2 тысяч уголовно-правовых деяний более 57 тысяч являются преступлением, предусмотренным статьей 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), удельный вес которых от общего количества составляет 41,3%⁸.

Несмотря на положительную тенденцию к снижению числа квартирных краж на территории г. Москвы в 2022 году на 19,8%⁹, большая часть из них остается в категории нераскрытых. Как отмечают А.В. Морозов, А.Н. Поздняков, низкую раскрываемость квартирных краж можно оценивать в качестве устойчивой тенденции, существующей на протяжении многих лет¹⁰, что обуславливает потребность в совершенствовании технико-криминалистического инструментария, используемого в процессе обнаружения, расследования, раскрытия и предупреждения краж с незаконным проникновением в квартиры. Такой запрос

является особенно актуальным при осуществлении деятельности правоохранительных органов в городах-мегаполисах и, в частности, в Москве как столице государства в целях защиты конституционно установленного права граждан на частную собственность (ст. 35 Конституции РФ).

В науке проблемы, связанные с правовыми, криминологическими и криминалистическими особенностями данного вида преступления, в начале XXI века привлекали значительное внимание ученых. В частности, стоит отметить комплексные труды Д.А. Бражникова¹¹, С.Ф. Егорова¹², А.Н. Пашнина¹³, К.Г. Сварчевского¹⁴, В.Б. Стукалина¹⁵. При этом на сегодняшний день исследование специфики квартирных краж продолжается в рамках более узко ориентированных, нацеленных на изучение отдельных аспектов преступления работ, среди которых особый интерес представляют исследования Н.А. Моисеева¹⁶, А.В. Морозова, Н.Г. Новоселова, А.Н. Позднякова¹⁷ и других.

Одним из наиболее значимых структурных элементов криминалистической методики расследования краж является криминалистическая

5. Данные представлены согласно информации о состоянии преступности в России за январь – декабрь 2017-2019 года // Официальный сайт МВД РФ / URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 29.03.2023).

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // Официальный сайт МВД РФ / URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения 29.03.2023).

7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // Официальный сайт МВД РФ / URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения 29.03.2023).

8. Ведомственная статистика за январь-декабрь 2022 г. // Официальный сайт Прокуратуры г. Москвы // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/activity/statistics/result?item=84862033 (дата обращения 29.03.2023).

9. Официальный сайт ГУ МВД России по г. Москве // URL: [https://77.мвд.рф/Dejatelnost/rezultati/peзулbтаты-деятельности/2022-год](https://77.мвд.рф/Dejatelnost/rezultati/pezuлbтаты-деятельности/2022-год) (дата обращения 29.03.2023).

10. Морозов А.В., Поздняков А.Н. Современное состояние борьбы с квартирными кражами в России, совершенными членами организованных преступных структур // Закон и право. 2020. № 8. С. 136.

11. Бражников Д.А. Криминологическая характеристика и предупреждение квартирных краж, совершаемых организованными преступными группами: По материалам Уральского федерального округа: дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 182 с.

12. Егоров С.Ф. Квартирные кражи: криминологическая характеристика и предупреждение: дис. ...к.ю.н. Омск, 2004. 198 с.

13. Пашнин А.Н. Криминологическая характеристика квартирных краж и меры по их предупреждению: По материалам Уральского региона: дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2000. 189 с.

14. Сварчевский К.Г. Квартирные кражи, совершаемые несовершеннолетними (криминологический аспект): монография. Санкт-Петербург: Кн. Дом, 2005. 139 с.

15. Стукалин В.Б. Проблемы теории и практики раскрытия, расследования и предотвращения квартирных краж в крупном городе: По материалам Сибирского федерального округа: дис. ...канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. 252 с. С. 13.

16. Моисеев Н. А., Новоселов Н.Г. О некоторых первоначальных оперативно- розыскных мероприятиях при раскрытии краж из квартир граждан // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 2. С. 43-47.

17. См. например: Морозов А.В. Современные проблемы борьбы с квартирными кражами и пути их возможного решения / А.В. Морозов, А.Н. Поздняков // Закон и право. 2020. № 7. С. 152-158.

характеристика. В наиболее общем смысле данное понятие сформулировал Н.П. Яблоков, понимавший под криминалистической характеристикой систему криминалистически значимых признаков вида, группы и отдельного преступления, проявляющуюся в таких ее элементах, как «способ, механизм и обстановка его совершения, личность его субъекта и иные особенности определенного вида преступной деятельности, дополненную выявленной и статистически обработанной информацией о характере закономерных связей с ее элементами»¹⁸. Как отмечает В.А. Образцов, при всей важности методических рекомендаций как явления, их практическая эффективность напрямую зависит от научности выработанных подходов, обоснованности тех или иных практических решений с точки зрения следственной практики¹⁹.

Анализ судебных решений районных судов города Москвы, а также Московского городского суда²⁰ как апелляционной инстанции позволили выделить следующие основополагающие элементы криминалистической характеристики квартирной кражи:

1. Предмет преступления;
2. Способ подготовки, совершения и сокрытия преступления;
3. Обстановку совершения преступления, тесно связанную с типичными следами рассматриваемого вида преступления и механизмом его совершения;
4. Личность преступника.

Предметом квартирной кражи, безусловно, является имущество, признаваемое ценным в рамках жизни мегаполиса. В связи с этим, стоит отметить мнение А.С. Князькова, согласно которому предмет такого посягательства в большей мере отображает определенные характеристики

преступника (интересы, психологическое и физиологическое состояние, характеристику преступника как профессионала, специализирующегося на определенной категории, например, антиквариат, картины, коллекции чего-либо и т.д.)²¹. В рамках данной работы полноценный анализ этого предположения не представляется возможным, хотя, безусловно, оно представляет определенный научный интерес.

В свою очередь, анализ судебной практики позволил выявить наиболее общие категории предметов, которые обладают характеристикой высокого уровня ликвидности и материальной ценности, а также размера, обуславливающего относительную незаметность и удобство транспортировки. В частности, чаще всего предметом рассматриваемого вида преступления становится: а) небольшая по габаритам и весу бытовая техника (ноутбуки, телевизоры, моноблоки); б) дорогостоящая одежда (кожаные изделия, изделия из меха, «брендовые» вещи)²²; в) предметы роскоши (элитные духи, фарфор, статуэтки, картины), среди которых особо стоит выделить – г) ювелирные украшения, а также – д) кредитные карты – е) денежные средства.

Обстановка совершения квартирной кражи как элемент криминалистической характеристики представляет особый интерес в силу тайного характера посягательства и определения рассматриваемого состава преступления как материального. Помимо характеристики действий преступника данный элемент свидетельствует о действиях владельцев похищенных вещей, «направленных на создание препятствий к свободному проникновению в жилище посторонних лиц, дополнительному сокрытию имущества в самом жилом помещении»²³. Обстановка находится в тесной

18. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник и практикум для вузов. 3-е изд. пер и доп. М.: ЮРАЙТ, 2023. С. 26.

19. Образцов В.А. Проблемы совершенствования научных основ методики расследования преступлений: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1985. С. 18.

20. В рамках данной работы проанализированы судебные акты первой и апелляционной инстанции, опубликованные на официальном сайте судов общей юрисдикции города Москвы за 2017-2022 гг. // URL: <https://mos-gorsud.ru/>.

21. Князьков А.С. Криминалистика: Курс лекций / Под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск Изд-во «ТМЛПресс», 2008. С. 908.

22. Приговор Перовского районного суда г. Москвы от 19.03.2019 по делу № 1-87/2019.

23. Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для среднего профессионального образования. М., 2021. С. 120.

взаимосвязи со способом, местом и временем, орудием и средствами совершения квартирной кражи, а также иными обстоятельствами.²⁴ Именно в ней находят отображение следы совершенного преступления.

В частности, в судебных актах наиболее часто отмечаются следующие значимые для криминалистической характеристики преступления аспекты:

1. Расположение квартиры на этаже (квартиры, расположенные на 1-м этаже многоэтажного дома, больше подвержены риску проникновения), а также ее географическое положение. Так, в Приговоре Черемушкинского районного суда по делу № 01-0351/2018 от 06.11.2018 г. указано, что виновный «понимал, что ЮЗАО «спальный», тихий район, материальная составляющая людей, проживающих в данном районе, высокая». По данной причине он осуществлял квартирные кражи в районе Теплого Стана города Москвы.

2. Отдельное внимание в приговорах уделяется специфике планировки (наличие балконов, лоджий, водосточных труб и козырьков подъезда у окон квартиры), наличию либо отсутствию укрепления дверей и защиты окон, охранной сигнализации, консьержа, охраны и камер наблюдения на территории дома и т.д. Указанные аспекты зачастую служат критерием выбора квартиры для преступного посягательства. В Приговоре Симоновского районного суда по делу № 1-25/2019 от 27.05.2019 г. указано, что виновный был нацелен «осматривать окна квартир, находящихся на последнем 16-м этаже, выбирая те, у которых имеется свободный доступ на балкон».

3. Стоит отметить, что способы получения доступа к помещению при квартирной краже являются схожими со способами, применяемыми при совершении более общего вида преступлений — краж с проникновением, не только в квартиры, но в иные помещения. В частности, по утверждению А.С. Князькова, такими способами являются:

а) беспрепятственное проникновение в квартиру:

- проникновение через незакрытые балконные двери, окна и форточки;

- проникновение в квартиру с использованием личных (близких и приятельских) отношений с проживающим в ней лицом;

- проникновение в квартиру с разрешения проживающего в ней лица (личность преступника при этом остается неизвестна).

б) взлом преград (как с использованием найденных ключей и средств открытия преград, так и путем отмыкания дверей специальными приспособлениями, а также при повреждении дверей, окон, запирающих устройств и т.д.)²⁵.

В целом, данная классификация представляется теоретически-оправданной, однако, следует отметить, что отнесение использования похищенных или найденных ключей в категорию способов, связанных со взломом преград, является необоснованным.

4. Время совершения квартирных краж также является показательным элементом криминалистической характеристики. Рост числа преступлений рассматриваемой категории наблюдается в дачный сезон и сезон отпусков. Как правило, сама кража совершается в ночное либо утреннее время, что обуславливает не только отсутствие случайных свидетелей, но высокой вероятностью отсутствие лиц, проживающих в квартире, внутри нее — данный факт зачастую устанавливается преступниками по отсутствию света в окнах вечером.²⁶

5. На месте совершения рассматриваемого вида кражи, как правило, отмечается наличие следов, свидетельствующих о количестве преступников, уровне их подготовки (следы, свидетельствующие о наличии специального оборудования, познаний, наличии сообщников²⁷), а также вещей и документов, принадлежащие преступнику. Также на месте преступления возможно нахождение следов-ото-

²⁴ Шелег О. А. Особенности криминалистической характеристики квартирных краж // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2(56). С. 53.

²⁵ Князьков А.С. Указ. Соч. С. 912-913.

²⁶ Приговор Черемушкинского районного суда от 06.11.2018 по делу № 01-0351/2018.

²⁷ Прим. Приговор Зюзинского районного суда г. Москвы от 10.06.2020 по делу № 1-290/2020.

бражений (отпечатки пальцев, следы обуви и т.д.) и следов-веществ.

При осмотре места совершения преступления возможно обнаружение следов, свидетельствующих о подготовке к совершению преступления, а также его сокрытию. При этом осмотр поверхностей, с которыми с большей долей вероятности мог контактировать преступник (места нахождения предметов, поверхность окон и дверей), в ряде случаев свидетельствовал о попытках лица уничтожить следы своего пребывания в квартире.

В значительном числе случаев исследование места совершения преступления, а также прилегающей к нему территории позволили выявить использование преступниками автомобиля. Стоит отметить, что установление данного факта имеет большое криминалистическое значение, поскольку обуславливает использование современных технологий, позволяющих оптимизировать начальный этап расследования преступления. В частности, в решениях судов фигурирует указание на оперативный просмотр камер видеонаблюдения Единого центра хранения данных (ЕЦХД) аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» Департамента г. Москвы, в ходе которого устанавливался государственный номер, марка и цвет автомобиля, который использовался при совершении преступления, а впоследствии, сам собственник последнего.²⁸

Информация о лице, совершившем преступление, имеет большое значение для оперативности расследования деяния²⁹. При этом, сложность анализа данных, составляющих криминалистическую характеристику виновного в совершении преступления по данной категории лица, связана с широким спектром вариантов их комбинаций. Причиной такой ситуации, как представляется, служит объективное существование лиц, кото-

рые специализируются на совершении квартирной кражи самостоятельно, и лиц, действующих в составе преступного объединения. Таким образом, на практике возникает потребность в создании отдельной криминалистической характеристики личности как для лица, совершившего преступление в составе группы (по их видам в соответствии с положениями Уголовного кодекса РФ), так и для одиночного преступника. Схожую проблему в сфере анализа статистики по квартирным кражам отмечают А.В. Морозов и А.Н. Поздняков, указывая, что недостатки статистических расчетов связаны с тем, что «традиционно преступления данного вида совершались в группах различной степени организованности»³⁰.

При этом в рамках данного исследования представляется допустимым в общих чертах обозначить ключевые характеристики личности преступника, имеющие значения для криминалистической характеристики преступления.

В первую очередь, личность влияет не только на предмет и обстановку совершения преступления, но и способы его совершения, подготовки и сокрытия. Опираясь на анализ судебной практики, а также исследование Л.Ю. Аксеновой и А.Ю. Танкова³¹, можно сделать вывод о том, что совершение данного преступления свойственно лицам молодого и среднего возраста³². Общими чертами исполнителей по данной категории дел является низкий уровень образования (неоконченное среднее, неоконченное специальное образование), финансовая нестабильность, характеристика семьи как неблагополучной, склонность к антисоциальному поведению – наличие судимости, в том числе, по аналогичным преступлениям. Анализ судебной практики показал, что в большинстве случаев квартирные кражи совершаются группой лиц.

²⁸ Например, Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 01.06.2022 по делу № 1-292/2022.

²⁹ Мартынов С.В. Криминалистическая и криминологическая характеристика краж, совершаемых с проникновением в жилище // Вестник магистратуры. 2021. № 10-1 (121). С. 30.

³⁰ Морозов А.В., Поздняков А.Н. Указ. соч. С. 154.

³¹ Аксенова Л. Ю., Танков А. Ю. Личность преступника по делам о кражах из квартир // Закон и право. 2018. № 6. С. 140-142.

³² Согласно данным вышеуказанной статьи: наибольший процент лиц на момент совершения преступления находились в возрасте 18-25 лет – 34%; 26-30 лет – 32%, а также 30-39 лет – 22%. 12 % приходится на лиц младше 18 и старше 40 лет.

В группу, совершающую квартирную кражу, могут входить как друзья и родственники либо, как отмечается в приговоре Тушинского районного суда города Москвы от 26.12.2017 г. по делу № 1-550/17, лица, объединенные в «преступную группу, сформированную на этнической основе», что, безусловно, является особенностью рассматриваемого вида преступления именно для города-мегаполиса как зоны активных миграционных процессов. Отдельно выделяются профессиональные преступные объединения.

Таким образом, можно сделать вывод, что все элементы криминалистической характеристики квартирной кражи находятся в тесной взаимосвязи и взаимно обуславливают друг друга. Их корректное определение напрямую сказывается на

эффективности расследования квартирных краж. Определяющее значение среди них имеет личность преступника. Подготовка и сокрытие следов преступления, навык владения транспортом, выбор места и времени совершения преступления, а также способ его совершения в своей совокупности являются следствием принятия волевых решений преступного лица. Представляется, что существующая на сегодняшний день проблема отсутствия конкретизированных криминалистических характеристик личности преступника в зависимости от того, совершается ли им преступления самостоятельно или в группе, является значимой, и оказывающей влияние на уровень раскрытия и расследования рассматриваемого вида краж.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аксенова Л.Ю., Танков А.Ю. Личность преступника по делам о кражах из квартир // Закон и право. 2018. № 6. С. 140-142.
2. Бражников Д.А. Криминологическая характеристика и предупреждение квартирных краж, совершаемых организованными преступными группами: По материалам Уральского федерального округа: дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 182 с.
3. Воронцов А.В., Михайлов Б.П., Хазов Е.Н. Особенности криминальной среды современного мегаполиса (на примере г. Москвы) // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 64-68.
4. Егоров С.Ф. Квартирные кражи: криминологическая характеристика и предупреждение: дис. ...канд. юрид. наук. Омск, 2004. 198 с.
5. Князьков А.С. Криминалистика: Курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск: Изд-во «ТМЛПресс», 2008. 1128 с.
6. Мартынов С.В. Криминалистическая и криминологическая характеристика краж, совершаемых с проникновением в жилище // Вестник магистратуры. 2021. № 10-1 (121). С. 30-31.
7. Моисеев Н.А., Новоселов Н.Г. О некоторых первоначальных оперативно- розыскных мероприятиях при раскрытии краж из квартир граждан // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 2. С. 43-47.
8. Морозов А.В., Поздняков А.Н. Современное состояние борьбы с квартирными кражами в России, совершенными членами организованных преступных структур // Закон и право. 2020. № 8. С. 136-141.
9. Морозов А.В., Поздняков А.Н. Современные проблемы борьбы с квартирными кражами и пути их возможного решения // Закон и право. 2020. № 7. С. 152-158.
10. Образцов В.А. Проблемы совершенствования научных основ методики расследования преступлений: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1985. 33 с.
11. Пашнин А.Н. Криминологическая характеристика квартирных краж и меры по их предупреждению: По материалам Уральского региона: дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2000. 189 с.
12. Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для среднего профессионального образования. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2021. 464 с.
13. Сварчевский К.Г. Квартирные кражи, совершаемые несовершеннолетними (криминологический аспект): монография. Санкт-Петербург: Кн. Дом, 2005. 139 с.
14. Стукалин В.Б. Проблемы теории и практики раскрытия, расследования и предотвращения квартирных краж в крупном городе: По материалам Сибирского федерального округа: дис. ...канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. 252 с.
15. Шелег О.А. Особенности криминалистической характеристики квартирных краж // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2(56). С. 52-56.
16. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник и практикум для вузов. 3-е изд. пер и доп. М.: ЮРАЙТ, 2023. 239 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Aksenova L.YU., Tankov A.YU. Lichnost' prestupnika po delam o krazhah iz kvartir // *Zakon i pravo*. 2018. № 6. S. 140-142.
2. Brazhnikov D.A. Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie kvartirnyh krazh, sovershaemyh organizovannymi prestupnymi gruppami: Po materialam Ural'skogo federal'nogo okruga: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2003. 182 s.
3. Voroncov A.V., Mihajlov B.P., Hazov E.N. Osobennosti kriminal'noj sredy sovremennogo megapolisa (na primere g. Moskvy) // *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2016. № 2. S. 64-68.
4. Egorov S.F. Kvartirnye krazhi: kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie: dis. ... k.yu.n. Omsk, 2004. 198 s.
5. Knyaz'kov A.S. Kriminalistika: Kurs lekcij / pod red. prof. N.T. Vedernikova. – Tomsk Izd-vo «TMLPress», 2008. 1128 s.
6. Martynov S.V. Kriminalisticheskaya i kriminologicheskaya harakteristika krazh, sovershaemyh s proniknoveniem v zhilishche // *Vestnik magistratury*. 2021. № 10-1 (121). S. 30-31.
7. Moiseev N.A., Novoselov N.G. O nekotoryh pervonachal'nyh operativno- rozysknyh meropriyatiyah pri raskrytii krazh iz kvartir grazhdan // *Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti*. 2019. № 2. S. 43-47.
8. Morozov A.V., Pozdnyakov A.N. Sovremennoe sostoyanie bor'by s kvartirnymi krazhami v Rossii, sovershennymi chlenami organizovannyh prestupnyh struktur // *Zakon i pravo*. 2020. № 8. S. 136-141.
9. Morozov A.V., Pozdnyakov A.N. Sovremennye problemy bor'by s kvartirnymi krazhami i puti ih vozmoznogo resheniya // *Zakon i pravo*. 2020. № 7. S. 152-158.
10. Obrazcov V.A. Problemy sovershenstvovaniya nauchnyh osnov metodiki rassledovaniya prestuplenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1985. 33 s.
11. Pashnin A.N. Kriminologicheskaya harakteristika kvartirnyh krazh i mery po ih preduprezhdeniyu: Po materialam Ural'skogo regiona: dis. ... kand. yurid. nauk. CHelyabinsk, 2000. 189 s.
12. Rossinskaya E.R. Kriminalistika: uchebnik dlya srednego professional'nogo obrazovaniya. M.: NORMA; INFRA-M, 2021. 464 s.
13. Svarchevskij K.G. Kvartirnye krazhi, sovershaemye nesovershennoletnimi (kriminologicheskij aspekt): monografiya. Sankt-Peterburg: Kn. Dom, 2005. 139 s.
14. Stukalin V.B. Problemy teorii i praktiki raskrytiya, rassledovaniya i predotvrashcheniya kvartirnyh krazh v krupnom gorode: Po materialam Sibirskogo federal'nogo okruga: dis. ... kand. yurid. nauk. Barnaul, 2004. 252 s.
15. Sheleg O.A. Osobennosti kriminalisticheskoy harakteristiki kvartirnyh krazh // *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2019. № 2(56). S. 52-56.
16. Yablokov N. P. Kriminalistika: uchebnik i praktikum dlya vuzov. 3-e izd. per i dop. M.: YURAJT, 2023. 239 s.

А.Ю. ЮЛДАШЕВ

Пределы действия исключительного права на товарный знак

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются пределы действия исключительного права на товарный знак, устанавливаемые для возможности реализации прав без причинения вреда интересам других субъектов гражданского права. Автором анализируются временные, территориальные пределы, а также определяется проблематика установления пределов действия исключительного права на товарный знак через совокупность материальных норм, определяющей меры допустимого поведения участников гражданского оборота по отношению к зарегистрированному правообладателем товарному знаку. В настоящий момент установить, где заканчиваются границы правомочий правообладателя товарного знака, не представляется возможным, что требует приведения норм к единой концепции ГК РФ в сфере исключительных прав на товарный знак, устранения терминологической проблемы, связанной с отсутствием в законодательстве точного раскрытия терминов «однородный товар», «сходное до степени смешения обозначение».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: товарный знак, исключительное право, пределы действия исключительного права на товарный знак, правообладатель, ответственность, сходный до степени смешения.

ЮЛДАШЕВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ – аспирант кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: a.y.yuldashev@gmail.com).

Товарный знак в соответствии со статьей 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) является обозначением, выступающим средством индивидуализации товаров. Исходя из анализа статьи, можно определить предназначение представленного правового средства индивидуализации – это предоставление гарантий субъектам гражданского оборота в оригинальности приобретаемой ими продукции, услуг или работ. Следует отметить, что любая правовая защита при использовании товарного знака будет иметь место только при легальном удостоверении такого обозначения. Регистрация товарного знака может производиться индивидуальными предпринимателями и организациями посредством обращения в Федеральную службу по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам¹. Такие действия со стороны правообладателя товарного обозначения, обеспечивая ему возможность гарантированной правовой защиты от недобросовестного посягательства посредством реализации

объектов (товаров, работ, услуг и т.д.) под знаком правообладателя. Регистрация товарного знака посредством оформления свидетельства закрепляет исключительную совокупность правомочий владельца на зарегистрированный товарный знак в отношении установленных товаров в соответствии с перечнем международной классификации товаров и слуг, утвержденной Федеральной службой по интеллектуальной собственности. Стоит дополнительно отметить, что с 29.06.2023 года вступили в силу изменения в ст. 1492 ГК РФ, которыми устанавливается, что заявки на регистрацию товарных знаков подаются в уполномоченный государственный орган РФ юридическими лицами и гражданами (заявителями), при этом с указанной даты законодатель заменяет индивидуальных предпринимателей именно на граждан, а не на физических лиц, тем самым ограничивая возможность оформления исключительных прав на товарный знак для иностранных физических лиц.²

При рассмотрении ст. 1484 ГК РФ, возможно

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022). ст. 1480 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

2. Федеральный закон от 28.06.2022 № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

определить, что под исключительным правом на товарный знак подразумевается возможность правообладателя использовать товарный знак любым легальным способом, а также непосредственно распоряжаться правами на товарный знак, ограничивая в правомочиях на товарный знак третьих лиц³. Правомочия владельца товарного знака носят абсолютный характер. Однако, предусмотренный широкий объем прав обладателя обозначения не может являться безграничным (как и любое субъективное право), он нивелируется предусмотренными законодательством пределами.

Актуальность данной научной статьи обосновывается отсутствием в гражданском законодательстве точно установленных границ реализации исключительного права на товарный знак, что вызывает разногласия между правоприменителями при нарушении прав участников гражданского оборота. В настоящее время нормы права, регулирующие указанные пределы, расположены в законодательстве непоследовательно, в общем смысле, что приводит к множественности правовых позиций и не позволяет сформировать единый подход в области пределов действия исключительного права на товарное обозначение⁴.

Рассматривая пределы действия исключительного права на товарный знак, нельзя не затронуть институт ответственности, поскольку установление пределов тесно связано с защитой прав и интересов как правообладателя товарного обозначения, так и потребителей. В российском законодательстве предусмотрены гражданско-правовой, административный и уголовный способы защиты прав на товарный знак. Однако, в этой связи следует указать Постановление Пленума ВС от 23.04.2019 № 10, где в разделе 4 суд указывает, что основ-

ными, в сфере защиты прав на товарный знак, а также прав на использование такового, являются гражданско-правовой и административный способ⁵. Так рассмотрим институт гражданско-правовой ответственности. Преобладающими нормами, при таком способе защиты, будут выступать статья 1250 и статья 1515 ГК РФ. Из анализа представленных правовых положений можно определить, что гражданско-правовыми способами защиты исключительных прав на товарный знак выступают: требование владельца товарного обозначения изъять из оборота и уничтожить за счет нарушителя контрафактных товаров, этикеток, упаковок товаров, на которых размещен незаконно используемый товарный знак правообладателя, а также требование удалить с товара или упаковки, знака сходного с товарным обозначением правообладателя до степени смешения, либо требование уничтожения такого товара. Мерой ответственности, предусмотренной гражданским законодательством за нарушение прав на товарный знак, выступает взыскание убытков и альтернативная компенсация. Отмечается, что такие средства защиты возможны и без доказывания вины лица, в случае, если такое лицо осуществляло предпринимательскую деятельность. Судебная практика указывает, что наиболее популярным средством защиты выступает именно компенсация, в связи с тем, что правообладатель в таком случае может существенно превысить размер выплаты при соотношении с нанесенным ему ущербом⁶.

Установление разумных пределов обуславливается необходимостью обеспечить возможность правообладателя реализовывать засвидетельствованные права (на товарный знак) в полной мере, не затрагивая интересы других субъектов⁷.

3. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности: Краткий курс: учеб. пособие. М., 2016. С. 20.

4. Сергеева Н. Ю. Пределы действия исключительного права на товарный знак: теоретические противоречия ГК РФ // Гражданин и право. 2018. № 2. С. 25.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». раздел 4 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

7. Мотылькова А. В. Пределы действия исключительного права на товарный знак // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 3. С. 49.

Анализируя нормы гражданского законодательства можно установить, что границы действия исключительного права на товарный знак рассматриваются в основном с точки зрения территориальности и времени. Также, можно проследить нормы (ст. 1484-1491 ГК РФ), устанавливающие пределы посредством регистрации товарного знака, когда будущий правообладатель указывает цель такой регистрации, вид деятельности, которую он будет осуществлять, а также товары, на которые данное обозначение будет распространяться⁸.

Так, в данной статье, особое внимание, помимо общих пределов, будет направлено на пределы действия исключительного права на товарный знак через систему материальных правовых норм, которая по всей совокупности определяет меры допустимого поведения участников гражданского оборота по отношению к зарегистрированному товарному знаку, подлежащему правовой защите. Для того, чтобы определить объективность необходимости устанавливаемых пределов, следует также принять в расчет исключения в области расширения границ правомочий обладателя исключительного права, предусмотренные гражданским законодательством.

Для начала, рассмотрим общие пределы действия исключительного права на товарный знак, не представляющие особой проблематики. Первым рассматриваемым пределом действия исключительного права является срок, в течение которого право сохраняется. Так, в Российской Федерации право на товарный знак со дня начала прохождения регистрации (подачи заявления) сохраняется в течение 10 лет. Законодатель не ввел ограничений на количество раз, на которое субъекты могут продлить срок действия исключительного права на товарный знак — для этого

необходимо подать заявление о продлении срока в последний год действия права.

Защита прав правообладателя, зарегистрировавшего исключительное право на товарный знак, может быть реализована как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Так, данное положение вызывает определенную сложность в области определения временного предела действия исключительного права на товарный знак.

Следует рассмотреть такие международные договоры как Мадридское соглашение⁹ и Протокол к данному соглашению¹⁰, регулирующие регистрацию товарных знаков и обеспечивающие охрану исключительных прав. Важно отметить, что международная защита прав распространяется на территории всех стран-участниц данных соглашений. Российская Федерация, ратифицировав данные международные договоры, обеспечила возможность значительного расширения границ действия исключительного права на товарные знаки. Однако, время, в течение которого данное право будет действовать, зависит от того является ли страна участником обоих соглашений. В случае, если страна согласилась с условиями Мадридского соглашения и Протокола к Мадридскому соглашению, то регистрация обозначения производится на 20 лет. Если страна подписала только Протокол к Мадридскому соглашению (такими странами к примеру являются Греция, Грузия, Дания¹¹), исключительное право на товарный знак будет действовать в течение 10 лет. Возникает проблема в установлении пределов исключительного права на товарный знак по сроку, поскольку непонятно, на какой срок страна, являющаяся участником двух международных договоров, может его зарегистрировать. Зависимость международного лицензирования от регистрации в националь-

8. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.07.1997 № 19 «Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой прав на товарный знак». п.3. // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

9. «Соглашение о международной регистрации знаков» (Заключено в Мадриде 14.04.1891) (ред. от 02.10.1979) (вместе с «Инструкцией к мадридскому Соглашению...» от 01.04.1992) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6069/.

10. Протокол к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков (Мадридский протокол) // URL: https://rospatent.gov.ru/ru/docs/interdocs/madr_sys_protokol.

11. Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) // URL: https://rospatent.gov.ru/ru/activities/inter/coop/wipo/madrid_system/sto_madrid.

ном ведомстве продолжается в течение 5 лет. В случае, если базовая регистрация (регистрация в ведомстве страны происхождения) аннулируется, признана недействительной до истечения срока 5 лет с момента международной регистрации, то исключительное право на товарный знак на международном уровне также прекращает свое действие. Если в течение указанного срока соблюдены необходимые условия, товарный знак становится независимым от национального действия, и, по общему правилу, срок действия регистрации будет составлять 20 лет.

Теперь рассмотрим территориальные пределы действия исключительного права на товарный знак. Анализируя положения ст. 1479 ГК РФ, можно определить, что действие исключительного права на товарный знак, который правообладатель зарегистрировал в Роспатенте, распространяется только на территорию Российской Федерации. Проблема установления территориального ограничения на товарный знак связана, прежде всего, с исчерпанием исключительного права. Согласно ст. 1487 ГК РФ с момента введения в гражданский оборот товаров, обладающих товарным знаком, принадлежащим правообладателю, третьи лица могут воспользоваться им в отношении товаров, независимо от того, были ли они введены в оборот непосредственно правообладателем или с его согласия. Сущностью данного принципа является утрата правообладателем контроля за дальнейшим использованием его товарного знака на территории Российской Федерации.

Указав общие положения касательно границ действия исключительного права на товарный знак, следует определить пределы, используя материально-правовой подход. Рассматривая статью 1484 ГК РФ, стоит обратить внимание, что норма содержит открытый перечень области действий с товарным знаком. Так, он может размещаться на этикетках товаров, использоваться при выполнении работ; использоваться в сети «Интернет»,

отображаться на документации и тд. Как уже было ранее сказано, определяющую роль в любых правоотношениях, связанных с товарным знаком, в защите прав обладателя такого обозначения является свидетельство, где удостоверяется исключительное право в отношении товаров и услуг, указанных при подаче заявки. Однако, осуществление правовой защиты прекращается в случае, если обозначение распространяет свое действие на товары и другие объекты, не содержащиеся в свидетельстве¹². Таким образом можно определить, что действие исключительного права на товарный знак, ограничивается непосредственно перечнем товаров, на который действует указанная регистрация, а также самим товарным знаком как зарегистрированным обозначением. Последнее положение подразумевает, что никакое иное (графическое или формальное) выражение, кроме как установленное в свидетельстве на товарный знак, не может являться его индивидуализированным обозначением. Данный тезис подтверждается также иными нормами гражданского законодательства, например, статьей 1492 ГК РФ, где сказано, что при регистрации товарного знака направляемая заявка должна относиться исключительно к одному обозначению.

С учетом вышеизложенного возникает определенная проблема при рассмотрении п. 3 ст. 1484 ГК РФ. Исходя из анализа данного пункта, можно определить, что правообладатель, помимо его основных правомочий, обладает также правом на использование сходного до степени смешения обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, а также однородных товаров¹³. Следует отметить, что законодатель никаким образом не указывает, что определять под термином – «сходным до степени смешения». Положение п.3 ст. 1484 содержит, по своей сути, исключение из ранее представленных норм о границах правомочий обладателя товарного знака и значительно увеличивает пределы

¹² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая: учебно-практический комментарий / под ред. А.П. Сергеева. М., 2016. С. 744.

¹³ Сергеева Н. Ю. Пределы действия исключительного права на товарный знак: теоретические противоречия ГК РФ // Гражданин и право. 2018. № 2. С. 26.

действия его исключительного права. Сделанный вывод подтверждается иными статьями гражданского законодательства, в которых указывается, что товарный знак считается использованным не только когда он применен в установленной в свидетельстве форме, но и если были изменены отдельные элементы товарного знака, не меняющие его сущность.

Более конкретно указанное выше положение рассматривает Гаврилов Э.П., также, утверждая, что понятие «товарный знак с изменениями отдельных его элементов, не меняющими существа товарного знака» является синонимом понятия «обозначение, сходное до степени смешения с товарным знаком»¹⁴. Изучая положения п. 3 ст. 1484, Гаврилов, ссылаясь на то, что представленные правила применяются не только в отношении товаров, указанных при регистрации товарного знака, но и в отношении однородных товаров. Является интересным тот факт, что для термина «однородные товары» также нет никакого пояснения в законе, несмотря на широкий спектр употребления не только в рассматриваемой норме, но и в иных (ст.ст. 1505, 1508 ГК РФ)¹⁵.

Резюмируя вышеизложенное, следует указать на существование теоретических противоречий в нормах, предусматривающих границы действий правообладателя, связанные с защитой товарного обозначения. Так, с одной стороны, статьей 1484 ГК РФ строго определена область действия исключительного права на товарный знак, но в то же время предусмотрены исключения, значительно увеличивающие пределы действия, по сути, выходящие за рамки установленных правомочий. Указанные ограничения также позволяют утверждать о наличии у правообладателя возможности использовать не только зарегистрированный

товарный знак в отношении товаров, указанных в свидетельстве, но и сходное с ним обозначение в отношении однородных товаров¹⁶.

Судебная практика, затрагивающая сферу нарушения границ действия исключительного права на товарный знак, является неоднозначной. Так, Девятый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 16 апреля 2008 года по рассматриваемому делу указал, что несмотря на то, что право на товарный знак распространяется только на те товары и услуги, которые указаны в свидетельстве, защита данного права распространяется также и на однородные товары, не упомянутые в свидетельстве на товарный знак¹⁷.

Следует упомянуть одно из рекомендуемых для судебных инстанций постановлений, для разрешения дел, связанных с идентичностью или однородностью товаров, в отношении которых используется сходное обозначение, с товарами, в отношении которых зарегистрирован товарный знак. Таким является Постановление Президиума ВАС РФ от 18.07.2006 № 3691/06 по делу о столкновении знаков косметического бренда¹⁸. В данном постановлении указывается, что при столкновении двух не идентичных, а схожих товарных знаков, для охраны первого товарного знака угроза его смешения с более поздним знаком должна быть установлена судом. Также в ходе сопоставления товарных знаков судам рекомендуется делать вывод, основываясь на восприятии товарного знака в целом, а не на его отдельных элементах. Высший Арбитражный суд подчеркивает, что наличие существования опасности смешения товарных знаков в глазах потребителя является достаточным для признания сходства товарных знаков.

Рассматривая вопрос установленных пределов действия исключительных прав на товарный знак

¹⁴. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) (автор текста Э.П. Гаврилов). С. 849 // URL: <https://www.consultant.ru>.

¹⁵. Гаврилов Э.П. Последствия неиспользования товарного знака (комментарий к ст. 1486 ГК РФ) // *Хозяйство и право*. 2014. № 11. С.44.

¹⁶. Гаврилов Э.П. Указ.соч. С.74.

¹⁷. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.04.2008 № 09АП-890/2008-АК по делу № А40-28420/07-133-185 // URL: <https://www.consultant.ru>.

¹⁸. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.07.2006 № 3691/06 по делу № А40-10573/04-5-92 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12049928/?ysclid=lgj007ys3n409790408>.

нельзя не отметить изменения в законодательстве 2022 года, закрепившие право Правительства Российской Федерации устанавливать перечень товаров, в отношении которых не могут применяться положения ст. 1487 ГК РФ, что существенно ограничивает права правообладателей соответствующих товарных знаков и дает право третьим лицам вводить такие товары в гражданский оборот на территории РФ без получения согласия легитимного владельца, если его товар попадает в установленный перечень.¹⁹

Рассмотрев, на наш взгляд, сложную проблематику в области пределов действия исключительных прав на товарный знак, можно подвести итог. Так, на сегодняшний день в гражданском законодательстве четко прослеживается наличие теоретических противоречий в области определения пределов действия исключительных прав на товарный знак.

Указанные противоречия требуют точного и своевременного урегулирования, такое возможно только посредством внесения соответствующих изменений в законодательство, посредством приведения норм к единой концепции ГК РФ в сфере исключительных прав на товарный знак²⁰. Иным образом, установить, где заканчиваются границы правомочий правообладателя товарного знака, не представляется возможным. Также имеет место терминологическая проблема, как было сказано ранее, это связано с отсутствием в законодательстве точного раскрытия терминов «однородный товар», «сходное до степени смешения обозначение». Установление легальной дефиниции в ГК РФ для представленных терминов позволило бы избежать множества мнений и определить единый подход в определении пределов действия исключительного права на товарный знак.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гаврилов Э.П. Последствия неиспользования товарного знака (комментарий к ст. 1486 ГК РФ) // Хозяйство и право. 2014. № 11. С.36-50.
2. Мотылькова А.В. Пределы действия исключительного права на товарный знак // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. №3. С.49-53.
3. Сергеева Н.Ю. Пределы действия исключительного права на товарный знак: теоретические противоречия ГК РФ // Гражданин и право. 2018. № 2. С.24-26.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Gavrilov E.P. Posledstviya neispol'zovaniya tovarnogo znaka (kommentarij k st. 1486 GK RF) // Hozyajstvo i pravo. 2014. № 11. S.36-50.
2. Motyl'kova A.V. Predely dejstviya isklyuchitel'nogo prava na tovarnyj znak // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2012. №3. S.49-53.
3. Sergeeva N.YU. Predely dejstviya isklyuchitel'nogo prava na tovarnyj znak: teoreticheskie protivorechiya GK RF // Grazhdanin i pravo. 2018. № 2. S.24-26.

¹⁹ Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ (в ред. от 03.04.2023) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» пп. 13 п. 1 ст. 1 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203080001>.

²⁰ Сергеева Н.Ю. Пределы действия исключительного права на товарный знак: теоретические противоречия ГК РФ // Гражданин и право. 2018. № 2. С. 25.

М.Ю. ЮЛДАШЕВ

Опцион на заключение договора и опционный договор. Проблемы практического применения офертно-акцептной конструкции сделок

АННОТАЦИЯ. В данной статье раскрываются вопросы теоретического и практического значения таких правовых конструкций, как опцион на заключение договора и опционный договор, появление которых вызвало неоднозначную реакцию в правовой среде. Автором проводится сравнительный анализ данных правовых институтов, а также поднимается вопрос об их правовой природе. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим в процессе реализации опциона на заключение договора и опционного договора с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: опцион на заключение договора, опционный договор, опционная конструкция, акцептант, оферент, доли права в обществе с ограниченной ответственностью, нотариальное удостоверение, безотзывная оферта.

ЮЛДАШЕВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – аспирант кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: m.y.yuldashev@gmail.com).

В 2015 году в ходе реформы российского законодательства в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) были внесены существенные изменения. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» ввел в гражданско-правовой оборот две, абсолютно новые для российского законодательства, модели опционных конструкций.

Необходимость внесения в законодательство норм, регулирующих отношения в области реализации опциона, была обусловлена широким распространением в практике заключений опционных сделок в имущественном обороте. Еще до внесения изменений в гражданское законодательство, опционные конструкции были апробированы в обществе, но в силу отсутствия правового регулирования возникало большое количество ошибок. Так, Восемнадцатый Арбитражный Апелляционный суд

в 2010 году вынес постановление, касательно дела, в котором оспаривались договоры купли-продажи опционов на акции¹.

Опцион на заключение договора и опционный договор имеют широкое применение – начиная с заключения договоров купли-продажи товаров и заканчивая сделками по приобретению акций, долей в уставном капитале (далее – УК) юридических лиц. Представленные правовые институты являются эффективными и гибкими в использовании, что представляет интерес для практики. В нотариальной практике эти виды договоров применяются чаще при сделках с долями в уставном капитале Обществ с ограниченной ответственностью.

До внесения соответствующих изменений в гражданское законодательство, вопросы опционных договоров регулировались узкими положениями специального законодательства². На данный момент легальная дефиниция опциона на заключение дого-

1. Постановление ФАС Московского округа от 24.03.2008 № КГ-А41/1878-08-П по делу № А41-К1-15511/06 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

2. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 20.10.2022, с изм. от 19.12.2022) «О рынке ценных бумаг». ст. 27.1 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

вора содержится в статье 429.2 ГК РФ, а опционного договора в статье 429.3 ГК РФ.

Используя аналитический метод, при рассмотрении статьи 429.2 ГК РФ, можно вывести определение опциона как возмездного соглашения по предоставлению безотзывной оферты на право заключения договора в определенный срок. Таким образом offerent предоставляет акцептанту за плату (фиксированную в соглашении сумму) или другое встречное предоставление, право на заключение договора посредством реализации акцепта оферты. Договор путем акцепта оферты заключается в порядке, в сроки и на условиях, предусмотренных данным опционом³.

Изучив статью 429.3, можно прийти к определению опционного договора, как соглашения, по которому акцептант в срок и на условиях, предусмотренных данным договором вправе потребовать от offerenta выполнения предусмотренных договором действий. Следует отметить, что обладатель опциона при реализации своего права, в таком случае, имеет привилегированное положение по отношению к стороне, исполняющей требования, поскольку последний не может отказаться от их реализации в силу ранее заключенного опционного соглашения⁴. Опционный договор по своей сути является основным договором по отношению к опциону на заключение договора⁵. Если обладатель опциона не реализует свое право в установленный соглашением срок, то опционный договор прекращается⁶.

Рассматривая опционный договор и опцион на заключение договора, следует определить их предметность. Так, предмет опционного договора представляет условия о сроке, в течении которого акцептант может заявить требование об исполне-

нии offerentом принятых на себя обязательств. В свою очередь предметом опциона на заключение договора является обязанность исполнить условия, установленные на этапе приобретения опциона, при реализации акцептантом права на заключение опционного договора⁷.

На основе краткого исследования определений и предмета, можно резюмировать, что представленные конструкции имеют схожие черты, но при этом у каждой есть своя специфика, которая позволяет выделить их в отдельные, самостоятельные соглашения. Для анализа правовых позиций по вопросу правовой природы опционного соглашения и опционного договора следует рассмотреть научные труды, анализирующие действующие положения ГК РФ, касающиеся данных правовых институтов.

В доктрине российского права мнения в отношении опционных конструкций расходятся. Рассматривая правовую природу опционных соглашений, ряд ученых относят указанные правовые институты к специальным договорным конструкциям. Так, есть мнение Татаренко В.И., в соответствии с которым, несмотря на определенные различия сущности опционных договоров в концепции общих положений применимых к договорным конструкциям (сходство с абонентским договором ст.429.4 ГК РФ), подводя итог своему исследованию, приходит к выводу, что по описанию опционный договор является специальной (типовой) договорной конструкцией⁸. Также, по мнению автора, правовая природа опционного договора является идентичной с природой устоявшихся специальных договорных конструкций (публичный договор, договор присоединения, предварительный договор и договор в пользу третьего лица)⁹.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

4. Фисенко Ю.С. Соотношение опционного договора и опциона на заключение договора // Вестник науки. 2019. № 3 (12).

5. Матвеева Е.Ю. Об опционных соглашениях // Юридическая наука. 2022. № 9. С.98.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022). ст. 429.3 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

7. Орлов Г.Н. Опционные договорные конструкции в Гражданском кодексе Российской Федерации и их дальнейшее развитие: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2019. С.93.

8. Татаренко В.И. Рамочные и абонентские договоры в гражданском праве: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2018. С.19.

9. Татаренко В.И. Указ. соч. С. 20.

Существует в доктрине мнение о том, что опцион на заключение договора и опционный договор не относятся к самостоятельным договорам. Такого мнения придерживается Орлов Г.Н., утверждая, что представленные институты носят организационный характер, и следует называть их опционными договорными конструкциями, в отличие от тех правовых форм, которые согласно главе второй ГК РФ, являются самостоятельными договорами¹⁰. Автор также утверждает, что из двух представленных правовых институтов, только опционный договор представляет самостоятельную договорную конструкцию¹¹.

Левушкин А.Н., рассуждая о правовой природе опционного договора, говорит о том, что его нельзя назвать специальной договорной конструкцией. Он связывает это положение с тем, что опционный договор является лишь законодательно закрепленной формой договора, утверждая о том, что только опцион на заключение договора имеет право называться специальной договорной конструкцией¹².

Представленная позиция автора, является наиболее объективной и правильной, в связи с тем, что законодательно определение опционного договора не позволяет говорить о нем как о специальной договорной конструкции, в отличие от соглашения о предоставлении опциона на заключение договора. Опционный договор является специальным договором, является лишь той формой, к которой может относиться договор и дает ей законодательное закрепление.

Также для рассмотрения правовой природы опционных конструкций представляется целесообразным обратить внимание на зарубежную практику применения опциона на заключение договора и опционного договора, откуда, вероятнее всего, опционные конструкции пришли в Российскую правовую систему. Для этого обратимся к опыту, сложившемуся в правовой системе США (англосаксонская правовая

семья) и Германии (романо-германская правовая семья).

В романо-германской правовой семье под опционным договором принято понимать соглашение, по условиям которого оно вступает в силу только при заявлении одной из сторон реализации акцепта. В правовой системе Германии существует две концепции опционного договора: теория единого договора и теория разделения договоров, которая на данный момент является преобладающей. Сущность данной теории заключается в том, что опционный договор (так обозначается существующий у нас опцион на заключение договора) выступает самостоятельным договором подготовительного характера, который содержит существенные условия основного договора (опционного договора) для того, чтобы установить связь между основным и опционным договором при его реализации.

Если обращаться к правовой природе опционных договоров в странах англо-саксонской правовой системы, рассматривая эти конструкции на примере США, то следует отметить, что наибольшее распространение получили теория условного договора и теория безотзывной оферты. Основное отличие заключается в том, что в первой теории договор фактически существует, но не исполняется до момента реализации права акцептанта, а во втором случае опцион представляет собой право на реализацию предложения, сделанного оферентом и договор, который содержит обещание (promise) не отзывать оферту¹³.

Исходя из анализа данных правовых конструкций, можно предположить, что законодатель в 2015 году при введении новелл в гражданское право, взял за основу правовые институты зарубежного права.

На сегодняшний день нет четкого понимания и единообразия правовой природы опциона на заключение договора и опционного договора как в доктрине права, так и в судебной практике. Данное положение

¹⁰ Орлов Г.Н. Опционные договорные конструкции в Гражданском кодексе Российской Федерации и их дальнейшее развитие: дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2019. С. 90.

¹¹ Орлов Г.Н. Указ.соч. С. 94.

¹² Левушкин А.Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2 (87).

¹³ Ташлыков А.А., Мустафин Р.Ф., Мустафина С.А. Опцион (договор) в международном частном праве // Эпомен. № 42. 2020. С. 136-134.

ние создает опасность совершения ошибок в области правоприменения, и затрудняет понимание условий реализации опционных соглашений со стороны участников гражданского оборота. Примером является постановление Хабаровского краевого суда от 12.08.2015 по делу, в котором лицо хотело обосновать организацию азартных игр наличием в ГК РФ норм конструкции опционного договора¹⁴. Еще одним примером из судебной практики является Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.05.2016, где публичное акционерное общество, являясь ответчиком и защищая свои права, ссылается на законодательные нормы, касающиеся опционного договора, обосновывая правовую природу комиссии за открытие линии кредитов¹⁵.

В гражданском законодательстве в области опционных конструкций есть положения, которые позволяют четко проследить определенные различия между двумя институтами.

Во-первых, и опционное соглашение и опционный договор имеют срочный характер, однако необходимость наличия срока определяется законодателем по-разному. В случае с опционным соглашением законодатель предусмотрел срок, в течение которого акцептант может реализовать принадлежащее ему право, а также установил, что для опционов на заключение договора без срока общим будет являться срок в 1 год¹⁶. Если говорить про опционный договор, то в данном случае срок является непосредственным условием договора, несоблюдение которого влечет его прекращение¹⁷.

Во-вторых, немаловажное значение имеют формы опционных конструкций. Опцион на заключение договора должен быть в форме договора, подлежащего заключению (п.5 ст.429.2 ГК РФ). В случае опционного договора, законодатель в статье 429.3

не говорит о какой-то определенной форме. Следует полагать, что форма опционного договора будет зависеть от условий, предусмотренных в опционе на заключение договора, поскольку именно на этом этапе получается право на реализацию последнего. По мнению Матвеевой Е.Ю., опционный договор — это гражданско-правовой договор (купли-продажи, оказания услуг, аренды)¹⁸.

В-третьих, следует обратить внимание на круг источников правового регулирования опционного соглашения и опционного договора. Так, можно определить, что круг источников для опционного договора определен шире, положения в области регулирования могут быть установлены как законом, так и «в установленном им порядке» (п. 4 ст. 429.3 ГК РФ). Если говорить об опционе на заключение договора, то специфические черты отдельных видов такой конструкции могут быть установлены только законом¹⁹. Однако, в таком случае возникает вопрос касательно опциона эмитента: можно ли отнести его к специальным видам опциона? Данный вопрос является отдельным предметом исследования.

Несмотря на нормативную закреплённость, некоторые положения касательно опционных конструкций представляют определенные проблемы при практическом применении, и требуют урегулирования. Рассмотрим каждую проблему отдельно.

Следует обратить внимание на тот факт, что изначально опционные конструкции применялись для операций с долями участия в бизнесе, но позже конструкции стали использовать и в сделках других типов. В связи с этим рассматриваемые проблемы будут относиться в первую очередь к опционным договорам купли-продажи долей в ООО по средствам предоставления безотзывной оферты, и опционных соглашений при купле-продаже акций.

¹⁴ Постановление Хабаровского краевого суда от 12.08.2015 по делу № 4а-480/15// URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.05.2016 по делу № А13-10196/2015 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

¹⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022). ст. 429.2 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

¹⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022). ст. 429.3 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

¹⁸ Матвеева Е.Ю. Об опционных соглашениях // Юридическая наука. 2022. № 9. С. 97.

¹⁹ Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2017.

Первой рассматриваемой проблемой, является момент нотариального удостоверения опционного договора, а именно: требует ли нотариального удостоверения опционное соглашение или только опционный договор? Гражданский кодекс не предусматривает обязательного нотариального удостоверения, однако Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ «Об ООО») напрямую говорит о том, что договор, связанный с отчуждением доли в уставном капитале, подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Так, если, предметом сделки опциона на заключение договора является доля в ООО, то исходя из анализа ст. 21 ФЗ «Об ООО», опцион на заключение договора представляет собой нотариальное соглашение о предоставлении опциона, а также нотариально удостоверенную безотзывную оферту (которая также может быть включена в соглашение), которая позволяет акцептанту реализовать право на приобретение доли. При анализе данной нормы можно сделать вывод о том, что и опционное соглашение, и опционный договор требуют нотариального удостоверения, поскольку происходит переход доли в уставном капитале третьему лицу²⁰. Такого же мнения придерживается и судебная практика²¹.

Далее, возникает вопрос о том, когда необходимо удостоверить опцион на заключение договора и опционный договор. По общему правилу нотариальному удостоверению подлежат все сделки, связанные с отчуждением долей в Обществе с ограниченной ответственностью. Таким образом, при анализе статьи 21 ФЗ об «ООО», можно определить, что нотариальное удостоверение происходит на всех этапах заключения опционного договора, связанного с отчуждением долей в обществе с ограниченной ответственностью. Сначала удостоверяется опционное соглашение, которое может содержать в себе безотзывную оферту. Если опционное соглашение

не включает безотзывную оферту, последняя удостоверяется отдельно, после чего нотариальному удостоверению подлежит акцепт безотзывной оферты.

Определенные сложности в правоприменении вызывает вопрос, касающийся опциона на акции в АО. В законодательстве не закреплены нормы, которые указывают на необходимость нотариального удостоверения опциона между акционером и владельцем, а также его фиксации у реестродержателя. Обращаясь к статье 8 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», где говорится о том, что реестродержатель проводит операции, связанные с передачей ценных бумаг на основе распоряжения эмитента ценных бумаг. Так, у держателя опциона отсутствует возможность реализовать опцион по переходу прав на акции без участия в этом процессе «юридического» акционера. Поскольку «юридический акционер» сначала дает распоряжение о необходимости внесения изменений в реестре, из этого следует, что реализовать безотзывную оферту на акции не представляется возможным.

Еще одним спорным вопросом являются положения, касающиеся отлагательных условий в опционных соглашениях при продаже долей и акций. В статье 429.2 ГК РФ указывается, что в некоторых случаях при опционе на заключение договора, акцепт возможен только при наступлении определенных опционом условий. Данные положения присутствуют и в статье 429.3 ГК РФ. Судебная практика также подтверждает возможность включения отлагательных условий в опционное соглашение. Так, 7 Арбитражный Апелляционный Суд в постановлении по делу приходит к выводу, что законом не запрещены сделки под отменительным или отлагательным условием, также данное условие не может расцениваться, как основание для возможности неисполнения обязательств по возврату денежных средств в отсутствие встречного предоставления²². Несмотря на наличие судебной практики по вклю-

20. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 16.04.2022). ст.21 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>

21. Решение Арбитражного Суда Удмуртской Республики от 01.07.2019 года по делу № А71-16567/2018 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

22. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 09.10.2018 по делу № А45-6541/2018 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

чению, отлагательных условий в опционное соглашение, существуют неурегулированные законом или практикой положения. А именно положения, касательно того, обязан ли регистратор, оформляющий запись в реестре акционеров о переходе права собственности на ценные бумаги, после исполнения опционного договора, проверять наступление отлагательных условий. На данный момент конкретный механизм решения данного вопроса отсутствует.

До заключения опционного соглашения акцептант должен учесть все возможные ограничения по заключению такого договора. Такие ограничения могут быть предусмотрены уставом ООО, корпоративным договором и законодательством. В случае, если такие ограничения имеются, следует устранить их путем внесения соответствующих изменений в устав или корпоративный договор. Частыми ограничениями являются: а) предусмотренные уставом требования получить согласие участников и/или общества на отчуждение доли в уставном капитале (абз. 2 п.10 ст. 21 ФЗ «Об ООО»); б) предусмотренные уставом общества или корпоративным договором ограничения по максимальной или минимальной цене доли в случае ее возмездного отчуждения; в) предусмотренные уставом общества или корпоративным договором запрета на отчуждение доли третьим лицам (абз. 2 п.2 ст. 21 ФЗ «Об ООО»). Также, поскольку опционом может быть предусмотрено условие (при котором возможен акцепт, то есть реализация опциона), наступление которого можно подтвердить только документами, полученными в обществе (доля в уставном капитале которого приобретает по опциону), то в опционе нужно сразу предусмотреть предоставление инициатором опциона держателю опциона полномочий (фактически доверенности) на получение в обществе всех документов, которые могут потребоваться при акцепте, либо обязать его представить соответствующие

документы лично. В связи с этим возникает ряд проблем, не имеющих нормативного урегулирования. А именно проблемы касаются изменения уставных документов в срок действия нотариально удостоверенного опциона на заключение договора по продаже доли в уставном капитале, а также изменения состава участников и перераспределения долей и их номинальной стоимости.

Определенную проблематику при реализации опциона на заключение договора по долям в ООО составляет отсутствие отражения факта выдачи опциона в Едином Государственном Реестре Юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ). Данный факт содержит в себе риск продажи доли третьему лицу, поскольку ни покупатель, ни нотариус могут и не знать о наличии ранее выданного опциона. В таком случае условие о запрете уступки прав по опциону очень желательно указывать в тексте опциона²³. В случае отсутствия такого условия уступка прав по опциону возможна в силу закона²⁴. Положение об отсутствии записи опциона в ЕГРЮЛ может использоваться недобросовестными участниками гражданского оборота как инструмент прикрытого владения бизнесом. Несмотря на то, что нотариальные действия должны вноситься в единую информационную систему нотариата²⁵, как показывает практика, продать долю через нотариуса, который не удостоверил опцион, по-прежнему возможно.

Подводя итог, отметим, что исследование позволило провести четкое, юридическое разграничение между опционом на заключение договора и опционным договором. Однако, несмотря на то, что законодатель в ГК РФ различает данные правовые конструкции, с точки зрения экономических последствий и целей различия усматриваются мало. Следует отметить, что такое разграничение приводит, скорее, к наложению институтов друг на друга²⁶. Однако, на данный момент представленные инсти-

²³ Методическое пособие по совершению нотариальных действий в отношении долей в уставных капиталах ООО (утв. решением Правления МГНП от 22.07.2016) // URL: <https://gigabaza.ru/doc/181319-pall.html>.

²⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022). ст. 429.2 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

²⁵ Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (с изменениями и дополнениями) ст. 34.3 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>.

²⁶ Козлов Д.Д. Опцион на заключение договора и опционный договор: сравнение и оценка обоснованности существования в гражданском законодательстве // StudNet. 2020. № 9.

туты уже приняты судебной практикой и активно используются. Из выделенной проблематики видно, что нормативно-правовое регулирование опционных конструкций в рамках статьи 429.2 и статьи 429.3 ГК РФ несовершенно и требует уточнения.

Отдельного рассмотрения заслуживают вопросы в области регулирования вопросов, возникающих при реализации опциона по сделкам с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2017. 431 с.
2. Козлов Д.Д. Опцион на заключение договора и опционный договор: сравнение и оценка обоснованности существования в гражданском законодательстве // StudNet. 2020. №9. С.805-810.
3. Левушкин А.Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры // Актуальные проблемы российского права. 2018. №2 (87). С.19-26.
4. Матвеева Е.Ю. Об опционных соглашениях // Юридическая наука. 2022. №9. С.97-101.
5. Орлов Г.Н. Опционные договорные конструкции в Гражданском кодексе Российской Федерации и их дальнейшее развитие: дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2019. 421 с.
6. Татаренко В.И. Рамочные и абонентские договоры в гражданском праве: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2018. 189 с.
7. Ташлыкова А.А., Мустафин Р.Ф., Мустафина, С.А. Опцион (договор) в международном частном праве // Эпомен. №42. 2020. С.136-134.
8. Фисенко Ю.С. Соотношение опционного договора и опциона на заключение договора // Вестник науки. 2019. №3 (12). С.45-48.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Vitryanskij V.V. Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi. M.: Statut, 2017. 431 s.
2. Kozlov D.D. Opcion na zaklyuchenie dogovora i opcionnyj dogovor: sravnenie i ocenka obosnovannosti sushchestvovaniya v grazhdanskom zakonodatel'stve // StudNet. 2020. №9. S. 805-810.
3. Levushkin A.N. Special'nye dogovornye konstrukcii: ramochnyj, opcionnyj i abonentskij dogovory // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2018. №2 (87). S. 19-26.
4. Matveeva E.YU. Ob opcionnyh soglasheniyah // YUridicheskaya nauka. 2022. №9. S. 97-101.
5. Orlov G.N. Opcionnye dogovornye konstrukcii v Grazhdanskom kodekse Rossijskoj Federacii i ih dal'nejshee razvitie: dis. ...kand. yurid. nauk. SPb., 2019. 421 s.
6. Tatarenko V.I. Ramochnye i abonentskie dogovory v grazhdanskom prave: dis. ...kand. yurid. nauk. M., 2018. 189 s.
7. Tashlykova A.A., Mustafin R.F., Mustafina, S.A. Opcion (dogovor) v mezhdunarodnom chastnom prave // Epomen. №42. 2020. S. 136-134.
8. Fisenko YU.S. Sootnoshenie opcionnogo dogovora i opciona na zaklyuchenie dogovora // Vestnik nauki. 2019. №3 (12). S. 45-48.

А.А. РОЖНОВ

Как Президент России снова стал Государем, или о Конституции юридической и фактической. Размышления историка права в связи с 30-летием Конституции Российской Федерации¹

АННОТАЦИЯ. В заметке, приуроченной к 30-летию Конституции Российской Федерации, сравнивается юридическое и фактическое положение главы Российского государства. Отмечается, что фактический статус Президента России прямо противоположен тому, который предусмотрен нормами Конституции, и соответствует многовековым политико-правовым традициям русской государственности. На примере статуса Президента делается вывод о том, что действующая Конституция в ее практическом воплощении является актуальной и не нуждается в замене.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Конституция Российской Федерации, Президент Российской Федерации, юридическая и фактическая Конституция, принцип разделения властей, монархия, Государь.

РОЖНОВ АРТЕМИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – профессор Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент (e-mail: roartan@mail.ru).

12 декабря исполнилось 30 лет со дня принятия на всенародном голосовании действующей Конституции Российской Федерации. Актуальна ли сегодня Конституция 1993 года, наспех разработанная по указке западных кураторов тогдашней российской власти и протасенная Президентом Ельциным через референдум в условиях острейшего, на грани гражданской войны политического противостояния между сторонниками тогдашних Президента и Парламента? Или, будучи продуктом совершенно другой исторической эпохи, она уже отжила свой век, а потому нуждается если не в замене, то в кардинальном пересмотре? Среди политиков, правоведов, публицистов, разумеется, есть разные мнения на этот счет. В своей заметке я бы хотел обратить внимание на два момента, которые, как мне кажется, позволяют ответить на поставленные вопросы.

Во-первых, 30-летний юбилей «ельцинской» Конституции в очередной раз со всей очевидностью доказывает то, что давно известно юристам, а именно – что между буквой закона и практикой его применения никогда не бывает полного соответствия, а порой разница между тем, что записано в законе, и тем, что есть на самом деле, может быть огромной. Нынешний же Основной закон в этом

отношении и вовсе потрясающ! Ведь в одной из ключевых сфер регулируемых им государственных отношений – **в определении статуса главы Российского государства – фактическая, реальная Конституция, по сути, прямо противоположна Конституции юридической, буквальной.** При этом самое примечательное заключается в том, что с формальной точки зрения все юридически безупречно, и в этом плане нынешняя Конституция является образцово показательным примером того, что можно, не отступив от буквы закона, наполнить его совершенно иным политическим содержанием и превратить в свою противоположность.

Во-вторых, еще один важнейший урок, который может и должен быть извлечен из 30-летнего конституционного опыта, – это понимание того, что **национальные, исторически сложившиеся государственно-правовые традиции как отражение реальной жизни народа и его политических и юридических воззрений сильнее любых навязанных ему чуждых законов и рано или поздно либо полностью отвергнут их, либо изменят, перестроят их под себя.** Законодатель, конечно, может писать все что ему угодно, но жизнь в конечном счете все расставит по своим местам. Именно это и случилось с Конституцией Российской Федерации в той

¹ Статья дана в авторской редакции. Мнение редакционного совета может не совпадать с мнением автора.

ее части, которая посвящена определению статуса главы государства.

Ведомые западными советниками разработчики Основного закона 1993 года хотели превратить Президента России в стандартного главу президентской или смешанной республики, в эдакого кратковременного наемного менеджера корпорации под названием «Россия», но эта затея достаточно быстро потерпела крах. Глава Российского государства, *юридически являющийся выборным и далеко не всевластным Президентом, фактически стал тем, кем он и должен был стать исходя из тысячелетней политико-правовой доминанты России – русским Государем. И произошло это без всяких политических потрясений и революций, совершенно естественно, буднично, словно само собой и что особенно симптоматично – при практически полном одобрении народа. Русская традиция исправила нерусский закон.*

Отмеченная трансформация воплотилась в следующих формах.

Согласно букве Конституции, Российская Федерация является республикой, государственная власть в которой базируется на принципе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви, которые в свою очередь провозглашаются самостоятельными. Зачем нужно подобное разделение? Для того чтобы ни один орган и ни одно должностное лицо не смогли сосредоточить в своих руках всю полноту власти, чтобы никто в одиночку не мог определять курс государственного корабля и управлять им. Принцип разделения властей дополняется закрепленной в Основном законе системой сдержек и противовесов, которая должна гарантировать взаимный контроль властей и усилить их влияние друг на друга. В соответствии с этими исходными постулатами либерального конституционализма государственную власть в Российской Федерации, согласно Конституции, на высшем уровне осуществляют разделенные и взаимно сдерживающие друг друга Президент, Парламент, Правительство и суды. Именно так выглядит красивая политико-правовая теория, разработанная «прогрессивными» правоведами-западниками по последнему слову науки конституционного права и воплощенная в букве Основного закона. Как же обстоят дела в политико-правовой реальности?

А она такова, что в современной России никакого принципа разделения властей, очевидно, нет. Он остался только в тексте Конституции, на страницах учебников по юриспруденции и политологии и в интеллигентских мечтаниях любителей витать в политических облаках. В действительности же есть только одна ветвь власти, а точнее говоря, лишь одна единая государственная власть – президентская. Никаких других ветвей власти, равносильных и равнозначных ей, да и вообще никаких «ветвей» как таковых попросту не существует. Нет, формально-юридически они, конечно же, никуда не делись, все на месте, но исключительно на бумаге. А на практике Президент Российской Федерации – воистину «наше все». Он не просто стоит на вершине государственной власти, выступая в качестве арбитра между ее ветвями и дирижера государственно-властного оркестра. *Президент – и это самое главное! – является единственным властвующим субъектом, который определяет абсолютно все в нашей стране.* Все остальные высшие государственные органы и должностные лица – правительство, парламент, министры, депутаты и прочие – все это и по факту, и в глазах народа, лишь элитная чиновная массовка, президентские тени, царская свита, советники и порученцы, которые лишь помогают главе государства осуществлять управление страной. Никакой самостоятельной политической роли они не играют, а о реализации ими сдерживающей функции в отношении Президента говорить просто смешно. Все, что от них требуется, это своевременно и четко исполнять поручения Президента, совещаться с ним, принимать на себя часть политической ответственности за него и не отсвечивать.

При таком положении Президента в системе государственной власти *его полномочия, по сути, безграничны.* Он не просто определяет основные направления внутренней и внешней политики государства и выполняет массу других функций, предусмотренных Конституцией. От его усмотрения зависит решение фактически любых вопросов, причем не только глобальных, судьбоносных, стратегических, но и нередко таких, которыми вообще-то должны заниматься управленцы совершенно другого уровня. Достаточно вспомнить многочасовые сеансы ежегодного общения Президента со страной, когда рядовые гражд-

дане на «Прямой линии с Владимиром Путиным» обращаются к нему с последней надеждой и упованием и Президент в режиме «ручного» управления решает проблемы «маленького человека». При этом слово Президента творит чудеса и даже казавшиеся неразрешимыми проблемы быстро и эффективно решаются! Народ же, со своей стороны, полностью одобряет такую деятельность Президента и видит именно в нем и ни в ком ином — ни в депутатах, ни в прокурорах и судьях, ни в уполномоченном по правам человека и т. д. — своего главного защитника и опору.

Точно так же народ поддерживает фактическую *бессрочность полномочий главы государства и возможность самостоятельного определения им своего преемника*. Изначально предусмотренная Конституцией норма о 4-летнем сроке президентских полномочий и возможности занятия должности Президента не более двух сроков подряд с самого начала казалась совершенно чужеродным телом в российском политико-правовом организме, бездумным подражанием нашим западным «партнерам» и «учителям демократии». Разработчики Основного закона просто механически перенесли в российскую Конституцию аналогичные западные конституционные нормы по принципу: совершенно неважно, подходят ли они России или нет, главное, чтобы и у нас было так же, как у них, «цивилизованных»! Однако впоследствии данная норма подверглась совершенно естественной и неизбежной модификации.

Ее первую часть как абсолютно нелепую в российских условиях просто в законном порядке изменили до 6 лет, хотя можно не сомневаться, что если бы вместо 6 лет было предложено увеличить срок президентских полномочий, скажем, до 8 или 10 лет, то это равным образом не встретило бы никаких возражений. Конституционное же положение о двух президентских сроках подряд сперва обошли через неформальный институт назначенного Президентом преемника как «президентского местоблюстителя» на время, пока глава государства по истечении двух президентских сроков должен по Конституции освободить свой пост, а затем путем включения в текст Основного закона нормы об «обнулении» прежних президентских сроков. Некоторыми политиками высказывались предложения о том, чтобы и вовсе

убрать из Конституции ограничение на количество президентских сроков, но эта идея не нашла поддержки у Президента. И действительно, зачем столь откровенно попирает Основной закон, если можно добиться того же результата посредством изящной президентско-премьерской рокировки и конституционного положения об обнулении сроков? В этом случае можно, как говорится, одним выстрелом убить двух зайцев: и сохранить в неприкосновенности «букву» Конституции, и на законном основании обеспечить главе государства возможность остаться на вершине власти фактически (при рокировке) и юридически (при обнулении).

При этом, как и в случае с увеличением срока президентских полномочий, какое бы решение в конечном счете ни было бы принято — об упразднении ли нормы о максимально допустимом количестве президентских сроков, о легализации ли института президентского преемника, в том числе в форме президентско-премьерского тандема, или об обнулении прежних президентских сроков, любое подобное решение, в чем нет никакого сомнения, также бы гарантированно получило народную поддержку. Народу ведь совершенно неинтересны и неважны все эти юридические хитросплетения и политические игрища в верхах. Ему нужно, чтобы в государстве были порядок, справедливость, стабильность и процветание, чтобы было мирное небо над головой, а другие страны и народы нас если бы и не любили, то хотя бы боялись и уважали. А для всего этого нужно, чтобы во главе страны стоял не дорвавшийся до властной кормушки в результате политических манипуляций временщик, правящий ей по принципу: куй железо, пока горячо, а после нас хоть потоп, а *постоянный державный хозяин, который радеет о своем народе как о своей собственной семье и имеет достаточно силы, власти и авторитета для его защиты от внешних врагов и внутренних злодеев*.

По причине фактического всевластия главы государства и бессрочности его полномочий осталась исключительно на бумаге еще одна ограничительная в отношении Президента конституционная норма — о возможности его отстранения от должности. Закрепленные в Основном законе постановления на этот счет и сами-то по себе являются практически нереализуемыми, что в свое время наглядно

показали тщетные попытки оппонентов Президента Ельцина объявить ему импичмент, а в нынешних условиях отрешение Президента от должности и вовсе выглядит сущей фантастикой. Невозможность же импичмента Президента означает то, что он, по существу, *не подлежит юридической ответственности за свои действия и решения* и может нести за них лишь политическую, историческую, нравственную и религиозную ответственность.

Таким образом, **фактический статус Президента Российской Федерации характеризуется следующими важнейшими чертами: во-первых, он олицетворяет и возглавляет всю систему государственной власти и не делая ее ни с кем, полностью управляет страной; во-вторых, ему принадлежат неограниченные государственно-властные полномочия; в-третьих, глава государства исполняет свои функции бессрочно; в-четвертых, он обладает правом назначения преемника, в том числе как своего местоблестителя; и, в-пятых, за свою деятельность на посту Президента глава государства не несет юридической ответственности.**

Совершенно очевидно, что *в контексте тысячелетней истории России обладающий указанным статусом Президент Российской Федерации де факто является не кем иным, как монархом, причем монархом не бессильно-конституционным, декоративным, а самым что ни на есть настоящим, полноценным. Наш Президент – это подлинный Император и Самодержец Всероссийский, чья власть верховна, бессрочна и неограниченна.* В этом своем положении Президент, можно сказать, продолжает династический ряд русских Государей Императоров XIX – начала XX веков, а с точки зрения его права по своему усмотрению выбирать себе преемника, он примыкает к правителям Российской Империи XVIII века. При этом по сравнению с последним русским Императором Николаем II Президент Владимир Путин обладает значительно большей властью и может с гораздо большим основанием именоваться Самодержцем, поскольку в отличие от Николая Александровича, имевшего весьма сложные отношения с учрежденным им парламентом, у Владимира Владимировича нет никаких проблем с полностью подконтрольным ему Федеральным собранием. *Весь государственный аппарат современной Российской Федерации сверху донизу зафокусирован на Президента, подчинен ему и*

выстроен исходя из принципа всемерного обеспечения вертикали власти.

Хорошо или плохо такое положение вещей? По моему убеждению, оно не просто хорошо, оно замечательно! Ведь *царский статус Президента означает фактическое возвращение России к своим истокам, к тому, что всегда было наше, родное. Россия во все времена была страной твердо монархической*, и даже в обморочные советские годы с их лютой ненавистью к исторической, княжеской, царской и императорской России большевистские вожди, тем не менее, пусть и в крайне извращенном виде, но все-таки старались быть «красными царями». Вот и сегодня наш народ своим восприятием Президента, его стабильно высокой поддержкой на протяжении уже более 20 лет наглядно демонстрирует то, что он в своей массе как был, так и по-прежнему остается настроенным монархически. Понятное дело, что в большинстве своем народ проявляет свой монархизм неосознанно, интуитивно, фактически, а на словах заявляет о приверженности демократическим институтам и ценностям. Однако важны не слова, а дела, а они красноречивее любых социологических опросов характеризуют подлинное отношение населения России к монархии и республике.

И в завершение вернусь к вопросу, обозначенному в самом начале: устарела ли Конституция Российской Федерации 1993 года и нуждается ли она в замене? На мой взгляд, нет, в этом нет необходимости. В своем нынешнем виде Конституция справляется со своим предназначением служить юридическим фундаментом современного Российского государства. На примере конституционных норм о статусе Президента видно, что **фактическая Конституция может вполне успешно заменить собой Конституцию юридическую, существенные недостатки которой постепенно исправляются политико-правовой практикой.** Это, разумеется, не значит, что нынешний текст Основного закона неприкосновенен. При необходимости законодатель может и дальше вносить в него точечные изменения, вычищая из Конституции неудачные или потенциально опасные нормы и делая ее положения более юридически совершенными и политически адекватными. Но ставить на повестку дня вопрос о принятии новой Конституции, я думаю, сейчас совсем неактуально.

М.И. ПАСТУХОВ

Общее и особенное в Конституциях России и Беларуси¹

АННОТАЦИЯ. В данной статье проводится сравнительно-правовой анализ Конституции Российской Федерации и Республики Беларусь. При этом выделяются как сходные моменты, так и особенные. В заключение автором сделаны некоторые выводы, в частности, отмечается, что в процессе многолетней интеграции в России и Беларуси сформировалась однотипная система государственной власти с доминирующим статусом Президента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Конституция, референдум, президент, парламент, правительство, суды, местное самоуправление, права человека, конституционная жалоба, гарантии прав граждан.

ПАСТУХОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права учреждения образования «БИП-Университет права и социально-информационных технологий», г. Минск (e-mail: m_pastukhov@mail.ru).

Вводная часть

Все больше времени отделяет нас от декабря 1993 года, когда на основе всенародного голосования была принята Конституция Российской Федерации. Она вступила в действие со дня ее опубликования в «Российской газете» – с 25 декабря 1993 года. Однако до настоящего времени продолжают споры о легитимности этой Конституции, прежде всего, в связи с нарушением установленного порядка ее принятия.

За прошедшие 30 лет в Конституцию РФ несколько раз вносились поправки. Наиболее масштабные и значимые из них были проведены через процедуру «общероссийского голосования» 1 июля 2020 года. Новая редакция Конституции вступила в силу через два дня – 4 июля 2020 года.

В своем выступлении автор предпринимает попытку дать оценку Конституции РФ в сравнении с Конституцией Республики Беларусь, которая была принята примерно в то же время и в дальнейшем претерпела ряд изменений и дополнений, во многом заимствуя опыт конституционного строительства Российской Федерации.

В целях информирования российских коллег следует обратить внимание на знаковые даты, когда через референдумы вносились поправки в Конституцию Республики Беларусь. Так, 14 мая

1995 г. по требованию А.Г.Лукашенко Верховный Совет Республики Беларусь 12-го созыва назначил совмещенный с выборами референдум, на который были вынесены вопросы об изменении национальной символики, о придании русскому языку статуса государственного языка, об интеграции с Россией и о праве Президента распускать Парламент.

Следующий референдум был проведен 24 ноября 1996 г. Основным вопросом на нем был вопрос о расширении полномочий Президента Республики Беларусь по примеру российского президента с предоставлением права издавать декреты, имеющие силу законов. В заключительных положениях Конституции содержалась норма об обнулении сроков президентских полномочий.

Третий по счету референдум состоялся 17 октября 2004 г. Он был назначен президентским указом и содержал вопрос о возможности участия А.Г.Лукашенко в новых президентских выборах. При этом предлагалось исключить из Конституции норму об ограничении сроков переизбрания на должность президента. Несмотря на сомнительность такого вопроса с правовой и нравственной точек зрения, он был вынесен на голосование. По данным Центризбиркома, за принятие решения по вынесенному на референдум вопросу проголосовало 5 548

¹ Статья дана в авторской редакции. Мнение редакционного совета может не совпадать с мнением автора.

477 граждан, что составляет 79,42 процента от числа граждан, внесенных в списки для голосования².

На референдуме 27 февраля 2022 г. в Конституцию Республики Беларусь были внесены многочисленные изменения и дополнения, в том числе появилась глава 3-1, которая закрепила статус нового органа власти – Всебелорусского народного собрания. В нем Президенту гарантируется почетное место

Председателя Президиума, которое он может занимать, совмещая его с должностью Президента. Ему также предоставляется право быть пожизненным членом верхней палаты Парламента и дается индульгенция от привлечения к ответственности «...за действия, совершенные в связи с осуществлением им президентских полномочий» (ч.3 ст.89 Конституции)³.

Сходные моменты в двух Конституциях

Конституции России и Беларуси прошли тридцатилетнюю историю и подверглись значительной трансформации в сторону утверждения единоличной власти. В силу интеграционных процессов и нахождения в рамках «Союзного государства» Конституция Беларуси заимствовала некоторые новации из Конституции России, в основном, это касалось статуса Президента и его места в системе государственных органов. В результате Конституции двух стран становятся все более похожими друг на друга, несмотря на различие в государственном устройстве.

Во-первых, обе Конституции, особенно в их первоначальной редакции, закрепляли демократические формы и принципы организации государственной власти, народовластие, широкий перечень прав и свобод человека и гражданина, запрет узурпации власти, миролюбивую внешнюю политику. Тем самым разработчики Конституции создавали идеальный правовой документ, которым должны были руководствоваться представители новой власти, в том числе ее президенты.

Во-вторых, в обеих Конституциях был учтен не только национальный опыт развития государственности, культуры, права, но и зарубежный опыт. Это, в частности, проявилось в характеристике государства как демократического, социального и право-

вого, в утверждении принципа разделения властей, верховенства закона, уважении прав человека и гражданина, признании принципов и норм международного права, введении должности президента, учреждении Конституционного суда, автономного существования местного самоуправления.

В-третьих, украшением Конституции стали разделы о правах, свободах и обязанностях граждан. В то же время допускалась возможность применения смертной казни (до ее отмены). Формального провозглашения прав и свобод оказалось недостаточно для их реализации и защиты. Так, запрет на применение пыток не гарантирует от их применения, а судебный порядок заключения под стражу не является гарантией от незаконного задержания и последующего ареста по уголовным делам.

В-четвертых, много общего имеется в статусе президентов, устройстве парламента, положении правительства, а также в формировании судов, органов государственного контроля и надзора.

В-пятых, обе Конституции предусматривают «окно возможностей» для внесения изменений и дополнений в Конституцию. Как выше отмечалось, этими возможностями несколько раз пользовались руководители государства, продлевая свое нахождение на Олимпе власти.

2. Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов о результатах республиканского референдума 17 октября 2004 года [Электронный ресурс] // URL: <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/archive-referenda-2004-itogi.pdf> (Дата доступа: 16.11.2023).

3. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022.

Отличительные особенности Конституций

Наряду с общими моментами, Конституции России и Беларуси имеют ряд отличительных особенностей.

Во-первых, Конституция Российской Федерации закрепляет сложное (федеративное) устройство России, которое включает в себя республики, края, области, города федерального значения, автономные области и автономные округа (ст.5). Взаимоотношения между федеральными органами и субъектами Российской Федерации регулируются путем определения предметов ведения (ст.ст. 71,72 Конституции).

Республика Беларусь признается унитарным государством. Ее территория делится на области, районы, города и иные административно-территориальные единицы в соответствии с Законом «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь» от 5 мая 1998 г. (в редакции Закона от 31 декабря 2014 г.).

Во-вторых, несмотря на сходство в статусе президентов, имеются особенности в требованиях, предъявляемых к кандидатам в президенты, в порядке выдвижения. Регистрации и избрании, полномочиях, издаваемых правовых актах, основаниях и порядке отрешения от должности. По мнению отдельных российских правоведов, в Российской Федерации сложилась нетипичная форма правления в виде суперпрезидентской республики⁴.

Белорусские юристы также сходятся во мнении, что в стране реально утвердилась президентская ветвь власти в качестве первой, главной и высшей ветви власти. Ее доминирующее положение предлагается официально закрепить в Конституции⁵.

В Конституции Российской Федерации многочисленные полномочия Президента распределены в 10

статьях (ст.ст. 80 – 90), а в Конституции Республики Беларусь они сосредоточены в статье 84. Эта статья является самой объемной в Конституции и включает в себя 30 пунктов. Последний из пунктов предусматривает, что Президент может осуществлять «иные полномочия, необходимые для реализации возложенных на него конституционных функций».

Следует согласиться с мнением, что глава государства – это не должность, а функция Президента, как и функция гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина⁶.

В-третьих, особенностью последних поправок в Конституции России и Беларуси стало учреждение новых органов власти. Речь идет о Государственном Совете Российской Федерации (п.5 ст. 83) и Всебелорусского народного собрания (глава 3-1).

Несмотря на разные названия и порядок формирования, у этих органов во многом похожее назначение: обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определение основных направлений внутренней и внешней политики и приоритетных направлений социально-экономического развития государства. Они создаются как совещательные органы при Президенте, состоят из облеченных властью должностных лиц, имеют управленческую структуру в виде президиума.

Статус указанных органов закрепляется в специальных законах: «О Государственном Совете Российской Федерации» от 8 декабря 2020 г. №394-ФЗ⁷ и «О Всебелорусском народном собрании» от 7 февраля 2023 г. №248-З⁸.

Очевидно, что вышеназванные органы созданы как запасные площадки для действующих руководителей государства в случае «транзита» власти.

4. Кондрашов, А.А. Суперпрезидентская республика в Российской Федерации: мифы или реальность // Вестник Уральского университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 6. С. 34-42.

5. Демичев, Д.М. Разделение властей: теория и практика // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2007. № 1. С. 18.

6. Скороход, И.Г. Глава государства – функция Президента // Сравнительно-правовые исследования. 2021. Том 74. № 7. С. 148-156.

7. О Государственном Совете Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 08.12.2020 № 394-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105 (Дата доступа: 16.11.2023).

8. О Всебелорусском народном собрании: Закон Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

В-четвертых, ряд отличий имеется в статусе, порядке формирования и деятельности парламентов двух стран. Если в России двухпалатный парламент является необходимым следствием федеративного устройства государства, то в Беларуси — это во многом искусственное образование, которое появилось после ноябрьского референдума 1996 года. Нижняя палата нового парламента — Национального собрания Республики Беларусь — была создана путем «кооптации» из состава распущенного накануне Верховного Совета Республики Беларусь, а верхняя — Совет Республики — была сформирована на основании президентского декрета №3 от 11 декабря 1996 г. «Об утверждении Положения о выборах членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь».

На практике белорусский парламент превратился в орган, призванный утверждать законопроекты, подготовленные органами исполнительной власти (Президентом, Правительством, министерствами и ведомствами). Роль верхней палаты сводится к двум незначительным полномочиям: одобрить/отклонить принятые нижней палаты законы и при необходимости дать «предварительное согласие Президенту» на назначение важных должностных лиц (Генерального прокурора, Председателя Комитета государственного контроля, Председателя и членов Правления Национального банка). Тем самым, существование этой палаты парламента утратило всякий смысл.

В-пятых, Правительство в Российской Федерации и в Республике Беларусь создается, по сути, единолично Президентом и всецело от него зависит. Такая зависимость получила детальную регламентацию в последних поправках в Конституцию РФ. Так, Президент Российской Федерации назначает Председателя Правительства, кандидатура которого утверждена Государственной Думой по представлению Президента Российской Федерации, а также может освободить от должности Председателя Правительства Российской Федерации; осуществляет общее руководство Правительством, принимает решение об отставке Правительства; назначает на должность заместителей Председателя Правительства и федеральных министров (новая ред. ст. 83).

В Республике Беларусь такого рода полномочия Президента были закреплены еще в редак-

ции Конституции 1996 г. В последней редакции Конституции появилась уточненная формулировка президентских полномочий: «...с согласия Палаты представителей назначает на должность Премьер-министра» (п.6 ст. 84 Конституции).

Тем самым, несмотря на некоторые различия в правовом статусе Правительства в двух странах, можно говорить о его зависимом положении от Президента. Между тем, Правительство должно быть самостоятельным органом государственного управления, которое вырабатывает свою программу деятельности и отвечает за ее реализацию перед Парламентом. Практика государственного строительства европейских стран подтверждает необходимость формирования Правительства именно Парламентом. Кандидатура главы Правительства может определяться совместно Президентом и Парламентом.

В-шестых, в сфере судебной организации России и Беларуси имеется много общего. Главное состоит в том, что суды, по сути, формируются исполнительной властью и от нее зависят. Это касается как высших судов, так и нижестоящих. Ключевую роль в формировании руководящего звена судов играют Президент и его администрация.

Следует отметить, что Республика Беларусь во многом копирует нововведения, принимаемые в российском законодательстве. Так, после объединения высших судебных органов России (Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда) в Беларуси также объединили Верховный Суд и Высший Хозяйственный Суд, а хозяйственные суды областей (хозяйственный суд г.Минска) преобразовали в экономические суды и включили в организационное подчинение соответствующих судов общей юрисдикции. Однако такое объединение было проведено на основании президентских актов: Декрета от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь»; Указа от 29 января 2013 г. № 529 «О некоторых вопросах деятельности судов Республики Беларусь» и Указа от 29 ноября 2013 г. № 530 «О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов».

В новой редакции Конституции Республики Беларусь (2022 г.) появилась статья 112-1, в кото-

рой был закреплен статус Верховного Суда как высшего судебного органа в системе судов общей юрисдикции. Путем внесения поправок в Уголовно-процессуальный кодекс была создана апелляционная инстанция Верховного Суда для проверки законности и обоснованности приговоров, вынесенных этим судом по первой инстанции, в составе трех профессиональных судей и двух народных заседателей.

В-седьмых, что касается Конституционного Суда Республики Беларусь, то в новой редакции Конституции была предложена иная формулировка его полномочий. Теперь полномочия этого суда закрепляются в пяти частях новой статьи (ст.116-1) Конституции, а именно:

1) по предложениям Президента, Президиума Всебелорусского народного собрания, Палаты представителей, Совета Республики, Совета Министров, Верховного Суда – давать заключения о толковании Конституции, о соответствии Конституции законов, указов Президента, постановлений Совета Министров, нормативных актов других государственных органов;

2) по предложениям Президента – давать заключения о конституционности проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию; о соответствии Конституции законов, принятых Парламентом, до их подписания Президентом; о конституционности вопросов, выносимых на республиканский референдум; о соответствии Конституции не вступивших в силу международных договоров Республики Беларусь;

3) по предложению Президиума Всебелорусского народного собрания – давать заключения о наличии фактов систематического или грубого нарушения Президентом Конституции, а по предложению Президента – о наличии фактов систематического или грубого нарушения Парламентом Конституции;

4) по предложению Президиума Всебелорусского народного собрания – давать заключение о конституционности проведения выборов Президента, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики;

5) по жалобам граждан – выносить решения на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие сред-

ства судебной защиты; а по запросам судов – проверять конституционность нормативных правовых актов, подлежащих применению при рассмотрении судами конкретных дел.

Обращает на себя внимание тот факт, что полномочия Конституционного Суда «привязываются» к субъектам, которые могут инициировать судопроизводство. На практике это может привести к тому, что уполномоченные субъекты снова будут проявлять пассивность в отношениях с Конституционным Судом. Кроме того, это может негативно повлиять на результаты деятельности Суда и его объективность при вынесении решений.

Граждане Республики Беларусь наконец-то получили право обращаться в Конституционный Суд. Однако реализация этого права обставлена рядом условий. Во-первых, обжаловать можно не все нормативные акты, а лишь законы. Во-вторых, если эти законы применяются в конкретном деле, по которому проходит гражданин как участник судебного процесса. В-третьих, жалоба может быть принята Конституционным Судом к рассмотрению, если гражданин исчерпал все средства судебной защиты, то есть «дошел» до Верховного Суда как последней инстанции.

Как видим, модель конституционной жалобы в Конституции Республики Беларусь заимствована из российского опыта. На практике использовать такое право будет весьма проблематично. По мнению автора, лучшим вариантом было бы разрешить гражданам напрямую обращаться в Конституционный Суд, если у них имеются сомнения в конституционности применяемых в отношении их законов или иных нормативных актов.

Следует также обратить внимание на то, что поправки в Конституцию Российской Федерации 2020 г. внесли уточнения в состав и порядок назначения судей Конституционного Суда, а также расширили его полномочия. Теперь численность Конституционного Суда России составляет 11 судей, включая Председателя и его заместителя. Кандидатуры Председателя, заместителя и судей Конституционного Суда представляются Совету Федерации лично Президентом Российской Федерации. В новых условиях Конституционный Суд может проверять конституционность проек-

тов законов Российской Федерации о поправке к Конституции, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов (...) до их подписания Президентом Российской Федерации, а также разрешать вопрос о возможности исполнения решений международных органов, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию «...в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации». Кроме того, Конституционный Суд по запросу Совета Федерации вправе давать заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации либо Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления (ст. 125 Конституции Российской Федерации).

В-восьмых, ряд отличий можно усмотреть в организации местного самоуправления в России и Беларуси. При этом очевидно, что российская модель является более приближенной к стандартам Европейской хартии местного самоуправления 1985 г. Во всяком случае, на конституционном уровне провозглашается право органов местного самоуправления самостоятельно решать вопросы местного значения, владеть, пользоваться и распоряжаться муниципальной собственностью (ст. 130).

Конституционные положения получили развитие в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 3 февраля 2015 г.).

Что касается Республики Беларусь, то здесь местное самоуправление путем законодательных поправок

трансформировалось в местное управление во главе с руководителями исполнительных комитетов (районных администраций), назначаемых на должность Президентом Республики Беларусь. Представительная власть на местах стала декоративной.

По мнению белорусских правоведов, местное самоуправление в Беларуси «встроено» в систему государственной власти⁹.

Понятное дело, что в Республике Беларусь необходимо провести реформу системы местного управления и самоуправления в привязке с реформой административно-территориального устройства.

В-девятых, значительным своеобразием характеризуются избирательные системы России и Беларуси. Их правовой основой являются нормы Конституции (ст.32 Конституции РФ, ст.ст.64 – 72 Конституции РБ), а также соответствующие законы¹⁰.

Представляется, что подход к регулированию выборов в Российской Федерации более оправданный, чем в Республике Беларусь, поскольку, наряду с общими принципами избирательной системы, закрепляется специфика отдельных видов выборов. В Беларуси в одном кодифицированном акте регулируются общие и частные вопросы выборов, что делает процедуру выборов малопонятной и, по сути, закрытой от избирателей.

Прогрессивным шагом следует признать введение в России смешанной избирательной системы применительно к выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации¹¹.

Очевидно, что в Республике Беларусь необходимо решиться на преобразование мажоритарной (одно-мандатной) избирательной системы.

В-десятых, в Конституциях обеих стран широко и детально регламентируются основные права, свободы и обязанности человека и гражданина (глава

⁹ Князев, С.Н., Ключков, В.Г. Местное управление и самоуправление: учеб. пособие. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2022. С. 8.

¹⁰ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119 (Дата доступа: 16.11.2023).
Избирательный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 11 февр. 2000 г., № 370-З, с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

¹¹ О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ (в ред. ФЗ от 5 декабря 2022 г. № 498-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/dcce1b62774258f4f3ecb54a7d62760db8268621/ (Дата доступа: 16.11.2023).

2 Конституции РФ, раздел III Конституции РБ). Однако в действительности граждане зачастую остаются бесправными в отношениях с представителями власти.

Одной из причин такого положения следует признать недостаточную эффективность механизма защиты прав и свобод граждан. В частности, это касается судебной защиты, которая может быть использована лишь после прохождения досудебного порядка обжалования. Помощь адвокатов из-за дороговизны услуг является недоступной для многих граждан. При расследовании уголовных дел, по сути, игнорируются презумпция невиновности и другие процессуальные гарантии.

На наш взгляд, более высокий уровень защитных возможностей имеется у граждан Российской Федерации. Это проявляется в установлении судебного порядка принятия решения о заключения под стражу лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений (в Беларуси граждане лишь вправе обжаловать в суд решения о задержании и (или) заключении под стражу). Кроме того, в России получил широкое применение институт уполномоченных по правам человека как дополнительное средство защиты прав и свобод граждан (в Беларуси власти отказываются учреждать такой институт). К тому же в Беларуси сохраняется такой вид уголовного наказания, как смертная казнь.

Некоторые выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в Конституциях России и Беларуси по прошествии многолетней интеграции стало много общего. Прежде всего, это касается формирования однотипной системы государственной власти с доминирующим статусом Президента.

Сохраняющиеся отличия в Конституциях предопределяются особыми формами государственного устройства, своеобразным опытом государственного и правового развития, различными подходами в регулировании сходных общественных отношений.

Следует признать, что референдумы, проведенные в Беларуси по инициативе А.Г.Лукашенко, в

определенной степени сблизили конституционное законодательство двух стран и создали предпосылки для объединения двух государств.

В то же время негативным результатом трансформации Конституций России и Беларуси стали такие явления, как: чрезмерное усиление президентской власти, ослабление роли парламента и правительства, утрата независимости судов и неэффективность средств защиты прав граждан.

По всей видимости, в новых условиях придется заниматься восстановлением принципов демократического правового социального государства и утверждать высокий статус человека и гражданина.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Демичев Д.М. Разделение властей: теория и практика // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2007. №1. С. 16-20.
2. Князев С.Н., Клочков В.Г. Местное управление и самоуправление: учеб. пособие. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь. 2022. 344 с.
3. Кондрашов А.А. Суперпрезидентская республика в Российской Федерации: мифы или реальность // Вестник Уральского университета имени О.Е.Кутафина. 2018. №6. С. 34-42.
4. Скороход И.Г. Глава государства – функция Президента // Сравнительно-правовые исследования. 2021. Том 74. №7. С. 148-156.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

5. Demichev, D.M. Razdelenie vlastej: teorija i praktika // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. 2007. №1. S. 16-20.
6. Knjazev, S.N., Klochkov, V.G. Mestnoe upravlenie i samoupravlenie: ucheb. posobie. Minsk: Akademija upravlenija pri Prezidente Respubliki Belarus'. 2022. 344 s.
7. Kondrashov, A.A. Superprezidentskaja respublika v Rossijskoj Federacii: mify ili real'nost' // Vestnik Ural'skogo universiteta imeni O.E.Kutafina. 2018. №6. S. 34-42.
8. Skorohod, I.G. Glava gosudarstva – funkcija Prezidenta // Sravnitel'no-pravovye issledovanija. 2021. Tom 74. №7. S. 148-156.
1. Demichev, D.M. Razdelenie vlastej: teorija i praktika // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. 2007. №1. S. 16-20.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

**Мирошниченко Д.В. «Критика уголовно-правовой онтологии»
(М.: Юрлитинформ, 2023. 400 с.)**

ПУДОВОЧКИН ЮРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина.

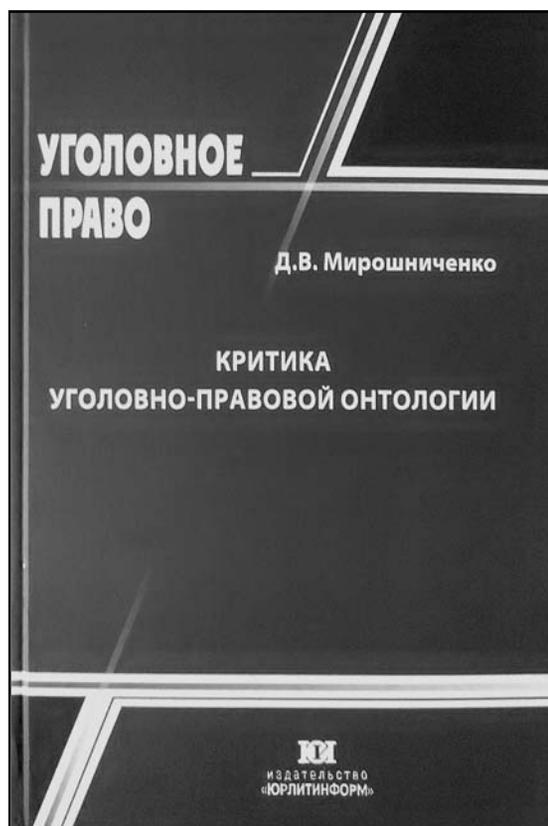
В современной российской библиографии крайне немного научных работ, посвященных философско-правовому осмыслению отраслевых проблем уголовного права. В силу разных причин фокус исследовательских интересов специалистов в области уголовного права смещен в сторону анализа прикладных и во многом частных аспектов применения уголовного закона, в то время как крайне сложные по своей природе подчеркнута (или – «высоко») теоретические изыскания остаются на периферии отраслевой науки. Возможно, здесь сказывается, неявная попытка предметного разделения труда между отраслевыми специалистами, с одной стороны, и исследователями теории и философии права, с другой. Однако и в ряду собственно философско-правовых сочинений нам едва ли удастся найти работы, освещающие фундаментальные, парадигмальные основания уголовного права.

На этом фоне монография Д.В. Мирошниченко, опубликованная в 2023 году издательством «Юрлитинформ», одно из немногих научных сочинений, представляющих собой заметное исключение, и вместе с этим заметное событие в российской правовой науке. Автор, давно зарекомендовавший себя в качестве специалиста в области анализа собственно отраслевых уголовно-правовых проблем, во многом благодаря именно прочной отраслевой подготовке, уверенно «поднимается» над «эмпирическим бытием» уголовного закона в область глубоких философских рассуждений, с одной стороны, не отрываясь от «уголовно-правовой почвы», а с другой стороны, «возделывая» и обогащая ее тонким философским анализом.

Как следует из названия рецензируемой работы, речь в ней идет об онтологии уголовного права, которая, как известно, составляет один из разделов философии, изучающей сущее (бытие). В книге, таким образом, проблематизируется сущность уголовного права, основания суждений о его действительности.

Эта проблема далеко не сегодняшнего дня. Она является традиционной для философии права и

юриспруденции. Ей уделяли внимание многие поколения ученых, творивших в разные эпохи и находившихся под влиянием разных научных и философских школ. Давно известно традиционное противостояние позитивно-правовой и естественно-правовой доктрин, соревнующихся в обосновании права как должного или сущего, имеющего только текстуальное (законодательное) или метафизическое основание. Известен вклад представителей социологии права и правового реализма, которые искали основу права не в сфере умозрительных конструкций, а в общественных отношениях, исторически изменяющихся под влиянием развития мировоззрения, из-



менения ценностей, социальных и государственных ориентиров.

Вместе с тем, наполнение известных теоретических дискуссий отраслевым уголовно-правовым содержанием или иначе, осмысление отраслевых проблем в контексте различных философско-правовых традиций, едва ли составляет устойчивый дискурс в нашей науке. Это обстоятельство одновременно и дополнительно актуализирует работу Д.В. Мирошниченко, и придает ей важное качество научной новизны.

Следует также отметить, что с исторической точки зрения, наиболее интенсивно онтология права всегда разрабатывалась в кризисных социально-политических ситуациях, когда обострялись общественные противоречия и возникала потребность изменения или, напротив, сохранения традиций правопорядка и правовой реальности. Период острых социально-экономических и политико-правовых трансформаций, который сегодня переживает Россия, также взывает к осмыслению и переосмыслению онтологии уголовного права.

Прокладывая собственный путь к раскрытию сущности уголовного права, Д.В. Мирошниченко избирает в качестве базовой единицы анализа социологическую категорию общественной опасности, что представляется оправданным по меньшей мере двумя обстоятельствами. Во-первых, доминирующей научной установкой, согласно которой общественная опасность не только составляет сущностный признак преступления как ключевого отраслевого понятия, но и находит отражение практически в каждом уголовно-правовом институте. Как верно писал по этому поводу Ю.И. Ляпунов, «общественная опасность деяния фокусирует в себе сущностные характеристики всех основных институтов ... уголовного права»¹. Во-вторых, пониманием того, что будучи, несомненно, социологической категорией, общественная опасность проявляет себя вместе с тем и как категория уголовно-правовая (догматическая), обозначающая особую природу преступлений, отличную их от природы иных проступков. Подстраиваясь под цели догматического изучения понятия преступления, общественная опасность со временем начала терять свое исходное реалистическое содержание, что не могло не оказать влияние на науку и правоприменение. Общественная опасность, как это ни странно звучит, во многом стала сегодня формальной категорией, попадающей в зависимость от признаков состава преступления.

На освобождение категории «общественная опасность» из узких рамок догматизма, как пред-

ставляется, в основном и направлено исследование Д.В. Мирошниченко. Поэтому проект исследования определен самим автором как критический. Он направлен на редукцию, освобождение сознания исследователя от идеологических установок современного объективистского представления об общественной опасности, стремится обосновать взаимосвязь идеологических и мировоззренческих установок общества с представлением об опасности преступления и основаниях уголовно-правовой ответственности. При этом подходе объективизм как гносеологическая установка становится неустойчивым, поскольку категория общественной опасности наполняется исторически меняющимся социокультурным содержанием, из статической единицы она превращается в единицу динамическую. Отсюда следует закономерный авторский вывод о том, что общественная опасность не есть нечто неизбывное и не зависимое от сознания, тогда как противоположные утверждения образуют, по его мнению, фикцию.

Таким образом, в исследовании Д.В. Мирошниченко анализируется не история категории общественной опасности в ее терминологическом статусе, а история социального мышления об общественной опасности как основании представления об уголовной ответственности. Онтология, выстраиваемая автором, находит точку опоры в индивидуальном сознании, а не в эмпирике, окружающей и формирующей это сознание реальности. Такой метод восходит к трудам представителей психологической школы права и правового реализма (Л.И. Петражицкого, П.А. Сорокина), для которых индивидуальное сознание и переживание являются первичным источником суждения о преступлении, а, значит, именно в нем и необходимо искать основания его (преступления) действительности.

Воспринимая это положение в качестве исходной позиции, Д.В. Мирошниченко углубляется в историю взаимоотношений человека и общества, эту – как он справедливо указал – краеугольную проблему социальной науки, в пределах которой он изучает сложные процессы формирования социальных представлений о вреде. Вред произведен из индивидуального переживания – страдания, которое может являться единственной аподиктической категорией, не подвергающейся сомнению, когда речь идет о преступлении. Но все, что вызывает вред, имеет социокультурную основу. Поэтому вред приобретает качество оттенков внешнего эмпирического содержания, на основе которых субъект реализует свои интересы в рамках соци-

1. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. С. 20.

ального общения. При этом социокультурные ценности оказываются основой для того, чтобы вред индивидуальный начал восприниматься как вред общественно значимый.

Д.В. Мирошниченко исследует эти социальные оттенки (ракурсы) вреда, которые, если следовать идеям феноменологов, на которых автор ссылается, не могут охватить предмет целиком, чтобы ответить на вопрос о том, что же представляет сам по себе вред. Он может быть адекватно познан только в процессе его социального восприятия и оценки в условиях конкретного исторического места и времени. Следовательно, процесс познания общественной опасности становится процессом познания социальных оттенков понятия вреда, который обладает онтологическим содержанием.

Автор методологически верно берет за основу их изучения типы правопонимания, которые можно определить как мировоззренческие контексты восприятия права и оснований его нарушения. Эти типы указаны в наименованиях разделов, которых в книге три: юспозитивизм, юснатурализм, правовой реализм, материализм и постмодернизм. Таким образом, история общественной опасности в рамках анализа типов понимания права наполняется мировоззренческим содержанием, что позволяет автору исследовать общественную опасность как социально формируемое понятие, основой которой служит способность человека осмысливать окружающую действительность.

В рамках рецензируемого исследования одним из стержневых методологических элементов выступает известное, благодаря трудам академика В.С. Степина, деление типов научной рациональности на классический и неклассический. В трудах теоретиков права, в частности, петербургских авторов (И.Л. Честнов, А.В. Поляков и др.) оно приобретает эпистемологическую ценность для познания правовой сущности. Условно говоря, для классического типа свойственно единообразие познания (определенность), для неклассического – множественность (неопределенность). Д.В. Мирошниченко эти типы рациональности применяет к уголовно-правовому знанию и определяет как классический тип – парадигму ответственности, как неклассический тип – парадигму безопасности. Типы правопонимания, которые характерны для парадигмы ответственности, в основном сводятся к юспозитивизму, юснатурализму, правовому реализму; парадигма безопасности коррелирует материализму и постмодернизму. Отсюда выстраивается и структура монографии: сначала автор анализирует общественную опасность в современном позитивизме, погружаясь внутрь современного правового дискурса, далее переходит к юснатурализму – наи-

более традиционному типу правопонимания, затем к реализму и материализму и заканчивает постмодернизмом в уголовном праве.

В книге убедительно показано изменение (трансформация) мировоззренческой уголовно-правовой парадигмы – с ответственности на парадигму безопасности, которое автор связал с постепенным (начиная с Нового времени) разрушением традиционных метафизических оснований правопорядка и его переходом в сферу защиты от угроз. Обоснование концепта «общественная опасность» явилось закономерным результатом утраты традиционной картины мира, которая покоилась на таких внеэмпирических основаниях как Бог, природа, разум. Если нет этих оснований для вывода о вреде, в связи с которыми возможно точно указать, что это деяние суть преступление, значит, основание уголовной ответственности смещается от деяния к деятелю – лицу, представляющего угрозу для общества. Этот процесс развивался параллельно со становлением дисциплинарного общества (М. Фуко) и организацией социального контроля. Поэтому, как следует из монографии, становление парадигмы безопасности сопровождается концептуальными изменениями: место личности преступника занимает лицо, представляющее угрозу, место деяния – поведение, место ответственности – меры, обеспечивающие безопасность.

Такая трансформация, по существу, приводит к игнорированию деяния как единственного основания уголовной ответственности. Общественная опасность не может быть «извлечена» из деяния, а становится познаваемой в контексте обстоятельств совершенного деяния, поведения лица до, во время и после его совершения. На этом основании, в частности, Д.В. Мирошниченко проводит разграничение преступления и малозначительного деяния, говоря о том, что общественная опасность преступления констатируется только в суждении судьи по поводу той или иной конкретной ситуации. Вывод о преступлении в данном случае является этическим выводом (моральным упреком), когда по обстоятельствам дела известно, что представляет собой личность и насколько она опасна. Суждения об опасности личности в данном случае оказывают влияние на вывод о наличии в содеянном преступлении. В данном случае Д.В. Мирошниченко пишет о соединении аналитического и синтетического видов суждений, что иначе можно определить как объединение вывода о наличии в действиях состава преступления с морально-этическим выводом о наличии в этом деянии преступления. При этом синтетическое суждение возможно только в том случае, если в обществе данное конкретное деяние, установленное в Особенной части УК РФ, легитимировано как преступле-

ние. Подтверждение своих выводов автор находит у англоязычных авторов – представителей неопозитивизма (Г. Харта, Р. Алекси и др.).

Интересны выводы Д.В. Мирошниченко, касающиеся проблем уголовной политики, связанных с переизбытком превентивных составов преступлений, предпосылками появления которых служат социальные угрозы. Деяния, лишённые опоры в легитимирующих началах, находят опору в легитимированных мерах государства по социальной защите. От этого характеристика общественной опасности как материального признака преступления изменяется (инверсируется), а вслед за ней принципиально меняется и содержание ответственности: меры государственной реакции становятся не направленными в прошлое, на восстановление справедливости или гегелевское возмездие, а ориентированными в будущее, как инвестиция в безопасность. При этом совершенно определён возникает сложная проблема соотношения современной свободы и безопасности, которую автор также не обходит стороной.

Можно, пожалуй, и далее перечислять содержательные достоинства рецензируемого произведения. Но и изложенного, как представляется, достаточно для того, чтобы констатировать его высокое качество и безусловный потенциал. Онтология уголовного права, его действительность и ответственность глубоко увязана Д.В. Мирошниченко с общественной опасностью как фундаментальной категорией уголовного права. При этом главной задачей для него было не формулирование очередного определения общественной опасности или уголовного права, а раскрытие онтологии мышления о преступлении, которая связана с эволюцией социального мировоззрения, восприятия права и

оснований правовой ответственности. Повторим, исследование Д.В. Мирошниченко является в этом смысле безусловно актуальным и востребованным. Исследование характеризуется глубокой проработкой многочисленных источников, что не оставляет сомнений в его научной обоснованности и теоретической ценности. Это одно из первых научных сочинений, в котором предложен метод познания общественной опасности в историческом и социокультурном аспектах, объединяющий проблемы уголовно-правовой догматики, теории и философии права, социологии и криминологии. Можно назвать это исследование междисциплинарным с чётко представленной стержневой основой, что делает его единым и концептуальным, раскрывающим движение (динамизм) протекания социальных представлений о сущности уголовного права. Именно в контексте этого процесса на страницах монографии соединяются классическое и неклассическое правопонимания, модерн и постмодерн, индивидуальное и общественное сознание.

Книга, вне сомнений, оставляет положительное впечатление и вместе с тем порождает ряд вопросов, обсуждение которых может (и, по-хорошему, – должно) составить вполне самостоятельный и перманентный научный дискурс по существу обсуждаемых в ней и многих иных проблем философии уголовного права. Убежден, что работа будет полезна не только философствующим юристам, но и вдумчивым практикам, заставляя переосмыслить ряд концептуальных положений уголовного права, тем самым стимулируя развитие уголовно-правовой науки и способствуя эффективной адаптации системы уголовно-правового регулирования к динамично трансформирующимся условиям социальной реальности.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

Мирошниченко Д.В. «Критика уголовно-правовой онтологии» (М.: Юрлитинформ, 2023. 400 с.).

ХИЛЮТА ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета им. Я. Купалы.

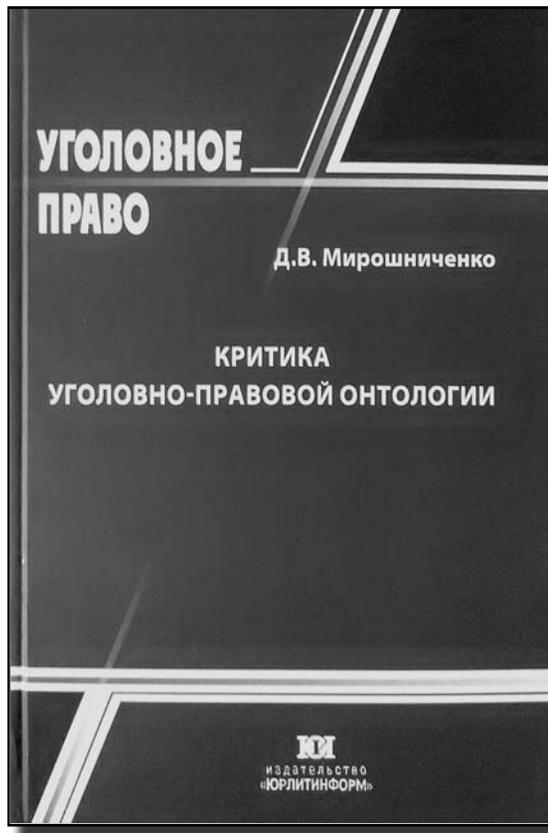
В 2023 году в издательстве «Юрлитинформ» вышла весьма интересная и актуальная научная работа Д.В. Мирошниченко под названием «Критика уголовно-правовой онтологии».¹

Даниил Викторович Мирошниченко широко известен научной общественности, он давно и основательно занимается философскими проблемами уголовного права, ниспровергает догматы и не преклоняется перед авторитетами, ибо его цель – это научный поиск и верификация тех знаний, которые были получены задолго до нас. Поэтому читать его работы весьма интересно, они насыщены богатой палитрой философской и уголовно-правовой мысли разных эпох, в них содержится немало полезной информации, рассуждений об онтологических основах уголовного права и той реальности, в которой мы оказались в настоящее время. Все это заставляет глубокого читателя осмысливать сегодняшние постулаты науки, которые не всегда безупречны, сравнивать парадигмы уголовно-правовых систем и, что самое главное, продолжать самостоятельный научный поиск, пытаться разрешить те вопросы (или приблизиться к их разгадке), которые были поставлены Д.В. Мирошниченко.

Это только развивает науку, способствует получению новых знаний, которые призваны будут обогатить правовую теорию и заложить фундамент для новых научных исследований. По этой причине, попытаемся и мы порассуждать о проблеме, которую рассматривает Д.В. Мирошниченко, но в полемическом аспекте.

Однако прежде, сразу же отметим, что работа Д.В. Мирошниченко носит новаторский характер, в ней содержится немало интересных вещей и положений, которые по-новому заставляют нас говорить о проблеме общественной опасности в уголовном праве, познавать ее сущность и соотносить с другими явлениями. Отметим также, что в монографии Д.В. Мирошниченко общественная опасность рассматривает-

ся с позиции классического и неклассического типов рациональности и автором проводится критический анализ уголовно-правовой онтологии. Примечательно в этом аспекте, что Д.В. Мирошниченко не дает нам готовых рецептов, монография не содержит классических формул, направленных на совершенствование уголовного закона или правоприменительной практики. Цель исследования состояла в том, что-



1. См.: Мирошниченко Д.В. Критика уголовно-правовой онтологии. М., 2023. 400 с. Помимо данной работы, мы также будем ссылаться на иные публикации автора, в которых названный ученый развивает свои идеи и иногда более детально формулирует основы выдвигаемой им концепции.

бы определить сущность общественной опасности и показать ее роль в уголовном праве. В этой связи мы постараемся в рамках журнальной статьи-рецензии порассуждать о тех проблемах, которые были поставлены Д.В. Мирошниченко, и обозначить дискуссионные аспекты фундаментальной работы Даниила Викторовича. Однако ввиду того, что таких проблем в монографии высказывается немало, сосредоточим свой взгляд только на некоторых, показавшихся нам наиболее значимыми.

1. Итак, преступление имеет социальную (материальную) и правовую (формальную) природу. В этом ключе преступление традиционно рассматривается в рамках классического (формального) и социолого-антропологического (материального) направлений в праве. Формальный подход к понятию преступления базируется на его определении через нарушение норм уголовного закона. Социолого-антропологическое направление основывается на «теории опасного состояния личности» или же на базе определения преступления исключительно с позиций его социального содержания (общественной опасности).

Однако Д.В. Мирошниченко полагает, что преступление имеет естественную природу и не является социальным конструктом. На его взгляд, «преступление естественно, поскольку как таковое определено в законе, поскольку целью уголовного закона является охрана социальных ценностей и поскольку преступление имеет естественно-природный характер – поведение человека, подчиняющееся социальным и природным законам»². Вместе с тем, с этой позицией вряд ли можно в полной мере согласиться. Скорее, если мы говорим о преступлении как о естественном явлении, то это в большей мере характерно для *malum in se*, но никак не для *malum prohibitum*, поскольку в последнем случае речь идет как раз-таки о социальном конструкте. Здесь всегда криминализация условна и преступление имеет подвижные границы, потому что объективные ценности, подлежащие охране, не являются статичными, они всегда меняются в зависимости от конъюнктурной среды и социально-политической ситуации.

Социальная природа преступления проявляется в

возможности воздействия его на окружающую действительность, способности причинять существенный вред различным общественным отношениям, благам, ценностям. В этом отношении преступление является актом человеческого поведения, его продуктом, порождаемого общественными связями и отношениями, противоречиями внутреннего и внешнего свойства конкретного индивида. В основе преступления лежит конфликт между личностью и обществом, личностью и государством и т.д. Глубина данного конфликта представляет серьезную общественную опасность и потому требует необходимых мер уголовно-правового реагирования.³

С другой стороны, преступное поведение всегда связано с социальной (общественной) оценкой человеческой деятельности, его направленностью.⁴ И здесь опасность поведения состоит в характере причиняемого вреда (преступление просто немыслимо без причинения вреда), что находит свое первичное отражение в содержательной составляющей психических и физиологических механизмов личности. Как писал по этому поводу В.С. Прохоров, «преступление раскрывает свою действительную сущность только через нарушаемые им общественные отношения, потому что как социальное явление принадлежит именно ему, заменив собой “нормальное” звено в системе общественного отношения».⁵ Отсюда и выводится положение о том, что социальная сущность преступления состоит во вредоносном для общества поведении конкретного лица.⁶

Однако главная проблема здесь состоит в том, что преступления как социальное явление не может быть четко измерено и определено в общепринятых величинах. Его свойства практически «не позволяют непосредственно применить физические приемы и методы измерения и получить результат в точных цифрах». Поэтому признаки преступления всегда будут иметь условный и неопределенный характер, поддаваться различной интерпретации как на теоретическом, так и практическом уровнях.

В этой связи возникает вопрос: является ли преступление социальным конструктом или же имеет естественную природу происхождения? С одной сторо-

2. См.: Мирошниченко Д.В. Сущность уголовного права: онтологический аспект // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2002. № 4. С. 93.

3. См.: Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. М., 2009. С. 138.

4. Следовательно, можно говорить о том, что преступление нарушает определенную норму поведения, конкретную «заповедь человеческого общежития», а в конечном итоге сфокусированную волю государства.

5. См.: Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 51.

6. См.: Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 166. По этой причине можно сказать, что общественная опасность находит свое выражение как совокупный результат деятельности многих людей, совершающих однотипные поступки. Следовательно, общественная опасность проявляется в опасности индивидов, совершающих определенные деяния. А раз так, то именно таким образом можно обосновать наличие административной преюдиции в уголовном праве.

ны, можно сказать о том, что в природе преступность не существует, она порождена социальным контекстом и отношением человека к тем ценностям, которые являются для него базовыми и фундаментальными. Характер этих ценностей меняется от эпохи к эпохе, вследствие чего меняется и само представление о том, что есть преступление. Иначе говоря, «преступление объявляется социальным конструктом в ряду других социальных образований, носящих переходящий, искусственный характер».⁷ И с этим доводом не согласен Д.В. Мирошниченко, объявляя это формализмом и объективизмом, что не может объяснить природу преступления в принципе. На его взгляд, «идея сущности или естественности преступления под натиском постмодернизма постепенно утратила свое значение вместе с сущностными основаниями мира вообще». В этой связи, «если преступления нет как объективной реальности, значит, законодатель не познает его, поскольку отсутствует предмет такого познания». Следовательно, заключает данный ученый, «... проблема преступления состоит не в его познании, а в прагматизме, целесообразности, законодательной воле к тому, что считать преступлением».⁸

С этим можно было бы согласиться, но лишь отчасти. И дело даже не в том, является ли преступление социальным конструктом или естественным явлением, поскольку это не проясляет свет на сущность рассматриваемой проблемы в контексте реальности бытия. Более того, вопрос даже и не в том, что уголовное право не способно познать сущность преступления, если оно лишено объективной составляющей. Дело совсем в другом. Ведь само уголовное право, как и право вообще, не носит естественно-правовой природы, оно представляет собой искусственное образование. Без человека право не может существовать, в отличие от естественных явлений в природе. Не будет человека, не будет и преступлений, и право также никому не будет нужно.

На наш взгляд, проблема заключается в том, что все попытки определить сущность преступления через понятие общественной опасности ни к чему не приводят, а только запутывают ситуацию. И если преступление онтологически связано с причинением вреда, вопрос лежит в плоскости познания этого вреда, его выявления и измерения. Но ввиду того, что это все является производным от общего социального конструкта – познать смысл и сущность преступления не удастся. Поэтому мы вынуждены констатировать тот факт, что понимание о том, что представляет со-

бой преступление – это удел каждой новой эпохи, которая формирует свои парадигмы и свои ценности, и с помощью уголовного права как радикального инструмента их стремится охранять. Вполне понятно, что какие-то базовые ценности и устои остаются непоколебимыми, но они лишь указывают на то, что есть деяния типа *malum in se*, а вот за деяниями иного типа – *malum prohibitum* всегда кроется элемент целесообразности. Формулирование понятия «преступления» – это реакция государства на те потребности, которые ставятся обществом. В таком случае любая криминализация основана на тех реалиях, которые являются главными и доминантными в конкретно-исторический период времени.

В контексте сказанного возникает еще один закономерный вопрос: на чем же основывается суть преступления? Чему именно противоречит преступное поведение: религиозным представлениям о должном и сущем, моральным или нравственным ценностям, принятым нормам общественного поведения? Очевидно, что здесь мы не можем найти единого знаменателя, т.к. преступное поведение (деяние), которое запрещено нормами уголовного права, может вызывать различную оценку со стороны многих социальных групп и слоев населения, институциональных формирований и других субъектов, т.к. у всех представление о морали, нравственности, религии, должном и сущем разное. Поэтому государство может признавать деяние преступным, руководствуясь только внешним поведением человека, и никогда не сможет этого сделать в отношении его совести. Ведь сегодня преступления не являются большинство безнравственных и аморальных поступков, как и наоборот, некоторые из содержащихся в уголовном законе запретов не имеют ничего общего с моралью и понятием греха. Поэтому немаловажным, а точнее крайне актуальным является вопрос о том, что делает то или иное деяние человека преступлением, каким образом происходит процесс криминализации и что лежит в его основании.

Нам представляется, что главными элементами этого процесса выступают две составляющие: это характер вреда и те ценности, на которые происходит посягательство и которые подвергаются воздействию. Именно эти две составляющие образуют общие контуры преступления, т.к. они непременно связаны с социальной средой и характеризуют суть самого преступного посягательства. Осуществляя преступное посягательство на определенные блага, социальные ценности или общественные отношения,

7. См.: Мирошниченко Д.В. Критика конструктивизма в уголовном праве // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2023. № 2. С. 107.

8. Там же, С. 107.

преступное деяние в конечном итоге направлено на самого человека.

Поэтому каким бы ни было опасным деяние, оно становится преступным лишь тогда, когда причиняется вред. Ведь, например, самоубийство человека – это тоже лишение жизни, и более того, в этом случае можно сказать, что страдают общественные отношения, ценности общества, происходит лишение социального блага и т.д. Однако кому причиняется вред в этой ситуации? И вопрос этот приобретает особое значение, если имела место неудавшаяся попытка самоубийства. Можем ли мы в этом случае наказывать несостоявшееся самоубийство? Безусловно, решение данной проблемы отчасти находится в области морально-нравственных и религиозных представлений общества (причем эти представления не всегда совпадают), но и само государство не всегда однозначно разрешает данную проблему.

Представление о том, что определенный тип поведения опасен и является вредоносным, вытекает из отрицательной оценки такого поступка самим обществом, которое легитимирует право на применение насилия государству. Более того, если такое опасное поведение лица противоречит общепринятым нормам морали и нравственности, то общество через государство вынуждено защищать свои устои. Однако данный вопрос зависит от тех ценностей, которые доминируют в конкретно исторический период времени в самом социуме. Сами ценности и определяют вредоносность конкретного деяния.⁹

Следовательно, если мы ведем речь о том, что преступление причиняет вред, то следующий вопрос находится в плоскости относительно того, кому или чему он причиняется, какие ценности, блага, отношения подвергаются воздействию. В данном случае в качестве объекта вреда могут выступать общественные отношения, социальные ценности, блага, люди в конечном счете и т.д. Проблема здесь состоит только в том, какой критерий мы положим в основание такого подхода. Но очевидно то, что в любом случае преступлением причиняется вред, однако значимость такого вреда не всегда равноценная.

По этой причине мы делаем вывод о том, что не общественная опасность является сущностью преступления, ибо она всегда производна от того вреда, который причиняется в результате совершения

определенного деяния. Именно посягательство на социально значимые ценности и причиняемый вред аккумулирует общее понятие того, что мы называем преступлением, потому что характер поражаемых ценностей предопределяет вредоносность самого деяния. Вред в случае преступления всегда причиняется обществу, государству или конкретной личности, потому как страдают те отношения, которые связаны с умалением социальных благ и ценностей. Критерии оценки этих ценностей всегда подвижны, но потому и вред всегда социален и имеет коммуникативную окраску, поскольку угроза уничтожения личных ценностей (а они всегда индивидуальны) приобретает характер социальной угрозы. Социальные отношения и те ценности (блага), вокруг которых они формируются, определяют контуры уголовно-правовой охраны и общего понятия о том, что является преступлением. Соответственно, лицо подлежит наказанию только тогда, когда причиняет вред другим.

Вред, причиняемый в результате совершения противоправного акта, прямым образом связан с социальными ценностями, которые подвергаются воздействию, поскольку они и предопределяют контуры преступления. Однако этот акт человеческого поведения имеет отрицательную окраску не сам по себе, а потому что такой смысл ему придает общество и государство в ракурсе тех ценностей, которые существуют в конкретный исторический период времени. Причинение социального вреда в результате неодобряемого акта человеческого поведения (деяния) всегда связано с общим благом, которое и подвергается воздействию. Вред прямым образом влияет на упречность человеческого поведения, поскольку характеризует как физические, так и моральные последствия для человека.

В целом же содержание идеи вреда основывается на концепции взаимозависимости человека и общества, поскольку основа преступления зиждется на моральном порицании недозволенных поступков, которые попирают существующие ценности. И поскольку человек есть часть общества, вред не только индивидуален, но и способен порождать общественную реакцию на определенные события.¹⁰ Причиняя вред окружающим, виновный пренебрегает чувством социальной ответственности. Таким образом вред – это единственное мерило преступления, которое

⁹ Вряд ли здесь можно согласиться с мнением Д.В. Мирошниченко о том, что такой вред должен носить «только априорный характер и раскрываться через призму трансцендентных идей» (Мирошниченко Д.В. О моральной природе общественной опасности деяния // Современный ученый. 2023. № 3. С. 332). На наш взгляд, это всегда имеет неопределенный характер и сродни тому, что в других ситуациях мы называем такие вещи иначе, но опять же используя оценочные формулировки, например, такие, как «существенность», «значимость», «опасность» и т.д.

¹⁰ Д.В. Мирошниченко полагает, что если вред настолько оскорбляет чувства, что это становится невыносимым, то, значит, именно здесь проходит граница между терпимостью и нетерпимостью, гражданским деликтом или уголовным преступлением. См.: Мирошниченко Д.В. Критика уголовно-правовой онтологии. М., 2023. С. 171).

хотя и не имеет константной величины, но позволяет установить границы уголовно-правового воздействия.

2. Второй аспект проблемы, который нам хотелось бы осветить, касается общественной опасности преступления и новых границ уголовного права.

Согласимся с Д.В. Мирошниченко в том, что общественная опасность имеет неопределенный характер, она не может быть величиной постоянной и никогда не сможет быть измерена формальными критериями. Сказанное свидетельствует о том, что в настоящее время криминализация не может основываться на старых догматах (в основном разработанных в советское время во второй половине XX века), поскольку новая реальность создает новые процессы криминализации, где «золотых правил» и типичных стандартов – нет.

Тем не менее, в контексте обсуждаемой проблемы возникает вопрос, а именно о стандартах и критериях криминализации, т.к. всегда этот процесс условен и связан с поиском оптимальных критериев (рациональных оснований) между свободой личности и безопасностью государства. Поэтому всегда важно соблюдать баланс и не переступать черту избыточного ограничения прав и свобод граждан. В этом контексте идея безопасности, которая фактически в настоящее время лежит в основании развития уголовного права утилитарного типа (характера), вбирает в себя не столько уголовное право «наказательного» типа, сколько уголовное право «превентивного» типа, где место общественной опасности сведено к минимуму, ибо в такой парадигме общественная опасность заменяется целесообразностью.

Сегодня же, как обоснованно отмечает Д.В. Мирошниченко, можно наблюдать тенденцию постепенного смещения контуров преступления с общественной опасности самого деяния в сторону безопасности, т.е. установления превентивных мер защиты. Государство стремится решить проблемы безопасности, в том числе и уголовно-правовыми средствами, посредством установления механизма социального управления обществом и криминализации любых отклонений от заданных стандартов и нормативных предписаний. В данном случае уголовный закон используется в качестве средства минимизации возможных рисков на более ранней стадии, что свидетельствует о том, что уголовное право в большей степени нацелено не на охрану существующих

общественных отношений, а на утверждение требуемого общественного правопорядка. Поэтому можно сказать, что современная доктрина криминализации «оправдывает свободное, неограниченное конструирование уголовно-правовых запретов в целях обеспечения безопасности процесса социальной трансформации от любых минимально возможных и потенциальных угроз за счет формирования и поддержания посредством угрозы уголовного наказания необходимого морального статуса отдельных лиц и морального единства общества на основе тех ценностей, которые представляются смыслообразующими акторам социальной трансформации».¹¹

В парадигме безопасности акцент с деяния смещается в сторону субъекта – виновного и ответственного за поступки деятеля. Его ответственность формируется не в качестве индивидуальной модели преступление-ответственность, а в качестве социальной модели контроль-безопасность. Таким образом, если в пределах классической модели человек становится преступником только в момент совершения преступления, то в рамках парадигмы безопасности он становится общественно опасным, когда не подчиняется нормирующим его поведению институтам.¹² Безопасность смещает акценты в сторону защиты не индивидуальных, а коллективных ценностей. Потребность в безопасности требует построения отдельной самостоятельной системы как в рамках уголовного права, так и за его пределами.

Преступность – это всего лишь один из вызовов для безопасности (одна из форм девиации), но существует масса и иных маргинальных отклонений. Поэтому основная идея безопасности заключается в социальной защите, а точнее в предупреждении преступлений. И очевидно, что поскольку здесь не идет речь о совершенном противоправном деянии, то основной акцент смещается в плоскость личности, превенции его дальнейших действий. Следовательно, если сегодняшнее уголовное право имеет дело с констатацией преступления и весь его арсенал направлен на возмездие за содеянное, то уголовное право безопасности направлено на противодействие преступности на более раннем этапе. Особое значение в данном случае придается социальным смыслам, которые наполняют будущее противоправное деяние.

В этой парадигме не вред является центральным

¹¹ См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и преступность: трансформация в эпоху социальных перемен. М., 2023. С. 163-164.

¹² Иначе говоря, «в отличие от классической парадигмы ответственности в парадигме безопасности образуется символическое пространство угроз безопасности как возможностей утраты ценностей, которые воспринимаются через единичные факты и трансцендируют в социальном сознании до уровня общезначимой и действительной угрозы как реальный шанс, что она может реализоваться». См.: Мирошниченко Д.В. Критика уголовно-правовой онтологии. М., 2023. С. 322, 368; Мирошниченко Д.В. Социокультурные основания уголовно-правовой парадигмы // Lex Russica. 2023. № 7. С. 70-73.

элементом системы, а потенциальная угроза его причинения. Именно под эгидой угрозы причинения вреда осуществляются меры социальной защиты и безопасности. Поэтому государство вынуждено устанавливать систему ограничений и запретов на ранней стадии. И все это делается в рамках идеологии защиты общества и государства от потенциальных криминальных угроз. Но все же основная опасность здесь кроется в неопределенности и широкой степени оценочности номинальных рисков и лиц, которые могут быть к этому причастны. Это фикционный аспект проблемы, содержащий в себе момент, который основан на тотальном контроле над обществом.

Вместе с тем, рассматриваемая ситуация, характерная для *предпреступлений*,¹³ указывает прямым образом на то, что фактически осуществляется социальный контроль за поведением лица, и это не свойственно уголовному праву и не может породить отношения криминализации, поскольку речь здесь идет уже о другом объекте исследования. *Уголовное право безопасности* имеет своей целью воздействие на личность, которое еще не совершило общественно опасного деяния, и это не является преступлением в классическом понимании.¹⁴ Следовательно, в такой модели не характер и степень причиненного вреда наполняют преступление, а общественная опасность личности, поскольку именно субъект является источником конкретного общественно опасного поведения. Но в этой парадигме уголовного права социальной защиты нет места преступлению, поскольку мы имеем дело с предпреступлениями. По этой причине в уголовном законе, на наш взгляд, должна быть следующая норма: «К лицу, обладающему общественной опасностью, в целях предупреждения совершения преступлений могут применяться меры социальной защиты (безопасности). Порядок при-

менения таких мер устанавливается специальными нормативными правовыми актами». Представляется, что это может быть новой отправной точкой для идей Д.В. Мирошниченко.

Итак, рецензируя (если так можно сказать) работы Д.В. Мирошниченко, мы вовсе не пытались его в чем-либо упрекнуть, а наоборот, поддержать ученого и продемонстрировать простой факт: как суждения автора могут быть интерпретированы различными исследователями и как высказанные им постулаты могут породить новые импульсы для научных исследований. Д.В. Мирошниченко – глубокий исследователь, ему важен процесс познания, а не конечный результат, поэтому мы вполне допускаем, что и наши высказанные тезисы противоречивы и могут быть подвергнуты обструкции.

Но для нас здесь важна одна деталь. Дело в том, что в последнее время в правоведении можно наблюдать картину, когда тот или иной ученый не соглашается с коллегой, и не дает «зеленый свет» его рукописи, заставляя ее переделать «под себя». Однако это не повод для того, чтобы навязывать свою правоту и пренебрегать мнением других. Возражать или вести полемику по поводу концептуальных положений научной работы уместно тогда, когда работа вышла в свет и читатель всегда может сравнить мнения спорящих сторон. Это выглядит более честно и объективно. Полагаем, в адрес Д.В. Мирошниченко будет еще высказано немало замечаний (как и хвалебных отзывов), однако для нас уже сейчас очевидно одно обстоятельство. Любые диспуты и критика не смогут повлиять на позицию ученого и его уверенность в собственных конструкциях. Д.В. Мирошниченко находится на правильном пути, поэтому будем ожидать от него новых творческих изысканий и креативных научных публикаций.

¹³ Предпреступление – это особое основание для оценки личности и избрания особой меры воздействия (безопасности) для такого лица. Опасность лица определяется характером его социального поведения. В такой конструкции мы расширяем усмотрение правоприменителя, субъективизм оценки конкретного лица, которое будет решать вопрос об избрании мер социальной защиты. Следовательно, понятие общественной опасности может быть увязано не с деянием лица, а с самой личностью.

¹⁴ В этой связи, например, Д.В. Мирошниченко заявляет следующее: «... центр тяжести в определении общественной опасности должен быть смещен от вреда к субъекту, поскольку именно благодаря ему общественная опасность получает динамическую характеристику, рассматривается в развитии и возможности совершения преступления (деяние опасно не потому, что вредно по тем или иным основаниям, а потому что этот вред может быть причинен конкретным лицом)» (См.: Мирошниченко Д.В. Сущность уголовного права: онтологический аспект // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2002. № 4. С. 95). Иначе говоря, общественная опасность деяния сменяется конструктом общественной опасности личности.

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК

Косаренко Н.Н. «Основы социального государства» (Учебник. М.: Русайнс, 2023. 310 с.)

САРАНЧУК ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

В 2023 году в издательстве «Русайнс» вышел учебник кандидата юридических наук, доцента Косаренко Николая Николаевича «Основы социального государства», посвященный актуальной проблеме формирования, организации, развития и функционирования социального государства в Российской Федерации. С позиции права в книге автором рассматривается влияние сложившихся социальных механизмов на современное общество и их соответствие новым задачам, обозначены пути построения социального государства в Российской Федерации.

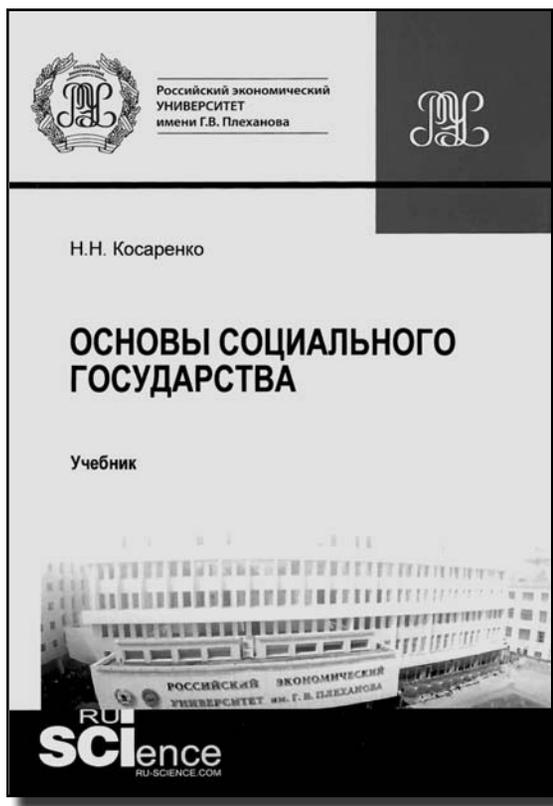
Совершенно очевидно, социальное государство играет поистине огромную роль в жизни как общества в целом, так и отдельного человека в этом обществе. На каждом этапе развития человеческой цивилизации государство, а вместе с ним и соответствующая ему правовая система, непрерывно эволюционирует и видоизменяется в ходе исторического процесса его развития.

Главной целью социального государства является максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и духовных потребностей членов общества, последовательное повышение уровня жизни населения и снижение социального неравенства, обеспечение всеобщей доступности основных социальных благ, главным образом качественного образования, медицинского и социального обслуживания.

Учебник «Основы социального государства» ставит своей целью дать студентам необходимые знания об основах социального государства – прежде всего, о сущности, принципах и моделях социального государства, а также нацелен на изучение социальной политики государства в современных условиях, в том числе в условиях трансформации современного российского общества и глобализации.

За последние годы существенно изменилась структура социального законодательства, регули-

рующее отношения, связанные с деятельностью органов социального обеспечения, которое законодательно закреплено в правовой системе современной России. В действующее социальное законодательство вносится множество дополнений и изменений, которые необходимы для правового регулирования общественных отношений в социальной сфере государства. Учебник «Основы социального государства» содержит основные теоретические вопросы и рассматривает практические проблемы решения актуальных, сложных и недоста-



точно разработанных механизмов совершенствования правового регулирования форм и методов видов социального обеспечения и социальной защиты в новых реалиях со стороны государственных органов власти.

В учебнике раскрыты современные концептуальные основы и правовая природа формирования системы социальной защиты в современной России. Материал, содержащийся в данном учебнике, способствует критическому осмыслению правовых основ регулирования деятельности органов государства по социальной защите населения.

Позитивное впечатление производит правовая насыщенность книги – широкая нормативно-правовая база выступает не только в качестве содержательной основы учебной дисциплины, но и иллюстрирует практические механизмы деятельности уполномоченных органов государственной власти и местного самоуправления, направленной на построение социального государства.

Рассматриваемые в книге проблемы социального государства отличаются логической стройностью, глубиной и достаточной полнотой анализа. Новые положения и рекомендации автора вносятся по всем структурным элементам рабочей про-

граммы учебной дисциплины. Особое внимание в учебнике обращено на систему нормативных правовых актов органов государственной власти, иных государственных органов и органов муниципального самоуправления по реализации социальной политики как важной функции социального государства.

В представленном на рецензию учебнике раскрывается авторская позиция, включающая в себя новые методологические подходы к систематизации нормативных правовых актов, образующих структуру социального законодательства. При этом рассматриваемый автором терминологический аппарат традиционен как для юриспруденции, так и для государственного и муниципального управления, что делает учебник востребованным не только в учебном процессе при подготовке специалистов различных направлений и профилей, но и для практических работников в области реализации социальной политики и построения социального государства.

Приведенные в учебнике контрольные вопросы, тестовые задания способствуют закреплению у студентов полученных теоретических знаний и выработке профессиональных компетенций.

Фестиваль искусств юридических вузов Москвы

24 ноября 2023 года в рамках мероприятий XIII Московской юридической недели состоялись ежегодная торжественная церемония награждения представителей Московского отделения Ассоциации юристов России и приуроченный к ней Фестиваль искусств юридических вузов Москвы.

Открыл вечер председатель Московского отделения АЮР, проректор МГУ имени М. В. Ломоносова, заслуженный юрист РФ, д.ю.н., профессор В. А. Вайпан. Он подвел итоги работы организации в 2023 г., вручил благодарственные письма членам Московского отделения АЮР.

Затем с творческими номерами выступили студенты юридических вузов Москвы. Российскую академию адвокатуры и нотариата представляли студенты 1-го курса очной формы обучения с композицией «За тебя, Родина-мать!», которые выступили с театрализованным

номером, подготовленным под руководством специалиста по воспитательной работе О.И. Кочергиной.

Большое спасибо за выступление: Борису Гаврину, Вере Васильевой, Ярославу Васильцову, Валерии Вороновой, Глебу Милову, Архипу Стеблину, Ульяне Балашовой, Ангелине Ковшевой!



Пять консультаций pro bono по семейному праву

20 ноября 2023 года член Рабочей группы Гильдии российских адвокатов по развитию организационно-правовых основ бесплатной юридической помощи, Почетный адвокат России, к.ю.н., председатель Коллегии адвокатов «Солидарность» М. Ш. Дадашева провела пять консультаций pro bono по семейному праву для родителей учащихся столичных школ.

IV Всероссийская научно-практическая конференция «Медиация: реалии и перспективы»

В Москве прошла ежегодная научно-практическая конференция «Медиация: реалии и перспективы», собрав на своей площадке представителей власти, судейского, адвокатского и бизнес-сообществ, сферы здравоохранения и образования, общественных деятелей, омбудсменов, ученых, практикующих юристов, медиаторов и психологов.

Организаторами конференции выступили Международная ассоциация русскоязычных адвокатов, Российская академия адвокатуры и нотариата, Центр медиации и эффективных переговоров Елены Сениной, АБ «Рагозин, Сенина и партнеры», в числе партнеров конференции - КА «Московский юридический центр».

Участники обсудили актуальные вопросы медиативной практики в различных сферах, проанализировали практические кейсы.

Выступая с приветственным словом, депутат Государственной Думы ФС РФ А. Б. Коган подчеркнул важность развития института медиации, в том числе в сфере экологии: «Всегда присутствует конфликт интересов, и нужно уметь решать противоречия мирным путем, тогда мир будет добрее, меньше будет катаклизмов».

На пленарном заседании начальник Управления по защите прав и законных интересов несовершеннолетних – Уполномоченный по правам ребенка в городе Москве О. В. Ярославская и профессор кафедры обязательственного права Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, доцент факультета права НИУ ВШЭ, к.ю.н. Д. В. Новак в своих выступлениях сделали акцент на перспективных проектах и мерах, которые позволят сделать процедуру медиации более востребованной и эффективной, возможностях внедрения в практику профилактических мер конфликта.

Адвокат, медиатор, доцент кафедры нотариата МГЮА им. О.Е. Кутафина С. Ю. Макаров рассказал о возможностях применения медиации для урегулирования наследственных споров. Доклад главного врача Московской областной Стоматологической поликлиники, к.м.н. М.И. Сойхер был посвящен вопросу внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности как первом шаге к медиации. В дополнения к теме применения медиации в медицинской сфере прозвучало выступление председателя Совета Благотворительного Фонда «Безопасное здравоохранение», к.м.н. Н.О. Матыцина о профилактике рисков при

оказании медицинской помощи, стандартах и требованиях, соблюдение которых способствует повышению качества и безопасности в медицинских организациях, работе Фонда «Безопасное здравоохранение».

Практические предложения по развитию семейной медиации посредством внесения изменений и дополнений в Семейный кодекс РФ и ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», внедрения в работу Семейных центров превентивной медиации, были изложены в выступлениях клинического психолога, президента Национальной ассоциации исследователей синдрома отчуждения родителя С.В. Клюева, медиаторов И.В., Бушмелевой и А.А. Вахниной.

С особым интересом практикующие медиаторы выслушали выступления адвоката и медиатора И.А. Эккерта и главного юрисконсульта, руководителя юридической практики «Здравоохранение» АО «Альта Виа» Р.А. Азатяна, которые представили кейс по разрешению спора между пациентами и клиниками, связанный с небезызвестным Тимуром Хайдаровым.



Г. Б. Мирзоев принял участие в заседании Правления Экспертного центра АЮР по оценке качества и квалификаций в области юриспруденции

22 ноября 2023 года в дистанционном формате с использованием видео-конференц-связи состоялось заседание Правления Экспертного центра Ассоциации юристов России по оценке качества и квалификаций в области юриспруденции.

В работе заседания принял участие член Президиума АЮРО, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, Почетный работник сферы образования РФ, профессор Г.Б. Мирзоев.



На заседании обсуждались результаты аккредитационных экспертиз образовательных программ в области юриспруденции, итоги проведения обучающего семинара «Актуальные вопросы совершенствования профессионально-общественной аккредитации в условиях формирования новой модели высшего образования», который прошел на базе ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Также участники заседания обсудили исполнение плана работы АНО «Экспертный центр Ассоциации юристов России по оценке качества и квалификации в области юриспруденции» за II полугодие 2023 года и утвердили результаты экзаменов на установление полномочий физических лиц в качестве экспертов по профессионально-общественной аккредитации.

Достигнута договоренность о сотрудничестве между Государственным университетом просвещения и ГРА в части организации оказания БЮП

В ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения» прошла конференция ко Всероссийскому дню правовой помощи детям. В ее работе приняли участие и выступили с докладами заместитель председателя Рабочей группы Гильдии российских адвокатов по развитию организационно-правовых основ бесплатной юридической помощи, советник ФПА РФ, Почетный адвокат России О.И. Власова («Бесплатная юридическая помощь в РФ: понятие, история и развитие») и член Рабочей группы ГРА, адвокат МГКА «Власова и партнеры» Е. Д. Софинская.

Также с докладом о корпоративном и интеллектуальном волонтерстве в сфере бесплатной юридической помощи в РФ выступили руководитель проекта «Сообщество юристов – волонтеров PRO BONO RUSSIA» Т.В. Петренко и помощник В. С. Цой («Участие адвокатов в системе оказания бесплатной юридической помощи»).

На конференции прозвучали выступления студентов Российской академии адвокатуры и нотариата и колледжа РААН. Выступили: Золотарева М.В., Китарева Е.С., Мельникова В.А., Титова Е.В., Стецюк М.А. Темы выступлений:

«Правовое сопровождение семей с детьми, нуждающихся в социальной защите», «Влияния цифровой глобализации на психику детей», «Проблема реализации прав несовершеннолетних родителей и особенности их реализации». Научный руководитель – преподаватель колледжа РААН Е.В. Чернова.

По итогам конференции достигнута договоренность о дальнейшем сотрудничестве Государственного университета просвещения и Гильдии российских адвокатов в части организации оказания БЮП нуждающимся гражданам и организации работы студенческой юридической клиники на базе университета.



Первые «Шамбовские чтения» прошли в Абхазском государственном университете

2 октября 2023 года в Абхазском Государственном Университете прошла Международная научно-практическая конференция «Национальные правовые системы и современный миропорядок», посвященная 85-летию со дня рождения абхазского и российского общественно-политического деятеля, доктора юридических наук, профессора Тараса Мироновича Шамба (Первые «Шамбовские чтения»).

Конференцию открыли и вели программу государственный и общественный деятель, кандидат социологических наук Беслан Кобахия и профессор кафедры государственного управления Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук Наталия Мамитова.

Перед началом мероприятия собравшимся были показаны отрывки из документального фильма журналиста, доктора юридических наук, профессора кафедры журналистики Абхазского государственного университета Екатерины Бебиа, посвященного Тарасу Мироновичу Шамба.

На конференции с приветственным словом ко всем собравшимся выступил ректор Абхазского Государственного Университета, профессор, доктор физико-математических наук, академик Алеко Гварамия, который в своем выступлении подчеркнул тот неоценимый вклад, который внес Тарас Миронович Шамба в развитие абхазской государственности.

На конференции также выступили: депутат Государственной Думы Российской Федерации Константин Затулин, российский политический и государственный деятель Сергей Бабурин, президент Всемирного абхазо-абазинского конгресса Мусса Экзеков, глава Абхазской Православной Церкви отец Виссарион (Аплиаа), секретарь Совета безопасности Республики Абхазия Сергей Шамба, полномочный представитель МИД Республики Абхазия в Германии Хибла Амичба, глава Официального Представительства Приднестровской Молдавской Республики Леонид Монаков, писатель, доктор экономических наук Олег Этлухов, журналист, доктор филологических наук Екатерина Бебиа, декан факультета управления персоналом и государственной службы ИГСУ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук Елена Киреева, эксперт Центра экспериментальных образовательных программ ИГСУ Людмила Ворожейкина.

Конференция была организована на базе Абхазского государственного университета совместно с Академией наук Республики Абхазия, Всемирным абхазо-абазинским конгрессом, Российским конгрессом народов Кавказа, Московской Абхазской Диаспорой.

Тарас Миронович Шамба – доктор юридических наук, профессор, абхазский и российский общественно-политический деятель родился 29 июля 1938 года в г. Сухуми Абхазской АССР в семье известного абхазского юриста Мирона Михайловича Шамба. В 1958 г. поступил на юридический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, окончил его в 1963 году.

В 1975 году Тарас Миронович Шамба защитил кандидатскую диссертацию на кафедре советского государственного строительства и права Академии общественных наук при ЦК КПС, а в 1985 году в стенах этой же Академии защитил докторскую диссертацию на тему: «Демократизм советского правопорядка (теория и практика)».

Тарас Миронович Шамба имеет более 300 научных публикаций по проблемам госу-

дарственности, демократии, законности, правопорядку, национально-государственному устройству. Труды Т.М. Шамбы широко известны научной общественности, а патриотическая деятельность по сплочению прогрессивных демократических сил Абхазии и Кавказа получила международное признание.

В 1989-1991 годах – народный депутат СССР.

В 1992 году Тарас Миронович избран Президентом Всемирного конгресса абхазо-абазинского (абаза) народа.

В 1997 году поступил в Нотариальную палату города Москвы, с 1997 – 2015 годы был нотариусом города Москвы, имел свою нотариальную контору.

Тарас Миронович Шамба входил в редакционные советы многих научных и общественно-политических журналов, в том числе был членом редакционного совета и в журнале «Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата».

Шамба Т.М. является действительным членом (академиком) восьми Международных академий, среди них: Международная академия информатизации при ООН, Международная Французская Платоновская академия наук и искусства, Адыгейская Международная академия наук, Международная академия духовного единства народов мира и многие другие. Он является лауреатом Государственной премии Абхазии имени Дмитрия Гулиа. Сопредседателем Российского конгресса народов Кавказа.

Но главный его неофициальный пожизненный титул – это «народный президент Абхазии»!

Первые «Шамбовские чтения» проходили в период празднования в Республике Абхазия 30-летия Дня Победы в Отечественной войне и 15-летия Независимости Республики Абхазия. Тарас Миронович Шамба сделал очень многое, чтобы народ Абхазии мог праздновать эти даты.

Название Международной конференции: «Национальные правовые системы и современный миропорядок» включает рассмотрение многих проблем и вопросов, которыми «болел» Тарас Миронович Шамба и о которых он мог бы многое что нам поведать. Это и вопросы абхазской культуры в ее историческом контексте; и особенности национально-культурного развития народов и этносов в мировом пространстве; и тенденции развития современного права и государства; и национально-государственного устройства; и геополитическое положение России и Абхазии в контексте современного миропорядка.

Итогом Первой Международной научно-практической конференции «Национальные правовые системы и современный миропорядок», посвященной 85-летию со дня рождения абхазского и российского общественно-политического деятеля, доктора юридических наук, профессора Тараса Мироновича Шамба (Первые «Шамбовские чтения»), было принятие на них решения проводить «Шамбовские чтения» ежегодно и сделать их традиционными в память об этом Великом человеке.

The annotated contents of the magazine

G.B. Mirzoev

ABOUT SOME PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS OF PERSONS IN CUSTODY AND WAYS TO SOLVE THEM

ABSTRACT. The article discusses some problems of ensuring the rights and freedoms of man and citizen in the conditions of the application of a procedural measure of coercion in the form of detention. In particular, the problem of unjustified restrictions on visits with relatives or other persons is analyzed, as well as the problem of ensuring and preserving the health and life of persons suspected (accused) of committing a crime, in respect of whom a preventive measure has been chosen in the form of detention and suffering from severe forms of diseases. Based on the analysis of these problems, legislative ways to solve them are proposed.

KEYWORDS: persons in custody, human rights, criminal record, serious illness, meeting with relatives, abuse.

MIRZOEV GASAN BORISOVICH – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, President of the Guild of Russian Lawyers, President of the International Association of Russian-speaking Lawyers, Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

A.V. Akhmatov

LEGALITY AND RULE OF LAW (RULE OF LAW): THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

ABSTRACT. The author examines various points of view on the theoretical aspects of the principle of legality in domestic legal science, as well as the principle of the rule of law in Western legal thought.

The article concludes that legality as a legal category is not an independent and self-sufficient subject of research in Western science in general and in Western European legal thought in particular, and dialectically can be considered only in the context of the evolution and syncretic existence of the concepts of the rule of law, the rule of law, the institution of individual rights and freedoms in the West, an integral part of which she is. Concepts that have historically developed in Western legal science, related in terms of content to the idea of legality in the context of the thesis of the rule of law: Rule of Law (English), le Principe de Legalite et la Suprematie de la Regie de Droit" (French), "der Rechtsstaat" (German) are semantically and epistemologically ambiguous. Such concepts are conceptually based on the natural law principle of the discrepancy between law and law, the need for self-limitation of state power through law in the interests and needs of an atomic (individual) personality.

The article substantiates the conclusion that the principle of the rule of law in the Western tradition of law due to a number of historical events of the late XX – early XX century. The XXI century has acquired an involitional character due to the impossibility of its actual full-fledged verification.

The paper proposes the thesis that the vectors of development of the principle of legality in Russia and the principle of the rule of law in the West have independent dynamics. However, the existing attempts to differentiate the understanding of the principle of the rule of law in the West give reason to argue that in modern conditions it has a de facto indefinite character in Western legal science and in legal practice.

KEYWORDS: law, legality, state, rule of law.

AKHMATOV ALEXEY VALERYEVICH – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

V.V. Varmund

THEORETICAL ASPECTS OF THE CORRELATION OF SUBJECTIVE LAW AND LEGAL PERSONALITY OF INDIVIDUALS

ABSTRACT. The article discusses theoretical approaches to understanding subjective law and its relationship with legal personality. The doctrinal foundations of legal personality are reflected in the context of the interdependence of legal capacity and legal capacity. The scientific approaches to the understanding of subjective law are investigated. The legally significant limits of the legal capacity of an individual have been determined, taking into account age and psychological criteria. Scientific approaches to the definition of subjective law are revealed. A comparative legal analysis of subjective law and legal personality is carried out.

KEYWORDS: legal personality, legal capacity, subjective law, individual, legal relationship

VARMUND VIKTORIA VSEVOLODOVNA – senior lecturer at the Department of Notarization and Civil Law Disciplines at the Russian Academy of Advocacy and Notariate.

Y.S. Zharikov

FACTORS INFLUENCING THE SPREAD OF RADICAL RELIGIOUS IDEOLOGY AMONG THE YOUTH OF MODERN RUSSIA

ABSTRACT. This article examines the causes and conditions of the spread of religious extremist ideology among the youth of modern Russia. According to the author, it represents an ideology of violence used by religious figures to achieve political goals, namely, seizing power in a secular state and imposing the primacy of spiritual power over secular power.

KEYWORDS: religion, extremism, youth, radicalism, violence.

ZHARIKOV YURI SERGEEVICH – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of Plekhanov Russian University of Economics.

A.I. Sidorkin, D.V. Remizov

FROM PRIVATE POLICE TO PRIVATE MILITARY COMPANIES (FROM THE EXPERIENCE OF CREATION AND LEGAL REGULATION OF PRIVATE PARAMILITARY FORMATIONS IN RUSSIA)

ABSTRACT. The article examines the problems of the organization and legal regulation of private paramilitary formations in the Russian Empire. The historical and legal method of scientific research was used as the main one, which allows to reveal the subject of research in the process of its origin and development. The use of the historical method and the method of analysis made it possible to identify the positive and negative sides of the activities of such formations. Using the example of the functioning of private police, it is shown that the practice of private paramilitary groups, which goes far beyond the law, has destroyed in the eyes of society one of the most important foundations of state power – the state monopoly on violence. In the legal consciousness of the population, spontaneous changes in the assessments of the main complex of state categories begin – especially the category of state violence.

KEYWORDS: police, private police, mounted police guards, recruitment, legal regulation of the service

SIDORKIN ALEXANDER IVANOVICH – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Moscow State University of Humanities and Economics; Professor of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law of the Russian Academy of Advocacy and Notary;

REMIZOV DMITRY VIKTOROVICH – postgraduate student at the Russian Academy of National Economy and Public Administration.

A.Y. Ilyin, Y.M. Saranchuk, N.N. Kosarenko

CONTROL OF TAX AUTHORITIES OVER COMPLIANCE WITH LEGISLATION ON TAXES AND FEES

ABSTRACT. The article reveals certain legal aspects of tax authorities' control over compliance with legislation on taxes and fees, expressed in the procedural and procedural activities of conducting desk tax control when submitting a tax return (reporting) and in its absence, as well as the grounds and procedure for conducting an in-depth tax audit, additional tax control measures, as well as selection criteria taxpayers to carry out on-site control.

KEYWORDS: taxes, tax authorities, taxpayers, tax control, desk tax audit, on-site tax audit, additional tax control measures, declaration.

ILYIN Alexander Yuryevich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of the Department of State Law Disciplines of the Russian Technological University of RTU- MIREA;

SARANCHUK YURI MIKHAILOVICH – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics; Associate Professor of the Department of Information, Energy Law and Criminal Law Disciplines of Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU);

KOSARENKO NIKOLAY NIKOLAEVICH – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics.

R.V. Shagieva, A.A. Kaibiyainen,

INDIVIDUALIZATION AND PERSONALIZATION AS TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF HIGHER AND ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION

ABSTRACT. The article reveals the concepts of individualization and personalization as the leading directions of development of domestic higher and postgraduate (additional professional) education in recent decades. The authors consider models for the implementation of the principles of individualization of learning and the construction of individual educational trajectories in the practice of Russian universities.

KEYWORDS. Individualization, personalization, personification, mixed education, additional professional education, individual educational routes (trajectories), individual curricula, individual educational programs.

SHAGIEVA ROSALINA VASILYEVNA – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Private Law at the State University of Management, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Russian Customs Academy, First Vice-Rector of the Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev;

KAYBIYAINEN ALLA ADOLFOVNA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Kazan National Research Technological University and Kazan (Volga Region) Federal University, head of the press center.

M.V. Astafyev

THE REGISTER OF AIRCRAFT AND THE REGISTER OF AIRCRAFT RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE CAUSES OF THIS LEGAL CONFLICT AND WAYS TO ELIMINATE IT

ABSTRACT. The article examines the system of state registration of civil aircraft (hereinafter, "aircraft") and the rights to them that exists in the Russian Federation. The author has made a legal analysis of the reasons for the formation in the Russian Federation, in which, unlike other "world

aviation powers", where the rights of subjects of civil law transactions to an aircraft arise directly by virtue of their conclusion and execution, without requiring any additional registration procedures, there is such a system of accounting and protection of the rights of owners of aircraft vessels with Russian registration, in which such property rights, as well as — civil law transactions made by the owners of such rights in relation to aircraft acquire legal force only after their recognition and confirmation of their existence by the State.

The reason for choosing the chosen legal phenomenon as an object for detailed analysis in the framework of this article is not so much its absolute uniqueness for world civil aviation, as the author's desire to consider this phenomenon as an example of an "ideal" legal conflict between international and national legal regimes for protecting the interests and rights of aircraft owners and to propose ways to resolve this conflict.

KEYWORDS: aircraft, state registration of property rights, convention, register, ratification, aviation equipment, movable things, immovable things, conflict.

ASTAFYEV MAXIM VITALIEVICH — Deputy General Director for Legal Support of CJSC Group of Companies C 7, a post-graduate student of the 2nd year of full-time study at the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations (ATiSO).

E.V. Bobrov

**SOME ASPECTS OF COMPENSATION
FOR DAMAGE CAUSED BY A SOURCE OF INCREASED DANGER**

ABSTRACT. The article is devoted to the study of some features of the legal regulation of the institution of compensation (compensation) for harm caused by a source of increased danger. Special attention is paid by the author to the behavior and role of the victim in the occurrence of a tort, as well as to the law enforcement interpretation of "the owner of a source of increased danger". Based on a practical example, the features of imposing responsibility for innocent harm as a result of a traffic accident are analyzed. Based on judicial practice, it is concluded that there are no uniform criteria for determining the amount of compensation for damage caused by a source of increased danger.

KEYWORDS: liability; compensation (compensation) for harm; source of increased danger; owner of the source of increased danger; innocent infliction of harm; factual circumstances.

BOBROV EGOR VALERYEVICH — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the MIREA — Russian Technological University, lawyer

O.V. Efimova, E.A. Ryazantseva

**THE STATUS OF A CULTURAL HERITAGE OBJECT
AS AN ENCUMBRANCE/RESTRICTION OF THE RIGHTS
OF ITS OWNER IN CIVIL CIRCULATION**

ABSTRACT. The civil legislation of the Russian Federation contains an open list of encumbrances of immovable property and restrictions on the rights to such property, without disclosing the legal characteristics of these phenomena. Such gaps raise questions regarding both the definition of the person establishing them and the differences between these legal phenomena. These issues are especially relevant in the legal regulation of rights to cultural heritage objects. This article examines the moment of introduction of appropriate encumbrances/restrictions depending on the stage of formation of the object of cultural heritage and the possibility of exercising the relevant rights and obligations on them.

KEYWORDS: encumbrance, restriction, cultural heritage object, state register of real estate rights.

EFIMOVA OLGA VLADIMIROVNA — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines and Notaries of the NOU OVO "Russian Academy of Advocacy and Notaries" (RAAN), Associate Professor of the Department of Law at the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow State Pedagogical University (MGPU);

RYAZANTSEVA EKATERINA ANATOLYEVNA — Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Law Department of the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow State Pedagogical University (MGPU).

A.E. Kirpichev

**DISCOVERY AS A BASIS FOR THE EMERGENCE OF PROPERTY RIGHTS AND OBLIGATIONS:
OVERVIEW OF MAIN ISSUES**

ABSTRACT. This article thoroughly examines the legal aspects of discovery as a basis for the emergence of property rights and obligations. It highlights the complexities of interpreting discovery in civil law, discussing various theoretical stances and practical scenarios. The paper explores the nature of discovery, its place in the system of legal facts, and the obligations arising for the finder and the title holder. The author emphasizes the multifaceted and ambiguous nature of this phenomenon in the context of civil law, offering an analysis of doctrinal and practical aspects.

KEYWORDS: discovery, property rights, civil law tradition, obligations, legal facts, obligatio ex lege.

KIRPICHEV ALEXANDER EVGENYEVICH — Head of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy, Chief Scientific Associate of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice, Doctor of Law.

Yu.A.Svirin

SOME PROBLEMS OF CHALLENGING DEBTOR'S TRANSACTIONS IN BANKRUPTCY

ABSTRACT. Despite the fact that the legal mechanism for protecting creditors' rights in bankruptcy relations has existed for a long time, there is no consensus in the doctrine regarding the legal nature of challenging the debtor's transactions with third parties. The doctrine has developed several theories with both positive and negative features. The absence of a unified doctrinal legal position determines the polarization of judicial opinion in similar cases. In the article, the author analyzes various theories on the problem under study, as well as analyzes transactions and expresses his vision of solving the problem.

KEYWORDS: bankruptcy, debtor's transactions, protection of creditors' rights.

SVIRIN YURI ALEXANDROVICH – Doctor of Law, Professor, Professor of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia.

L.A. Bukalerova, N.V. Kuznetsova

**ABOUT THE PLACE OF CONFISCATION OF PROPERTY IN THE SYSTEM OF MEASURES
OF CRIMINAL LEGAL IMPACT FOR CRIMES IN THE FIELD OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY**

ABSTRACT. the article is devoted to the peculiarities of the implementation of criminal liability for crimes in the field of foreign economic activity in the domestic criminal legislation. The shortcomings of legal regulation that prevent the use of confiscation of property for crimes in the area under consideration are revealed. The necessity of making changes to the disposition of Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Confiscation of property» aimed at expanding the possibility of using this institution for the protection of foreign economic relations is substantiated.

KEYWORDS: foreign economic activity, crime, criminal liability, confiscation of property, Eurasian Economic Union.

BUKALEROVA LYUDMILA ALEXANDROVNA – Doctor of Law, Professor, Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notariate (RAAN);

KUZNETSOVA NADEZHDA VYACHESLAVOVNA – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia).

V.F. Jafari

**TYPOLOGY OF PERSONS COMMITTING CRIMINAL OFFENSES
USING INNOVATIVE TECHNOLOGIES (PART 2)**

ABSTRACT. This article continues the topic of the typology of persons committing criminal offenses using innovative technologies. The knowledge of the specifics of the criminal's behavior allows us to develop effective methods for preventing cybercriminal manifestations.

The author brings to the discussion of the scientific community a new approach to the classification of criminals of the era of the 6th technological order.

KEYWORDS: criminological security, criminological cybersecurity, criminology of cybersecurity, information and communication technologies, cybertechnologies, identity of the criminal, identity of the cybercriminal, Innovation Center "RGUK-security".

JAFARLI VUGAR FUAD OGLU – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Advocacy of the Kosygin Russian State University; Professor of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notaries.

I.S. Kaminsky, T.S. Kandabarova

**THE NEED TO CHANGE THE SUPRANATIONAL LAW OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION
IN TERMS OF ESTABLISHING COMMON APPROACHES TO CRIMINAL LIABILITY
FOR FOREIGN ECONOMIC CRIMES**

ABSTRACT. The challenges of the modern world justify the need for closer legal cooperation between the states of the Eurasian Economic Union. The article examines certain problems of inconsistency in the norms of national criminal law of the EAEU member states on liability for crimes in the field of foreign economic activity. In particular, the definition of economic smuggling and its structure is analyzed, as well as the establishment of a uniform approach to the objective side of crimes, including indicating the location of the crime. As a solution to the stated problem, the authors propose to harmonize the criminal legislation of the EAEU member states in the field of foreign economic activity on the basis of the Treaty on the Peculiarities of Criminal and Administrative Liability.

KEYWORDS: EAEU, criminal legislation, foreign economic crimes, uniformity of national law, treaty, sanctions

KAMINSKY ILYA SERGEEVICH – Head of the Division of Access to Foreign Markets and Settlement of Trade Disputes of the Trade Policy Department? Eurasian Economic Commission, email: il.kaminskiy@gmail.com

KANDABAROVA TATYANA SERGEEVNA – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

I.O. Kopenkin

PROTECTION OF PERSONAL DATA OF MINORS IN THE EUROPEAN UNION

ABSTRACT. The relevance of the research topic lies in the fact that day by day the amount of information, its processing and ways of accessing it are noticeably increasing, and therefore the problem of personal data protection is becoming more and more urgent. At the same time, additional protection should be provided to the personal data of minors as a more vulnerable social group, since children are less aware of the risks and consequences of providing their data, as well as their rights in this area. One of the most developed in terms of the protection of personal data, including minors, is the European Union (hereinafter referred to as the EU, the Union), since the protection of personal data and respect for private life are fundamental rights in the Union. Based on this, the purpose of this study is to analyze the EU legislation in the field of protection of personal data of minors. The main research methods that were used during the development of the topic are the method of analysis and the comparative legal method. As a result of the scientific development of the research topic, the expediency of taking into account the experience of the EU in the Russian legislative process and the introduction of new technologies to identify cases of violation of the confidentiality of data of minors was revealed. The practical significance of the results of the study of the topic lies in the fact that the results obtained can be applied in legislative activities through the improvement of the rules of law that are devoted to the protection of personal data of children

KEYWORDS. Personal Information; minors; children; data protection; confidentiality; EU; European Union.

KOPENKIN IGOR OLEGOVICH – member of the Bar Association "Yukov and Partners", senior partner, Candidate of the degree of Candidate of Legal Sciences at the Russian Academy of Advocacy and Notariate.

D.V. Miroshnichenko

PUBLIC DANGER AS AN ONTOLOGICAL CATEGORY OF CRIMINAL LAW

ABSTRACT. The article analyzes the category of public danger as an ontological (basic), the initial basis for which is the concept of harm. Harm is revealed from the perspective of the paradigm of responsibility and security. In the paradigm of responsibility, harm is identical and determines the criminality of an act through legitimization by the transcendent foundations of law and order; in the paradigm of security, the meaning of harm is in the social layer of public relations, in connection with which harm is perceived in the meaning of public danger. Social danger should be detected in the context of the social situation at the micro and macro levels of perception of the social significance of the act. No matter what meaning the harm receives, it is constant as the thought of the need to react to it, which forms the ontological justification of the category of «public danger of an act».

KEYWORDS: crime, criminal behavior, I. Bentham, public danger, paradigm, meaning.

MIROSHNICHENKO DANIIL VIKTOROVICH – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

M.V. Zavidova

THE RELATIONSHIP OF THE ELEMENTS OF CRIMES WITH ADMINISTRATIVE PREJUDICE WITH THE ELEMENTS OF CRIMES WITH THE SIGN OF A PERSON WITH A CRIMINAL RECORD

ABSTRACT. In this article, the question of the correlation of the elements of crimes with administrative prejudice with the elements of crimes containing the attribute of a person with a criminal record is considered. Their similar socio-legal nature and function is noted – the prevention of socially dangerous behavior of persons who have previously committed administrative offenses or crimes. The social criterion determined the vector of development of criminal legislation for the further application of this feature (a person with a criminal record) as a result of some decisions of the law enforcement officer that legalize in the constitutional and legal sense. It is also noted that the establishment of both administrative and criminal prejudice requires a barrier, which can and should be a characteristic of the reality of the public danger of acts and socially dangerous behavior.

KEYWORDS: prejudice, criminal law, crime, a person with a criminal record, administrative prejudice, punishment, socially dangerous behavior.

ZAVIDOVA MIRINA V. – Candidate of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notary

B.S. Ivanov

THE MAIN CHANGES IN THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE NOTARY OF RUSSIA DURING THE REFORM OF 1993

ABSTRACT. In 1993, there were significant changes in the organization and activities of the notary in Russia. The article presents the most important results of the reform: changing the tasks of the institute of notaries, the legal status of the notary and the principles of financing notarial activities, the emergence of notaries engaged in private practice, as well as notary chambers, an increase in the types of notarial acts performed by notaries. The author concludes that the fundamentals of the legislation of the Russian Federation on the notary, despite more than thirty years of history and numerous changes and revisions, are still the legislative basis for the functioning and successful development of the notary as a unique legal institution where a private notary performs public legal functions on behalf of the state, is the only professional participant in the real estate market who bears full property responsibility and solves more and more new tasks set by the state.

KEYWORDS: notary, notary reform, notary chamber, notary financing, private practicing notary, types of notarial actions, notary tasks.

IVANOV BORIS SERGEEVICH – 1– year full-time postgraduate student of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law of the Russian Academy of Advocacy and Notariate, notary of the city of Moscow.

Scientific supervisor **FOMIN VLADIMIR ANATOLYEVICH** – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Advocacy and Notariate of the Russian Academy of Advocacy and Notariate, notary of the city of Moscow.

S.E. Kasyanov

THE PRINCIPLE OF JUSTICE AS THE BASIS OF CRIMINAL LAW

ABSTRACT. The article analyzes justice in the context of determining the nature of criminal law. It is argued that justice forms the basis of criminal law, since it participates in the formation of the idea of punishability (the need for punishment) and criminality of an act (as containing a sign of public danger). The statement of public danger is the basis for the moral reproachfulness of an act when it deserves appropriate punishment in the presence of the guilt of the person who committed it. Thus, the principle of justice participates simultaneously in the formation of the idea of the punishability and criminality of the deed, which form the basis of criminal law.

KEYWORDS: justice, criminal law, punishment, crime, individual, society, public relations, morality.

KASYANOV SERGEY EVGENIEVICH – Postgraduate student of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

L. S. Creamer

INDIRECT EVIDENCES IN CRIMINAL CASES: APPLICATION FEATURES

ABSTRACT. In this article, the author explores the problem of the use of indirect evidence in criminal cases. In particular, the absence at the legislative level of a clear classification of indirect evidence used in criminal proceedings, as well as the absence of a mechanism for identifying the most priority qualities and criteria of such evidence, on the one hand, makes it possible to develop them at the level of scientific doctrine, on the other hand, allows the law enforcement officer to use an expansive or narrow interpretation of the list of evidence proposed in the CPC of the Russian Federation. The article analyzes the scientific points of view on the priority of the use of direct and indirect evidence, examines the importance of indirect evidence for the comprehensive establishment of the facts of the case. At the end of the study, the author, relying on the provisions of scientific doctrine, formulates the conclusion that in the field under consideration, the existing provisions on indirect evidence have both strengths and weaknesses and require modern detailed study and classification, which will help in the development of scientific knowledge in general about the evidentiary process, in improving legislation and law enforcement practice.

KEYWORDS: criminal procedure, evidence, investigation, direct evidence, indirect evidence, criminal law, offense.

KREMER LEONID SEMYONOVICH – graduate student of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notaries.

S.A. Orujova

ACTUAL PROBLEMS OF COUNTERING CYBERCRIME ON THE EXAMPLE OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING: INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS

ABSTRACT. Cybercrime is a current and worsening problem all over the world. Different types of cybercrime and various forms of financial fraud have become widespread. The article discusses current problems of cybercrime at the international level, in particular, as an example, the author cites cases of drug trafficking using cryptocurrency and ways to counter these dangerous crimes.

KEYWORDS: cryptocurrency, cybercrime, information security, drug trafficking.

ORUJOVA SABINA ASAFOVNA – 4th– year undergraduate student at the International Law Institute of the O.E. Kutafin Moscow State Law University, an assistant lawyer.

A.N. Rabota

CRIMINAL LEGAL POLICY IN THE FIELD OF COUNTERING ORGANIZED CRIME: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

ABSTRACT. In this article, the author explores the problem of the development of criminal law policy in the field of combating organized crime. In particular, the definition of criminal law policy is given, the features that distinguish criminal law policy from criminal policy are identified, the legislative experience of conducting criminal law policy in the field of combating organized crime in other countries is studied on the example of Georgia, China, India, Austria and other countries. At the end of the study, the author, based on the provisions of the doctrine, formulates directions for improving the criminal law policy in the area under consideration, based on a program-targeted approach and the integration of scientific knowledge into legislation and law enforcement practice.

KEYWORDS: criminal law policy, organized crime, leader of the criminal community, criminal law, organized crime strategy.

RABOTA ALEXEY NIKOLAEVICH – postgraduate student of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines at the Russian Academy of Advocacy and Notariate.

M.Ya. Sazhin

CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF ROOM THEFT IN A MODERN MEGAPOLIS (ON THE EXAMPLE OF MOSCOW)

ABSTRACT. Theft is one of the most common crimes committed on the territory of the Russian Federation. The number and significant population density in Moscow, its specific economic and political-geographical characteristics are a significant factor in the prevalence of burglaries in the territory of the subject. In this regard, in order to optimize the activities of law enforcement agencies in investigating and solving this type of crime, it seems necessary to consider the issue of its forensic characteristics based on current judicial practice.

KEYWORDS: theft, burglary, crime against property, forensic characterization, elements of forensic characterization, forensic characterization of burglary.

SAZHIN MILAN YANOVICH – post-graduate student of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines at the Russian Academy of Advocacy and Notariate.

A.Yu. Yuldashev

LEGAL LIMITS OF THE PROTECTION OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO A TRADEMARK

ABSTRACT. The article considers the limits of the exclusive right to a trademark, established for the possibility of exercising rights without harming the interests of other subjects of civil law. The author analyzes the time, territorial limits, and also defines the problems of establishing the limits of the exclusive right to a trademark through a set of material norms that determine the measures of permissible behavior of participants in civil turnover in relation to the trademark registered by the rightholder. At the moment, it is not possible to determine where the boundaries of the rights of the trademark holder end, which requires bringing the norms to a single concept of the Civil Code of the Russian Federation in the field of exclusive trademark rights and eliminating the terminological problem associated with the lack of precise disclosure of the terms «homogeneous goods», «confusingly similar designation» in the legislation.

KEYWORDS: trademark, exclusive right, limits of the exclusive right to a trademark, copyright holder, liability, confusingly similar.

YULDASHEV ALEXEY YURIEVICH – ^{1-1,2}Non-governmental educational institution organization of higher Education «Russian Academy of Advocacy and Notary».

M.Yu. Yuldashev

**OPTION TO CONCLUDING THE CONTRACT AND OPTION CONTRACT.
PROBLEMS OF THE PRACTICAL APPLICATION OF THE OFFER AND ACCEPTANCE STRUCTURE OF
TRANSACTIONS.**

ABSTRACT. This article reveals the issues of theoretical and practical significance of such legal structures as an option to conclude a contract and an option contract, the appearance of which caused an ambiguous reaction in modern society. The author conducts a comparative analysis of these legal institutions, and raises the question of their legal nature. Much attention is paid to the problems arising in the process of implementing an option to conclude an agreement and an option agreement for a share in the authorized capital of a limited liability company.

KEYWORDS: option to conclude a contract, option contract, option design, acceptor, offeror, shares of rights in a limited liability company, notarization, and irrevocable offer.

YULDASHEV MIKHAIL YURIEVICH – Non-governmental educational institution organization of higher Education «Russian Academy of Advocacy and Notary».

A.A. Rozhnov

**HOW THE PRESIDENT OF RUSSIA AGAIN BECAME A MONARCH. REFLECTIONS
ABOUT THE CONSTITUTION DE JURE AND DE FACTO OF A HISTORIAN OF STATE AND LAW DUE
TO THE 30th ANNIVERSARY OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION**

ABSTRACT. The essay dedicated to the 30th anniversary of the Constitution of Russian Federation compares the legal and actual status of the head of the Russian state. The actual status of the President of Russia is directly opposite to the one that's provided for by the norms of the Constitution, and corresponds to the centuries-old political and legal traditions of Russian statehood. Using the example of the status of the President, the author comes to the conclusion that the current Constitution in its practical implementation is relevant and does not need to be replaced.

KEYWORDS: Constitution of Russian Federation, President of Russian Federation, Constitution de jure and de facto, separation of powers, monarchy, the Tsar.

ROZHN OV ARTEMIY ANATOLIEVICH – professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of Russian Federation, doctor of law, associate professor.

Требования к оформлению статей

1. Представляемая статья должна быть оригинальной по содержанию. В статье необходимо сформулировать рассматриваемую проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом.

2. Редакция журнала заинтересована в публикациях результатов научных исследований, связанных с деятельностью адвокатуры и нотариата, судебной власти, правоохранительных органов, исследований в области истории, теории государства и права и остальным отраслям права, а также в материалах по экономике, социологии и другим гуманитарным наукам.

Кроме этого, в журнале могут быть опубликованы тезисы выступлений на научно-практических конференциях, симпозиумах, круглых столах, обзоры о проведенных научных мероприятиях, рецензии, отзывы на докторские, кандидатские диссертации, монографии, учебники и другие материалы, представляющие научный интерес для наших читателей.

3. Объем статьи 6-12 страниц; обзор, рецензия, информация – не более 3 страниц.

4. При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге формата А-4, через 1,5 интервала;
- размер шрифта основного текста – 14, в Microsoft WORD 2000-2003;
- поля – 2 см;
- название (заглавие) статьи оформляется 14-м жирным шрифтом, межстрочный интервал – одинарный, отделяется от текста сверху и снизу 1 строкой.

5. Соблюдать при оформлении статьи следующую последовательность:

- над заглавием (справа) указывается автор (инициалы, фамилия);
- заглавие;
- под заглавием дается краткая аннотация и ключевые слова; сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – полностью, должность, место работы, уч. степень, звание и адрес электронной почты);

6. В конце статьи приводится «Библиография» (оформляется в соответствии с действующим ГОСТом, в алфавитном порядке). Затем дается транслитерация русскоязычной библиографии в соответствии с таблицей.

Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит
а	a	з	z	п	p	ч	ch
б	b	и	i	р	r	ш	sh
в	v	й	y	с	s	щ	sch
г	g	к	k	т	t	ь и ъ	опускаются
д	d	л	l	у	u	ы	y
е	e	м	m	ф	f	э	e
е	e	н	n	х	kh	ю	yu
ж	zh	о	o	ц	ts	я	ya

На сайте <http://www.translit.ru> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу, предварительно настроив программу по нашим правилам: й (y), щ (sch), э (e), ю (yu), я (ya)!

7. Все указанные позиции под пп. 5 обязательно оформляются и на английском языке.

8. Ссылки, сноски проставляются постранично автоматически, шрифт для сносок – 12, нумерация сквозная. В сносках на авторов источников сначала следует указать фамилию, затем инициалы, обязательно привести название публикации, затем источник – место, год, номер, страница. Постраничные сноски делаются в усеченном варианте (без тире).

9. Перед библиографическим списком аспирант или соискатель указывает научного руководителя, сведения о нем (фамилия, имя, отчество – полностью, должность, место работы, уч. степень, звание).

При использовании нормативного акта следует привести полное (без сокращений) наименование, указать его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия – цифрами, месяц – словом, год принятия – четырьмя цифрами). Например: Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

10. К рукописи прилагаются:

– сведения об авторе (фамилия, имя, отчество); статус: уч. степень, уч. звание (при наличии), должность и место работы, учебы;

– почтовый служебный или домашний адрес с индексом и телефон;

– рецензия на статью с подписью, заверенной соответствующей кадровой структурой, выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией к опубликованию. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения). Отзыв научного руководителя (для аспирантов, адъюнктов, соискателей). Статья сдается с подписями автора (-ов) на последней странице.

11. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и др. форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем. За любые неправомерные заимствования или использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, авторы несут ответственность в соответствии с законодательством РФ. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.

12. Настоятельно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания юридических терминов, оформление текста работы и ссылок в соответствии с рекомендуемыми Правилами.

13. Плата за публикацию рукописей с аспирантов не взимается.

14. Автору предоставляется право получить бесплатный электронный вариант журнала, а также печатный экземпляр журнала при условии возмещения расходов по его пересылке на указанный автором почтовый адрес.

15. Представленные авторами статьи регистрируются, подлежат обязательному рецензированию членами редакционного совета журнала или приглашенными редакцией учеными, научная специализация которых близка к теме статьи. Авторам предоставляется возможность ознакомиться с содержанием рецензий. При наличии замечаний рукопись возвращается автору на доработку.

16. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения и размещение его в электронной версии журнала.

17. В случае невыполнения предъявляемых к оформлению статьи требований редакция имеет право отказать автору в публикации.

18. Журнал выходит 1 раз в три месяца (март, июнь, сентябрь, декабрь). Срок выхода статьи 3 месяца.

Рукопись направляется в редакцию по адресу:

105120, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1, Российская академия адвокатуры и нота-

риата (с обязательным приложением электронной версии) и может быть направлена по электронной почте: pkosargenko@yandex.ru в Microsoft WORD 2000-2003 (файлу присваивается имя по фамилии автора с указанием «для журнала», «в материалы конференции», например: Кузнецова Г.П., для журнала).

Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по телефону редакции: +7-495-917-38-80, Косаренко Николай Николаевич.

В аннотации к статье в журнале «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» необходимо указать актуальность темы, результаты исследования, теоретическую и практическую значимость и новизну. Объем 0,7-1 страница.

ОБРАЗЕЦ ПРИЛАГАЕТСЯ

Аннотация. Актуальность темы. На основе проведенного исследования автор предпринимает попытку выявить нормативный механизм, регулирующий взаимодействие хозяйствующих субъектов и разработанный государством в целях предотвращения монополизации экономической деятельности, поскольку существуют серьезные проблемы недобросовестной конкуренции, в частности, в сфере гражданской авиации, что обуславливает иной подход к исследуемой проблематике.

Методы исследования. В ходе проведения исследования применены исторический, сравнительно-правовой, формально-догматический методы, метод комплексного анализа, статистический метод.

Результаты исследования (выводы). Научное исследование позволило выявить декларативность эффективности существующих на сегодняшний день механизмов обеспечения конституционного запрета на монополизацию отдельных видов экономической деятельности и обосновать на научной основе необходимость совершенствования нормативной базы и устранения выявленных автором недостатков, приводящих к нарушению баланса интересов различных субъектов предпринимательской деятельности в области правового регулирования гражданской авиации (коммерческих перевозок) и, как следствие, к уменьшению доступности авиационных услуг для населения.

Теоретическая и практическая значимость. Сделанные выводы могут быть использованы в учебной литературе по конституционному и транспортному праву, а также в качестве рекомендаций для правотворческой деятельности.

Новизна. Автором предложен оригинальный подход к совершенствованию нормативного механизма осуществления конституционного запрета монополизации экономической деятельности и недобросовестной конкуренции на примере правового регулирования сферы гражданской авиации.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

ВНИМАНИЕ!

Уважаемые читатели! Подписку на 2024 год на журнал
«Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата»
можно оформить в редакции журнала.

Стоимость подписного издания

один номер 500 рублей,
на полугодие 1000 рублей,
на год 2000 рублей.

Чтобы оформить подписку на журнал «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» через редакцию журнала, можно воспользоваться опубликованной квитанцией, оплатить в любом отделении Сбербанка России, а копию квитанции об оплате отправить по e-mail: nauka-raa@nm.ru или почтой по адресу: Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1, г. Москва, 105120, Россия.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Форма ПД-4			
Получатель платежа „Российская академия адвокатуры и нотариата“			
ИНН 7709255964			
ОАО „Банк ВТБ“			
БИК 044525187			
Корреспондентский счет	30101810700000000187		
Расчетный счет	40703810900030000197		
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Количество комплектов	Сумма
Подписка на журнал «Ученые труды РААН»			
Плательщик			R0903

Кассир

КВИТАНЦИЯ

Форма ПД-4			
Получатель платежа „Российская академия адвокатуры и нотариата“			
ИНН 7709255964			
ОАО „Банк ВТБ“			
БИК 044525187			
Корреспондентский счет	30101810700000000187		
Расчетный счет	40703810900030000197		
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Количество комплектов	Сумма
Подписка на журнал «Ученые труды РААН»			
Плательщик			R0903



ВАШ РЕАЛЬНЫЙ ШАНС СДЕЛАТЬ КАРЬЕРУ АДВОКАТА И НОТАРИУСА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

Лицензия № 1587 от 06 августа 2015 г. (бессрочно)
Свидетельство о государственной аккредитации № 2681 от 04 октября 2017 г.

Председатель Президиума РААН	Ю.С. Пилипенко — вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, член Адвокатской палаты Московской области, член-корреспондент РААН, профессор кафедры адвокатуры Московской государственной юридической университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук
Председатель Попечительского совета РААН	А.К. Исаев — заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной Думе ФС РФ, канд. юрид. наук, доцент
Президент	Г.Г. Черемных — действительный член (академик) РААН, заслуженный юрист РФ, Почетный адвокат России, доктор юрид. наук, профессор
Вице-президенты:	А.П. Галоганов — президент Федерального союза адвокатов России, президент Международного союза (содружества) адвокатов, президент Адвокатской палаты Московской области, заслуженный юрист РФ, доктор юрид. наук, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности РААН К.А. Корсик — президент Федеральной нотариальной палаты РФ, доктор юрид. наук, профессор кафедры нотариата РААН
Ректор	Г.Б. Мирзоев — президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, председатель Международного совета российских соотечественников, член Совета Федеральной палаты адвокатов РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юрид. наук, профессор

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

КОЛЛЕДЖ

Специальность 40.02.01 Право и организация социального обеспечения Квалификация «Юрист»	очная форма — на базе 9 классов — 2 года 10 месяцев; очная форма — на базе 11 классов — 1 год 10 месяцев; заочная форма — на базе 9 классов — 3 года 6 месяцев; заочная форма — на базе 11 классов — 2 года 6 месяцев
--	--

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

БАКАЛАВРИАТ

Направление подготовки 40.03.01 ЮРИСПРУДЕНЦИЯ Квалификация «Бакалавр»	очная форма — 4 года; (бюджетные места) очно-заочная форма — 4 года 6 месяцев; заочная форма — 4 года 6 месяцев (на базе СПО или высшего образования)
Профиль: правозащитная деятельность	

МАГИСТРАТУРА

Направление подготовки 40.04.01 ЮРИСПРУДЕНЦИЯ Квалификация «Магистр»	очная форма — 2 года; (бюджетные места) очно-заочная форма — 2 года 4 месяца; заочная форма — 2 года 4 месяца (бюджетные места)
Профильная направленность:	Адвокат и адвокатская деятельность; Корпоративный юрист; Нотариус и нотариальная деятельность; Правовое сопровождение сделок с недвижимостью; Юридическая конфликтология и медиация; Юрист в сфере противодействия преступности

АСПИРАНТУРА

Программы подготовки научных и научно-педагогических кадров	очная форма — 3 года
--	----------------------

Научная специальность:	5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки
-------------------------------	---

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Высшие курсы повышения квалификации адвокатов Российской Федерации
Высшие курсы повышения квалификации нотариусов Российской Федерации
Курсы по подготовке претендентов на приобретение статуса адвоката
Институт судебного представительства
Институт медиации

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

Адрес: 105120, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1
Проезд: ст. м. «Курская», «Чкаловская» (10 минут пешком)
Тел. +7-495-917-24-78, +7-495-916-16-04, факс +7-495-917-30-67. Адрес сайта: www.raa.ru, e-mail: pkraan@yandex.ru

Ежедневно принимаются заявки от членов адвокатских и нотариальных палат, представителей причастных к адвокатуре и нотариату профессий на прохождение обучения на Высших курсах повышения квалификации адвокатов и нотариусов. Слушатели курсов обеспечиваются учебной и методической литературой.

Начальник Учебно-методического отдела — Ю.Н. Богданова, тел.: +7-495-917-05-83.
Ответственный секретарь приемной комиссии — Р.П. Смирягина, тел.: +7-495-917-24-78.
Высшие курсы повышения квалификации адвокатов РФ — С.И. Володина, тел.: +7-495-916-13-64.
Высшие курсы повышения квалификации нотариусов РФ — Н.Н. Тодкий, тел.: +7-495-916-12-48.
Институт судебных представителей — В.В. Иванова, тел.: +7-495-916-13-64.
Институт медиации — Е.Н. Сенина, тел.: +7-909-218-07-97.





МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АДВОКАТОВ (МАРА)

Основана в 2015 году

Ассоциация юристов «Международная ассоциация русскоязычных адвокатов» (МАРА) – некоммерческая корпоративная организация, созданная в организационно-правовой форме ассоциации, основанной на добровольном членстве юридических и физических лиц: юристов, адвокатов, нотариусов и правозащитников различных стран.

Ассоциация учреждена Международным советом российских соотечественников и Гильдией российских адвокатов при поддержке Администрации Президента РФ, МИД России, Россотрудничества, Федеральной палаты адвокатов РФ и Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом.

В создании ассоциации также приняли участие иностранные представители более 80 государств.

Важнейшей задачей ассоциации является сотрудничество с соотечественниками, занимающимися юридической практикой за рубежом с использованием в работе русского языка, а также с международными, национальными, региональными правозащитными союзами и ассоциациями. Предметом такого взаимодействия является защита интересов Российской Федерации, российских граждан и юридических лиц в судебных, государственных, административных и иных органах иностранных государств.

Основными целями и предметом деятельности Ассоциации являются:

- координация деятельности и осуществление представительства интересов членов Ассоциации;
- защита прав и законных интересов российских соотечественников, проживающих за рубежом;
- организация защиты интересов Российской Федерации в случае межгосударственных конфликтов;
- организация юридической помощи компаниям и фирмам от недружественных поглощений, представительства сторон по хозяйственным спорам, взысканию долгов и убытков, делам о банкротстве, сопровождение разного рода сделок;
- организация юридической помощи по уголовным делам, в т.ч. в сфере экономических и хозяйственных отношений;
- содействие укреплению сотрудничества Ассоциации с юристами, некоммерческими правозащитными организациями, адвокатскими сообществами в странах СНГ и других государствах;
- расширение и укрепление международных, профессиональных и культурных связей;
- оказание экспертной помощи и поддержки при обсуждении законопроектов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и зарубежных государств, касающихся законных прав и интересов российских соотечественников;
- пропаганда призванных мировым сообществом принципов и стандартов защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом;
- изучение и распространение передового мирового опыта правозащитной деятельности, а также обмен опытом работы русскоязычных юристов разных стран;
- подготовка письменных заключений и консультаций, независимых правовых экспертиз и исследований различных законопроектов и нормативных правовых актов;
- содействие в разработке законодательства о гарантиях правовой защиты соотечественников.

Президент – Мирзоев Гасан Борисович;

Первый вице-президент – Неборский Михаил Юрьевич;

Вице-президенты: Губенков Сергей Юрьевич, Гурованидис Георгий Тамазович, Иоффе Михаил Леонидович.

Адрес:

Россия, 105120, Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1.

Приемная президента:

Тел.: +7-495-917-82-48, факс: +7-495-917-30-67;

Web.: www.iarl.pro E-mail: info@iarl.pro